

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (27) 2015

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Первый заместитель главного редактора

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алексеева Н.А. (Ярославль, Россия)

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушев Д.С. (Архангельск, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Иваново, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Ещё один шаг в развитии теоретической экономики	4
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Шкиотов С.В. Внутренние противоречия функционирования Евразийского экономического союза	11
--	----

Субетто А.И. Онтологическая ложь бытия капиталократии и ее развенчание в XXI веке (что происходит с человечеством и Россией в начале XXI века)	15
---	----

Котляров И.Д. Пути формирования гибрида	25
--	----

Сысоев С.А. Специфичность активов и социальный капитал	37
---	----

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Альпидовская М.Л. Информация о проведенной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации	42
--	----

Эпштейн Д.Б. Проблемы и условия перехода экономики России к новой индустриализации	46
---	----

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ

Гордеев В.А., Гордеев А.А. Методология исследования индустриализации в русле теоретической экономики	56
---	----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли)	64
--	----

Мурзина С.М. Исследование рынка как культуры на основе инструментария социологии и культурологии в рамках институциональной экономики	75
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Гордеев В.А. Рецензия на монографию Дмитриева Ю.А., Иваницкой А.Е., Шустрова Л.И. «Менеджмент развития инновационной деятельности на предприятиях в условиях модернизации экономики»	84
---	----

Мелиховский В.М. Исследование провинциальной экономики. Рецензия на монографию: Н.Н. Свиридов, О.Н. Грабова, Н.П. Гибало, А.В. Храмина. «Потенциал и резервы провинции: теория и практика»	88
---	----

ЕЩЁ ОДИН ШАГ В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Поздравляем Вас с майскими праздниками, желаем Вам доброго здоровья и новых творческих удач! Предлагаем Вашему вниманию очередной – третий (двадцать седьмой) – номер, который вышел в Интернет утром 1 мая, и рассчитываем на продолжение нашей взаимной работы над освоением и развитием теоретической экономики.

И прежде всего, обращаем Ваше внимание, уважаемый читатель, на первую и главную рубрику – «Актуальные проблемы теоретической экономики». Здесь опубликовано четыре работы. Первую из них подготовил Сергей Владимирович Шкиотов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», первый заместитель главного редактора нашего журнала (г. Ярославль, Российская Федерация). Его статья называется «Внутренние противоречия функционирования Евразийского экономического союза». В ней показано, что в условиях санкционной войны против России новое интеграционное объединение (ЕАЭС) подвергается серьезным испытаниям. В статье рассматриваются сроки, механизм создания и диспропорции экономик как факторы, препятствующие эффективному функционированию ЕАЭС. Обосновывается, что модель политического торга, сформировавшаяся в рамках ЕАЭС, демонстрирует слабость институтов наднационального регулирования.

Второй материал данной рубрики имеет название «Онтологическая ложь бытия капиталократии и ее развенчание в XXI веке (что происходит с человечеством и Россией в начале XXI века)». Представил данную статью Субетто Александр Иванович – Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, проректор Смольного института Российской академии образования (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Его работа посвящена исследованию категории капиталократии. Автор определяет её как власть капитала над человечеством вопреки объективным интересам самого человечества. По мнению автора, господство капиталократии в XXI веке вступает в противоречие с объективными законами бытия природы и человека. Особое внимание уделено проблемам России. Автор показывает, что спасение России и всего человечества состоит в освобождении от господства капиталократии. Как видите, эта работа А.И. Субетто в определенном плане продолжает развивать идеи, которые были выдвинуты в его монографии, отрецензированной мною в нашем журнале ранее [1].

Следующий материал в эту рубрику под названием «Пути формирования гибрида» подготовил для Вас Котляров Иван Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент

департамента финансов ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). В его статье дан анализ существующей модели формирования гибридного предприятия. Показано, что наличие сетевой (отношенческой) составляющей важно для устойчивости гибрида в долгосрочной перспективе. Однако гибрид, по мнению автора, может функционировать и без сетевой составляющей. В работе И.Д. Котлярова приведены примеры ситуаций, когда сочетание рыночного и иерархического механизмов регулирования не сопровождается возникновением сетевых отношений. Автором предложена новая схема формирования гибрида.

Завершается рубрика «Актуальные проблемы теоретической экономики» статьей «Специфичность активов и социальный капитал». Её представил Вашему вниманию Сысоев Сергей Александрович, соискатель степени кандидата экономических наук, кафедра теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь). В данной работе рассматривается роль социального капитала в повышении эффективности инвестиций в малоспециализированные и высокоспециализированные активы. В статье показано, что эффективность инвестиций в такие активы будет зависеть от способности компании-заказчика и компании-производителя технологического оборудования формировать в своих отношениях социальный капитал, т.е. идти на взаимные уступки, принимать взаимовыгодные решения, доверять друг другу и т.д.

В рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» Вашему вниманию предлагается информация о проведенной в марте текущего года II-й Международной научной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации по теме «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания». Данную информацию представила Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика».

Затем в этой же рубрике публикуется статья, которая была представлена как доклад на указанную конференцию в Финуниверситете, которой наш журнал как соорганизатор обеспечивает информационную поддержку. Название статьи – «Проблемы и условия перехода экономики России к новой индустриализации». Её автор – Эпштейн Давид Беркович, доктор экономических наук, профессор Северо-Западного Научно-исследовательского Института экономики сельского хозяйства РАСХН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). В данной работе анализируются причины того, почему в России не осуществлен переход к новой индустриализации. Показано, что это обусловлено рядом особенностей экономики России. На ряде известных примеров показана роль «перволотчка» в реформах СССР, КНР, Японии, Южной Кореи и Германии. Этот «перволотчок», осуществляемый руководством страны, позволяет, по мнению автора, преодолевать тормозящие особенности и превратить их в конкурентные преимущества. Д.Б. Эпштейном предложены элементы экономической политики, которые, как он считает, могут сыграть роль «перволотчка» для экономики России. Среди них особенно важны отказ от праволиберального экономического курса и сохранение низкого валютного курса рубля.

Рубрика «Международная конференция в Ярославле» представлена в данном номере нашей совместной с Гордеевым Артемом Анатольевичем, соискателем ученой степени кандидата экономических наук работой. Её название – «Методология исследования индустриализации в русле теоретической экономики». Наша статья, как видите из её названия, посвящена характеристике методологических основ изучения индустриализации. Здесь мы показываем, что, с точки зрения теоретической экономики, надо изучать индустриализацию в русле полиметодологического подхода в единстве её содержания и формы. Для изучения содержательного аспекта необходима, по нашему мнению, прежде всего методология классической политэкономии. А для изучения формы

проявления, как показано в статье, может быть использована с определенными допущениями неоклассическая методология, а также неоинституциональная теория.

Следующая рубрика «Творчество молодых исследователей» открывается работой по теме «Модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли)». Её подготовила для Вас Кладова Анна Анатольевна, соискатель ученой степени кандидата экономических наук с кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация) в соавторстве и под научным руководством Вашего покорного слуги – Гордеева Валерия Александровича, доктора экономических наук, профессора, профессора этой же кафедры, действительного члена Академии философии хозяйства, зарубежного члена Академии *Metaepistemia Universum*. В нашей статье на основе политэкономической концепции конкуренции и ее развития рассматриваются сущность, субъектный состав банковской конкуренции в России и направления ее модификации в условиях экономических санкций зарубежных государств. Мы делаем вывод о том, что государство в лице подконтрольных ему банков, не состоящих между собой в антагонистических, конкурентных отношениях, выступает в качестве основного субъекта конкуренции в отечественном банковском секторе. В качестве основных тенденций модификации банковской конкуренции названы ее угасание, выражающееся в снижении числа действующих в стране банков и росте уровня концентрации сектора, и сопровождающее его обострение вследствие агрессивных мер конкурентной борьбы со стороны государства и неблагоприятных политико-экономических факторов, обусловленных введенными в отношении РФ санкциями.

Продолжает данную рубрику работа под названием «Исследование рынка как культуры на основе инструментария социологии и культурологии в рамках институциональной экономики». Её представила Мурзина Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, магистрант кафедры экономической теории Южного федерального университета, (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация). Данная статья рассматривает культурологические и социологические аспекты трансформации социальных отношений культуры и рынка в начале XXI века. Исследование рынка осуществляется с точки зрения социологических и культурологических дискурсов. Анализируется рынок как культура на основе взаимного понимания, которое возникает из взаимодействия, а затем институционализируется. Рынок рассматривается как универсальный регулятор многих социальных процессов. Упорядочение осуществляется по средствам определенных норм и правил. Сфера культуры анализируется как трехуровневый потребитель информационного рынка. Используются следующие методологические подходы к исследованию перспективных форм взаимодействия социальных институтов в современном мире: полисистемный, маркетинговый, коэволюционный. Взаимодействие сферы культуры и рынка как социального института предлагается изучать в контексте их коэволюции, рекомендуется проводить многоаспектные исследования рынков как феноменов культуры на стыке социально-гуманитарного и экономического знания.

В рубрике «Рецензии» предлагаются две работы. Во-первых, моя рецензия на монографию коллег из ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых», которая называется «Менеджмент развития инновационной деятельности на предприятиях в условиях модернизации экономики». Одна из соавторов этой монографии – Иваницкая Анна Евгеньевна – экономист Центра трансферта технологий Технопарка названного вуза. Недавно она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, по материалам которой и выполнена рецензируемая монография. Защита была у нас в Ярославле, где я как член диссертационного совета смог познакомиться и с защищаемой работой, и с рецензируемой книгой. А научным руководителем соискательницы выступил Дмитриев Юрий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, соавтор рассматриваемой монографии. Другой соавтор – Шустров Леонид Иванович, кандидат экономических наук.

Во-вторых, рецензия на монографию Н.Н. Свиридова, О.Н. Грабова, Н.П. Гибало, А.В. Храмина «Потенциал и резервы провинции: теория и практика». Рецензент – Мелиховский Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Российская Федерация) – считает, что коллектив авторов рецензируемой монографии смело начал исследование мало изученной дискуссионной проблемы – провинциальной экономики. В начале 21 века в России на фоне общего экономического роста обозначились территории с недостаточной развитостью социальной и производственной инфраструктуры, бедностью населения, со снижением его ресурсного потенциала, а ведь это составляет примерно 50 процентов населения России. Часто эти регионы называют провинцией, подчеркивая тем самым их отсталость от центра и столичного уровня. Между тем на этих просторах живут творческие люди, которые обладают большими возможностями. Выявить потенциал и резервы этих территорий – такую задачу поставили перед собой исследователи – костромичи.

Таково содержание очередного номера нашего журнала, предлагаемого Вашему вниманию. Кроме того, обращаем Ваше внимание на пополнение в составе нашей редколлегии, начиная с данного номера, за счет вступления в наши ряды Натальи Андреевны Алексеевой (г. Ярославль, Российская Федерация), Валентины Михайловны Бондаренко (г. Москва, Российская Федерация) и Александра Ивановича Новикова (г. Иваново, Российская Федерация). Позвольте Вас с ними познакомить.

Алексеева Наталья Андреевна – доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кандидат экономических наук. В 2009 г успешно закончила Всероссийский Заочный Финансово-экономический институт (ныне Финансовый университет при Правительстве РФ) по специальности «Финансы и кредит», после чего поступила в аспирантуру ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» по специальности 08.00.01 – «Экономическая теория». В мае 2012 года защитила кандидатскую диссертацию в диссертационном совете при Ивановском государственном университете на тему «Малый бизнес в системе общественного воспроизводства» (специальность 08.00.01 – «Экономическая теория»). Её научным руководителем был член редколлегии нашего журнала, доктор экономических наук, профессор Василий Иванович Корняков. Наталья Андреевна – неоднократный победитель конкурса молодых ученых и преподавателей ЯГТУ, получатель гранта. Она автор более 50 публикаций, в том числе монографии в соавторстве с научным руководителем, разделов в коллективных монографиях, а также статей и выступлений в рецензируемых отечественных изданиях, интернет-изданиях. Монография в соавторстве (по результатам диссертационного исследования): Н.А. Алексеева, В.И. Корняков Особое участие современного малого бизнеса в процессах осуществления общественного воспроизводства: монография. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2012. – 184 с. Среди коллективных монографий:

1) Экономическая теория в XXI веке – 8(15): Экономика модернизации: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. – М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. – 496 с.;

2) Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях перехода к инновационному развитию: колл. монография в 2-х тт. / Под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, проф. Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. В.А. Плотникова. – СПб.: Астерион, 2010. – Т. 1. – 394 с.

Среди статей в реферируемых периодических изданиях у Н.А. Алексеевой 12 публикаций в изданиях, входящих в список ВАК. В настоящее время проходит процедуру рецензирования публикация в иностранном (международном) журнале, включенном в базу научного цитирования Scopus.

Сфера научных исследований и тематика интересов Н.А. Алексеевой: общественное воспроизводство, малый бизнес в системе общественного воспроизводства, инновационное

развитие экономики и предпринимательства. Публикации в журнале «Теоретическая экономика»:

1. Алексеева Н.А., Корняков В.И. О включении малого бизнеса в общественное воспроизводство // Теоретическая экономика. 2011. № 2.

2. Алексеева Н.А., Корняков В.И. Дирижизм и воспроизводственный поворот // Теоретическая экономика. 2015. № 1.

Важно отметить, что Н.А. Алексеева осуществляет такую необходимую функцию для журнала «Теоретическая экономика», как работу с онлайн-программой разметки Artculus, предназначенной для подготовки выпусков журнала в формате XML к размещению в Научной электронной библиотеке и Российском индексе научного цитирования. Обработка каждого выпуска журнала осуществляется посредством корректной загрузки следующих параметров: добавление данных о номере, введение информации об авторах статьи, разметка других элементов статьи (страницы, раздел, тип статьи), заглавие, аннотация, ключевые слова, список литературы, коды УДК, а также присоединение в систему файлов каждого выпуска журнала. Безошибочно обработанные таким образом текстовые данные каждого номера журнала, подлежат дальнейшему архивированию и загрузке в eLibrary. Мы весьма благодарны Наталье Андреевне за эту работу.

Что касается другой коллеги, пополнившей ряды членов нашей редколлегии, то Валентина Михайловна Бондаренко – ведущий научный сотрудник Центра исследований реального сектора экономики Института экономики РАН, кандидат экономических наук, действительный член Российской академии естественных наук и Международной академии исследований будущего. В 1991 г. в Институте экономики Академии наук СССР она защитила диссертацию по специальности – «политическая экономия».

Научная деятельность Валентины Михайловны связана с исследованием на междисциплинарной основе с политико-экономических и мировоззренческих позиций проблем формирования и функционирования механизма взаимосвязи производства, распределения, обмена и потребления в различных формах производственных отношений. Автор активно работает над проблемой поиска и обоснования новых производственных отношений и адекватных им производительных сил, формирования стратегии развития России и новой модели жизнеустройства.

Бондаренко В.М. является автором новой парадигмы прогнозирования будущего из будущего и новой методологии познания, которая позволила выявить объективные закономерности в развитии человеческого сообщества. В 2008 г. опубликована её монография «Прогнозирование будущего: новая парадигма» (под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 283 с.). В 2012 г. и 2014 г. вышло два издания монографии «Бескризисное развитие – миф или реальность» (Бондаренко В.М.. ИД «НАУКА», 2012. – 396 с. и Бондаренко В.М..М.: ЛЕНАНД, 2014. – 304 с.) Всего она опубликовала более 230 работ в России и за рубежом, в т.ч. статью на английском языке в мировом издании, индексируемом в системе Scopus, – журнале WORLD FUTURES (2014 г.) и написала ряд глав в различных монографиях на русском и английском языках, затрагивающих фундаментальные теоретические проблемы формирования стратегии перехода на бескризисный путь развития России и мира. Члены нашей редколлегии активно поддержали вступление Валентины Михайловны в наши ряды.

А теперь информация об А.И. Новикове. Новиков Александр Иванович – профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Родился в 1950 году, окончил Московский кооперативный институт. С 2001 года кандидат экономических наук. Ученое звание доцента присвоено в 2004 году. С 2006 года доктор экономических наук. Ученое звание профессора по кафедре экономической теории присвоено в 2013 году. Стаж научно-педагогической работы составляет 18 лет.

Новиков А.И. имеет следующие показатели в системе РИНЦ: количество публикаций – 53, количество цитирований – 51, индекс Хирша – 3. Всего имеет 338 публикации из них 283 научных работ и 51 учебно-методических, в том числе 26 в журналах по перечню ВАК, 19 монографий. Направления исследования: общественное воспроизводство, земельно-имущественный комплекс, агропродовольственный рынок и его регулирование, проблемы общественного здоровья.

Новиков А.И. является членом диссертационного совета Д 212.062.05 при Ивановском госуниверситете, а также членом Координационного совета по малому предпринимательству и кооперативному движению при Губернаторе Ивановской области. Принимал участие в подготовке и реализации грантов по линии РФФИ и РГНФ, участвовал в разработке «Стратегии социально-экономического развития г. Иваново», в научном и методическом сопровождении создания информационно-консультационной службы на сельских территориях Ивановской области. Научные результаты актуальны, имеют научную новизну, практическую и научную ценность. Был ответственным редактором журнала «Вопросы землеустройства и землепользования», издаваемого издательством при Ивановской сельскохозяйственной академии им. Д.К. Беляева.

Повышение квалификации Александр Иванович прошел при Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, при Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования и повышения квалификации, Ивановском госуниверситете. Имеет правительственную награду (награжден знаком «За добросовестный труд в потребительской кооперации России»), является ветераном труда. Награждался почетными грамотами и благодарственными письмами. По результатам научных исследований удостоен диплома «Инновации Ивановской области».

В завершение обращаем Ваше внимание на следующую информацию о теме докторской диссертации А.И. Новикова и его отдельных публикациях, в том числе в электронном журнале «Теоретическая экономика»:

1. Диссертация на соискание ученой степени доктора наук на тему «Особенности воспроизводства процесса и мобилизация резервов в агропродовольственной системе депрессивного региона (методология, теория, прикладные аспекты)» по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством защищена в 2006 году в диссертационном совете при Ивановском госуниверситете.

2. Новиков А.И. Проблемы конкуренции на рынке продовольствия: региональный аспект // Модификация современной конкуренции в зеркале теоретической экономики, сборник статей междунауч. конф. ЯГТУ 24. 10. 2013, Под общей ред. В.А. Гордеева. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 431 с. ISBN 978-5-9914-0380-1, электронный журнал.

3. Новиков А.И., Некрасова И.В. Идеи холизма в механизме формирования текстильного кластера Ивановской области // Теоретическая экономика. Научный электронный экономический журнал, www.theoreticaleconomy.info. 2013, №4 (16).

4. Новиков А.И., Андрескус Е.А., Сабурова А.А. Актуальные вопросы земельной собственности. // Электронный журн. «Теоретическая экономика», №6, 2012, эл. доступ www.theoreticaleconomy.info.

5. Новиков А.И., Панова А.Н. Рациональное использование земельных ресурсов: региональный аспект. // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2014, №2 (38).

6. Новиков А.И. Формирование экономического пространства цивилизованного уровня: региональный аспект. // Экономика образования. 2013. №1.

7. Новиков А.И., Губин В.В. Земельная реформа в ее логических противоречиях. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т.19. – №2.

Такова информация о новых членах редколлегии нашего журнала. Мы рассчитываем, что такое пополнение будет способствовать дальнейшему развитию теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима.

В заключение позвольте теперь от имени более широкого состава редакционной коллегии высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Рецензия на книгу Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»

г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: shkiotov@mail.ru

Аннотация. В условиях санкционной войны против России новое интеграционное объединение (ЕАЭС) подвергается серьезным испытаниям. В статье рассматриваются сроки, механизм создания и диспропорции экономик как факторы, препятствующие эффективному функционированию ЕАЭС. Обосновывается, что модель политического торга, сформировавшаяся в рамках ЕАЭС демонстрирует слабость институтов наднационального регулирования.

Ключевые слова: Таможенный союз; Евразийский экономический союз; противоречия; модель политического торга; санкции; диспропорции экономик

Код УДК: 339.924

Annotation. In conditions of sanctions war against Russia a new integration association (EEU) is being seriously tested. The article considers terms, mechanism of creation and disproportions of the economies as obstacles to effective functioning of the EEU. It is proved that the model of political bargaining that has developed within the framework of the EEU demonstrates the weakness of institutions of supranational regulation.

Keywords: Customs Union; Eurasian Economic Union; contradictions; model of political bargaining; sanctions; disproportion of the economies

ВВЕДЕНИЕ

1 января 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе четырех государств (России, Белоруссии, Казахстана, Армении) начал свою работу. Новое интеграционное объединение возникло на базе Таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). С одной стороны, нельзя не отметить стремительность возникновения этого объединения, а с другой – его можно рассматривать как своеобразный итог интеграционных процессов на постсоветском пространстве, инициированный созданием Содружества Независимых Государств (СНГ) в 1991 г. ЕАЭС в своем становлении прошел все классические этапы интеграции: зона свободной торговли (в рамках СНГ); таможенный союз; общий рынок (ЕЭП) и, наконец, наивысший этап интеграции – экономический союз. То, на что объединенной Европе понадобилось почти полвека, было пройдено ЕАЭС де-юре за 5 лет (18 октября 2011 г. был подписан договор о зоне свободной торговле между 8 странами СНГ, хотя де-факто этот режим возник с созданием СНГ). Вместе с тем, создание ЕАЭС окончательно оформило

границы постсоветской интеграции: Молдавия, Грузия, Украина сформировали блок условных «противников», сделав выбор в пользу евроинтеграции; Киргизия и Таджикистан – резерв роста ЕАЭС; Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан сохраняют нейтралитет, балансируя между центрами силы на Востоке (Китай) и Западе (ЕС).

Необходимо понимать, что за бравурными речами президентов объединившихся стран, радужными ожиданиями выгод интеграции, экономической мощью объединения находятся объективные данные, указывающие на негативную динамику товаропотоков между союзными государствами, замедление темпов экономического роста, девальвацию национальных валют и мощное санкционное давление на российскую экономику [1]. Серьезные вызовы, стоящие сейчас перед новым интеграционным объединением, обусловлены не только слабой конъюнктурой мирового хозяйства, но и внутренними противоречиями союза: сроки, механизм создания и диспропорции экономик стран-участниц – факторы, препятствующие эффективному функционированию ЕАЭС.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема диспропорции экономик ЕАЭС. Простое сопоставление экономических потенциалов стран ЕАЭС показывает колоссальный экономический разрыв между ведущей экономикой объединения – Россией – и остальными участниками (табл. 1).

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели стран ЕАЭС, 2013 г.

Страны	ВВП, в млрд. долл. США	Население, в млн. чел.	ВНД на душу населения, в долл. США	Индекс потребительских цен, в %
Армения	10,43	2,9	3 800	5,8
Белоруссия	71,71	9,4	6 730	18,3
Казахстан	231,9	17,04	11 550	5,8
Россия	2097	143,5	13 850	6,8

Источник: World Bank [2].

Дилемма «союза неравных», впрочем, характерная и для других интеграционных объединений, в современных реалиях приобретает и другое, более мрачное наполнение:

1. ведущая экономика интеграционного объединения всегда *оплачивает издержки* его создания и функционирования (преференции только Белорусской стороне за 2000-е гг. по оценкам ВШЭ составили 70 млрд долл.) [см.: 3, с. 30], что в условиях жесточайших бюджетных и кредитных ограничений ставит Россию перед нелегким выбором между спонсированием ЕАЭС и необходимостью выполнения внутренних социальных обязательств;
2. экономическое неравенство порождает политическое неравенство, возникает известный *соблазн диктата* не только в экономических, но и политических отношениях, несмотря на

принципы равноправия и учета национальных интересов Сторон (ст.3 Договора о создании ЕАЭС), заложенные при создании ЕАЭС. В этом смысле примечательно высказывание президента Узбекистана И.А. Каримова: «Они говорят, что создают лишь экономический рынок и ни в коей мере не откажутся от суверенитета и независимости. Скажите мне, разве может быть политическая независимость без экономической?» [4];

3. в рамках интеграционного объединения возникает механизм *отрицательной обратной связи* между странами, когда спад в ведущей экономике союза, подобно жидкости в сообщающихся сосудах перетекает (через сокращение объемов взаимной торговли и производства) в менее развитые экономики, увлекая их вслед за собой в рецессионную спираль [5].

Механизм создания ЕАЭС. В основе механизма создания ЕАЭС находится не избирательный, а *механистический принцип* включения стран в состав интеграционного объединения, что проявляется двояко:

1. отсутствие четко прописанных *механизмов соблюдения* макроэкономических, политических, социальных требований к параметрам экономик стран-членов ЕАЭС (общие для всех стран параметры: дефицит консолидированного бюджета сектора госуправления не выше 3% ВВП, долг этого сектора – не более 50%, общий предел по инфляции – самый низкий уровень среди всех национальных экономик плюс 5 процентных пунктов) обостряет вышеописанную дилемму «союза неравных». Впрочем, не стоит думать, что ЕАЭС здесь является исключением из правил, выражение «союз неравных» в той же мере относится и к объединенной Европе. Однако разница в нюансах между ЕАЭС и ЕС разительна: наличие четко прописанных экономических требований к новым членам ЕС, общие демократические принципы, тщательно проработанные процедуры и инициативы во многом выравнивают, смягчают эту проблему. Москва, в свою очередь, желает всеми возможными способами, не взирая на социально-экономические различия стран, нарастить число участников, добиваясь большего экономического масштаба, веса в мировой экономике, оставляя проблемы сглаживания диспропорций на потом. Можно сказать, что за присоединением стран в рамках ЕАЭС стоят прежде всего *геополитические интересы одной стороны*, а в случае ЕС – *экономические, многих*. В этом смысле показательны переговоры о присоединении к ЕАЭС беднейших экономик постсоветского пространства с нестабильными политическими режимами – Киргизии и Таджикистана;
2. присоединение Армении (договор о присоединении к Союзу был подписан 10 октября 2014 г.), *не имеющей общих границ* с государствами ЕАЭС, известная натянутость отношений этой страны с Азербайджаном ставят под вопрос планы создания на территории интеграционного объединения мощного логистического хаба, объединяющего Восток и Запад [6, с.32].

Сроки создания ЕАЭС. Стремительность создания ЕАЭС, о которой упоминалось выше, на практике означает не только отсутствие дисциплины в вопросе выполнения разнообразных норм ТС, но, и самое главное, отработанных процедур разрешения споров между участниками объединения. Понятно, что подобные институты взаимодействия выстраиваются медленно, а практика работы наднациональных органов управления (Евразийская экономическая комиссия, Высший евразийский экономический совет) далека от совершенства. Однако здесь обращает на себя внимание противоречие между экономическим характером самого союза и политическим механизмом разрешения споров. Парадоксально, как любые экономические проблемы тут же переводятся в политическую плоскость и наоборот. Зачастую, вместо Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), призванной разрешать все торговые неурядицы в отношениях стран-партнеров на первый план выходят личные звонки и переговоры президентов. Это порождает пагубную

практику, когда вместо *консоциативной модели принятия решений* и разрешения споров в рамках действующих институтов, выстраивается альтернатива в виде *модели политического торга*. Например, в ответ на конфликт белорусской стороны с менеджментом «Уралкалия» в 2013 г., Россия поспешила ввести ряд торговых ограничений на импорт молочной продукции из этой страны, а согласие Белоруссии на присоединение к ЕАЭС напрямую увязывалось А. Лукашенко с вопросом об отмене перечисления вывозных таможенных пошлин в российский бюджет от экспорта нефтепродуктов.

Более того, стремительность создания ЕАЭС де факто постулирует: в кратко- и среднесрочной перспективе нормы, механизмы и процедуры ТС и ЕЭП сохраняют свое действие; по сути прямо сейчас в отношениях стран ничего не изменяется, а настоящая экономическая интеграция откладывается до 2018-2025 гг. (именно на этот период запланировано создание общего энергорынка, финансового мегарегулятора и пр.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеописанные внутренние противоречия ЕАЭС особенно ярко проявляются на фоне санкционной войны против России. Единая внешнеторговая политика, лежащая в основе функционирования ЕАЭС, на практике оборачивается фикцией: экономические санкции в отношении России не распространяются на другие государства ЕАЭС и, в свою очередь, ни одна из этих стран не присоединилась к ответным мерам Москвы. Более того, единое таможенное пространство используется партнерами по союзу оппортунистически – для реэкспорта запрещенных товаров на территорию России. Может показаться, что предъявлять претензии к интеграционному объединению, существующему менее месяца преждевременно, однако не стоит забывать – фундаментом ЕАЭС являются ТС и ЕЭП, существующие уже пятый год. Модель политического торга, сформировавшаяся в рамках ЕАЭС, демонстрирует слабость и институтов наднационального регулирования, и процедур разрешения экономических споров; зачастую сиюминутные политические выгоды перевешивают долгосрочные экономические интересы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия, Белоруссия и Казахстан объединились в Евразийский экономический союз // Российская газета. – 2014. – 30 мая.
2. The World Bank Database [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/country/>
3. Ротарь И. Станет ли Рахмон таджикским Путиным? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2014/06/17/1281144.html>
4. Зиядуллаев Н. ЕАЭС: между политикой и экономикой / А. Зиядуллаев // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 25–37.
5. Шкиотов С. В. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: теоретический аспект анализа / С. В. Шкиотов // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5, Ч. 2.
6. Быков А. Евразийская интеграция, ее перспективы и возможности / А. Быков // Российский экономический журнал. – 2014. – № 1. – С. 24–39.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ БЫТИЯ КАПИТАЛОКРАТИИ И ЕЕ РАЗВЕНЧАНИЕ В XXI ВЕКЕ

(ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ И РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА)

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор. Смольный институт Российской академии образования, проректор, Ноосферная общественная академия наук, президент. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: subal1937@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории капиталократии. Автор определяет её как власть капитала над человечеством вопреки объективным интересам самого человечества. По мнению автора, господство капиталократии в XXI веке вступает в противоречие с объективными законами бытия природы и человека. Особое внимание уделено проблемам России. Автор показывает, что спасение России и всего человечества состоит в освобождении от господства капиталократии.

Ключевые слова: капиталократия; онтологическая ложь; конфликт с бытием природы и человека; ноосферный социализм; развитие; теория

Код УДК: 330.14

Annotation. Article is devoted to research of category of a capitalocracy. The author defines it as the power of the capital over mankind contrary to objective interests of mankind. According to the author, domination of a capitalocracy in the XXI century conflicts to objective laws of life of the nature and the person. The special attention is paid to problems of Russia. Author shows that rescue of Russia and all mankind consists of release from domination of a capitalocracy.

Keywords: kapitalokratiya; ontologic lie; conflict to life of the nature and person; noosphere socialism; development; theory

Понятие «капиталократия» было изобретено автором в 1995 году. Затем автор к нему неоднократно возвращался, в частности в работах «Принцип богоизбранности народа как принцип расизма в «религиозной оболочке» (1997, 23 с.) и «Россия и человечество на «перевале» Истории в преддверии третьего тысячелетия» (1999, 827 с.).

Уже в работе «Принцип богоизбранности народа как принцип расизма в «религиозной оболочке» автор показал, как *происходит замещение теократии (власти Бога) капиталократией (властью Капитала), в которой «богоизбранность» тех или иных народов или элит предстаёт как избранность на мировое господство, на эксплуатацию труда и в целом жизни «неизбранных».*

Капиталократия выстраивает свое мировое господство, вернее – стремление к мировому господству, поскольку абсолютного мирового господства она достигнуть не может не только

потому, что против этого восстает природа Человека, но и потому, что против этого восстала сама Природа в виде уже начавшейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, *осуществляет разделение народов и людей, в том числе на «избранных» (избранных Капиталом-Богом) и «неизбранных» (эксплуатируемых или обрекаемых решением мировой финансовой капиталократии на вымирание в XXI веке), на «элисту», призванную господствовать, и «быдло», которое должно молча сносить и эксплуатацию, и все издевательства над его человеческим достоинством¹.*

Первый прорыв автора в вопросе теоретического осмысления капиталократии был осуществлен в монографии «Капиталократия» в 2000 году, последнем году XX века.

Теория капиталократии, по моей оценке, дополняет теорию капитала в политэкономии. Об отчужденной власти капитала и денег – власти не только над эксплуатируемым Трудом, но и власти над самим Капиталом, писал еще Карл Маркс в своем «Капитале» в середине XIX века. Однако эти высказывания не трансформировались в саму теорию капиталократии. Капитал исследовался как движущая сила капиталистического воспроизводства.

Теория капиталократии расширяет представление о капитале, как отчужденной силе власти, противостоящей не только Трудом, но и Человеку, самой Природе, т.е. противостоящей самому Бытию в его глубинной сущности – как Бытию Природы (Космоса, Универсума) и Бытию Человека, как неотъемлемой части бытия Природы, эволюционно из нее выделяющейся, – противостоящей самой Логике Эволюции Природы и Человека.

Капитал, как отчужденная сила, как своеобразный Фетиш, выстроивший свое «капиталистическое Бытие» над Бытием Человека и Природы, противопоставивший это свое «капиталистическое Бытие» истинному Бытию – как «капиталистически истинное, капиталорационализированное бытие», – в XXI веке вступил в конфликт с Бытием Природы и Человека, в конфликт с Эволюцией. И этот конфликт уже воплотился в первой фазе Глобальной Экологической Катастрофы.

Здесь проявилась антионтологическая сущность капитализма, которая поставила под сомнение онтологию человека, его право на жизнь и будущее.

И именно в этой своей антионтологической сущности Капитал-Фетиш неожиданно обретает смысл, функцию Капитала-сатаны.

В «Апокрифе» Л.Н. Гумилева показывается, что сатана – есть активное небытие. «Зло и ужас – вечная неудовлетворенность без надежды на конец. Это и есть царство сатаны» (п.11 Апокрифа). «Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени..., доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. ...Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облекает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам» (п. 12 Апокрифа) [1, с. 489].

Капитал-Фетиш удовлетворяет этим характеристикам по «Апокрифу» Л.Н. Гумилева. Он живет онтологической ложью, если следовать содержанию этого понятия по В.Г. Комарову, раскрытому им в работе «Правда: онтологическое основание социального разума» (2001) [2], и, следовательно, выступает против онтологической правды Истории, «вселенской правды» [2, с. 19-21] (здесь В.Г. Комаров заимствует это понятие у В.С. Соловьева, но насыщает его своим содержанием).

¹ В апреле 2009 года на канале телевидения «СТО» в Санкт-Петербурге разразился скандал, поскольку один из высокопоставленных чиновников в Санкт-Петербурге в окружении губернатора, обладающий сравнительно большим капиталом, назвал жителей города «быдлом». Затем, правда, друзья этого чиновника пытались его «обелить», говоря, что он вrede бы этого слова не произносил и журналист неправильно его понял. Но сам случай показателен. Он отражает это деление на «избранных» и «неизбранных» в строе капиталократии в России.

Онтологическая или вселенская правда – это правда, соизмеримая с «общечеловеческим мировым разумом» и с «фундаментальными закономерностями движения мироздания» [2, с. 21], с «социальной калокагатией» [2, с.19], т.е. с человеческим разумом, гармонизирующим свои действия с законами движения мироздания, в том числе Солнечной Системы, планеты Земля, Биосферы, – Ноосферным Разумом.

Поэтому в концепции В.Г. Комарова труд предстает не просто трудом, а *трудом жизнеобеспечивающим*, вне которого жизнь человека невозможна, и поэтому *война Капитала-Фетиша и находящейся у него на службе капиталократии против Труда, превращается в войну против человека вообще, в войну против жизни вообще, т.е. в войну против Бытия*.

В.Г. Комаров замечает: «Не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, ее антипод – ложь истории – все-таки существует, но только как несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду. В качестве социально-исторической констелляции навязчивых лжей разделенных иерархических обществ онтическая/ онтологическая ложь истории конституируется в основном из объективных материальных кажимостей, онтических/онтологических миражей, обладающих громадной энергией суггестии – способностью внушить себя индивидуальному и групповому сознанию, проникая в него независимо от когнитивных намерений и иных форм сознательного волеизъявления отдельных людей и их общностей» [2, с.144].

Онтологическая ложь истории капитализма, капиталократии и стоящая за ней онтологическая ложь Капитала-сатаны предстала на рубеже XX и XXI веков как «несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории» Капитала-Фетиша, общественно-миражные покровы с которой сняты были в одночасье первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы.

Здесь паразитарная сущность бытия капиталократии предстала обнаженной и беспощадной по отношению к Бытию Человека и Бытию Природы.

Еще раз процитирую из вышеназванной книги В.Г. Камарова «Псевдоправда (ложь) истории есть не более, чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность – сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается процесс генерализации правды истории, что происходит обычно в периоды демократических периодов революций, выглядящих катастрофами в глазах господствующих «верхов», тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности. То, что в онтической/онтологической лжи истории было заимствованием у правды в такие моменты подвергается разоблачению в качестве пустой внешней видимости» [2, с.144].

Именно в начале XXI века мы переживаем *Эпоху Великого Эволюционного Перелома, которую можно назвать Ноосферно-Социалистической Революцией XXI века, обнажающую онтологическую правду – Правду Истории, состоящую в императиве перехода человечества к Ноосферному Социализму* и в окончательном, в экологической форме, Отрицании капитализма, капиталократии, как формы бытия, несущей человечеству экологическую гибель уже к середине XXI века.

Капиталократия империалистична по своей природе.

Это положение является следствием другого теоретического положения о несамодостаточности восходящего (расширенного) воспроизводства капитала в «классических капиталистических экономиках», которое требует ресурсов, в том числе трудовых, из вне, из колоний. Этот факт впервые теоретически был отрефлексирован Р. Люксембург, затем В.И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) и С.Г. Кара-Мурзой в работе «Работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: современное

прочтение» (2003) [3, с. 101-109].

Из этого факта вытекает, что капитализм, капиталократия всегда проводят империалистическую политику, не могут жить без колоний, без «периферии», из которых выкачиваются природные и людские ресурсы для их восходящего воспроизводства.

Таким образом, теория капиталократии и теория империализма оказываются взаимосвязанными. Эволюция капиталократии, становление мировой финансовой капиталократии включает в свою структуру эволюцию империализма, становление глобального империализма как формы проявления империализма мировой финансовой капиталократии.

В самой империалистической тенденции к колонизации всего мира со стороны мировой финансовой капиталократии проявляется закон онтологии Капитала-Фетиша – закон империалистической колонизации мира Человека – человечества.

В этой империалистической сущности Бытия Капитала-Фетиша проявляется его античеловечность и его антиисторичность, его направленность на отрицание Истории вообще; на отрицание не только Труда, а Человека вообще, отрицание исторической памяти и, следовательно, – Культуры как формы исторического проявления человечности Человека и его исторической Памяти. Капитал-сатана отрицает Память, он воюет против Памяти человека, и, следовательно, – против Культуры, против разнообразия этносов, против национальных государств. Формой этой войны, проявившейся в конце XX века и в начале XXI века, стали пост-модернизм, космополитизм, мондиализм, глобализация как американизация (вестернизация) мира, сведение всего разнообразия культур, политических устройств, взглядов на мир к одной модели бытия – американской, «западнистской», если воспользоваться понятием «западнизма» А.А. Зиновьева.

Если вникнуть в суть вводимого понятия автором в теории капиталократии «капиталорационализация», то смысл этого типа рационализации бытия человека, его культуры, его духовности и нравственности состоит в их «оденьжении», где деньги становятся измерителем ценности человека и всех его проявлений, ценности жизни, но не только измерителем, а и заменителем.

Капиталорационализация охватывает всё – науку, культуру, искусство, чувственный мир человека, превращая их в некие рациональные «слепки» с Капитала-Фетиша, в которых уже нет памяти. Капиталорационализация уничтожает память. Лишенная памяти культура и есть «пост-модерн». Лишенный памяти человек и есть капиталоробот, индивидуальная капитал-машина, управляемая функционалом прибыли, – плоть-от-плоти Капитал-Мегамашины.

Таким образом, капиталорационализация уничтожает органику бытия, она упрощает бытие. В этом контексте бюрократизация общества, технократизация его предстают как определенные «измерения» капиталорационализации, ее частные лики. *Капиталорационализация есть форма распада любой органики, а поэтому, в конечном итоге, есть подмена созидания, творчества, призванных обеспечивать прогрессивную социальную эволюцию, расщеплением органики, ее распадом. Именно Капитал-Мегамашина предстает формой распада общества, распада социальной ткани жизни, на месте которых единственным скрепом остаются денежные (монетарные) потоки.*

Эта антивиталистская, античеловеческая, антиисторическая и антиэволюционная устремленность Бытия Капитала-сатаны и проявляется в начале XXI века в первой фазе Глобальной Экологической Катастрофы и стоящих за ней Глобальных Антропологической, Духовной, Культурной и Информационной Катастроф человечества, потому что, по большому счету, жизнь всегда сильнее смерти. Эти Катастрофы есть восстание Жизни в ее глубоком сущностном понимании против небытийного начала Капитала-сатаны, его антиорганической устремленности.

Сама первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы неслучайно совпала с кульминацией капиталистического отчуждения в форме двойного отчуждения – отчуждения финансового капитала от физического капитала и двойного отчуждения финансового капитала от труда, которое в начале XXI века перешло в эпоху мирового экономического кризиса.

По оценке автора, эта эпоха – эпоха краха капитализма – продлится 40-50 лет и является частью Эпохи Великого Эволюционного Перелома, вектор которой направлен в сторону становления Ноосферного, духовного, экологического Социализма.

А. Бугалин и А. Колганов в монографии «Глобальный капитал» (2014) [4] подчеркивают, что отчуждение – принципиально важное понятие, которое отражает отчуждение «сущностных сил человека как родового существа», которые «стали чуждыми для подавляющего большинства членов общества», «они как бы «присвоены» господствующей социальной системой и лежащими на ее поверхности превращенными формами, имеющими видимость вещи, института (типичный пример – деньги как вещь, подчиняющая себя человеку)» [4, с.45].

Автором показано, что в конце XX века развернулась Синтетическая Цивилизационная революция, которая формирует основания отрицания капитализма в пространстве Внутренней Логике Социального Развития, в том числе через рост системно-технологической, системно-информационной и системно-экологической связанности мира, рост востребованности творчества человека в социально-экономических системах, которые в свою очередь вызывают необходимость человеческой революции (о необходимости человеческой революции писал А. Печчеи еще в 70-х годах XX века как главного условия решения глобальных экологических проблем человечеством, связывая ее с императивом всестороннего, гармоничного, творческого развития человека) [5].

А. Бугалин и А. Колганов пишут о становлении креатосферы как механизма диалектического снятия частной собственности и соответственно капитализма: «антогонизм творческого по содержанию всеобщего труда, с одной стороны, и частнокапиталистического отчуждения этого труда и присвоения его результатов – с другой, становится действительным противоречием, требующим своего разрешения» [4, с.129].

Таким образом, внутри Внутренней Логике Социального Развития нарастает противоречие между растущей креатизацией труда человека, вызываемой Синтетической Цивилизационной Революцией, и капиталорационализацией труда, и более того – капиталорационализацией численности населения на Земле, требующей сокращения в XXI веке 4/5 численности человечества, объявленных мировой финансовой капиталократией в 1995 году «лишними».

Внутренняя Логика Социального Развития рыночно-капиталистической цивилизации входит в конфликт с Большой Логикой Социоприродной Эволюции, результатом которого и стала первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы.

Этот конфликт развивается. Н.А. Бердяев как-то определил «своекорыстие» как «безумие». Слепота своекорыстного человека, особенно своекорыстного человека, воплощенного в финансовых олигархах, пытающихся с помощью больших денег управлять миром, оборачивается Глобальной Интеллектуальной Черной Дырой, отражающей запаздывание реакции ослепленного человеческого разума, а вернее капиталистического Анти-Разума, на развитие глобального экологического кризиса.

Большая Логика Социоприродной Эволюции формирует новое отрицание капитализма, частной собственности и рынка, которое можно назвать ноосферно-экологическим. Это отрицание означает, что вне социализма человечество ждет экологическая смерть уже, по оценке автора, к середине XXI века Данных, которые подтверждают эту грозную оценку, имеется много. Ее подтверждают и «модели» катастрофического развития, построенные Медоузами и А.П. Федотовым.

Такой поворот в логике истории человечества означает, что конец «предыстории» человечества, о которой писал К. Маркс, уже обозначила не только внутренняя логика развития капитализма, приобретшего на рубеже XX и XXI веков форму глобального империализма мировой финансовой капиталократии, но и Большая Логика Социоприродной Эволюции в виде наступивших экологических Пределов основаниям, ценностям и механизмам рыночно-капиталистической цивилизации, своеобразного экологического тупика ее истории.

Человечество может спастись только через великий Отказ от капиталократии, глобального империализма, частной собственности, «строя Денег» и «цивилизации Рынка», по Ж. Аттали, – и переход к эпохе Ноосферизма – Ноосферного Социализма, в которой доминирует закон кооперации и реализуется управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества [12].

Еще Сергей Николаевич Булгаков в «Философии хозяйства», написанной им в 1912 году, ввел понятие «метафизического коммунизма бытия», выражающее собой такое свойство, благодаря которому возможны «обмен веществ и их круговорот», «единство живого и неживого, универсальность жизни» [6, с.73].

Метафизический коммунизм мироздания отражает органичность строения всего Космоса, мироздания, в котором действует закон гармонии – закон любой здоровой целостности. «Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение» [6, с.73], – замечает знаменитый философ хозяйства. «Космос есть в этом смысле потенциальное тело живого существа, организм in potentia...» [6, с.67], – продолжает развивать он эту характеристику.

Эта булгаковская линия Русского Космизма переросла в дальнейшем в учение о ноосфере В.И. Вернадского и становящийся Ноосферизм – новую научно-мировоззренческую систему XXI века, в новый ноосферно-ориентированный синтез наук [13].

К образу «метафизического коммунизма бытия» примыкает и взгляд Ю.М. Осипова, лидера современной научной школы философии хозяйства в России, на живой мир как «мир существ» и на общество как «Ното-организацию» и как «общество миров» [7, с.51, 59, 66].

Гармония с «метафизическим коммунизмом бытия» требует такого же метафизического коммунизма бытия человека, которое бы подчинялось метафизическому коммунизму бытия мироздания, т.е. требует Ноосферного Коммунизма/Социализма.

В этом состоит позитив диалектического отрицания капиталократии и глобального империализма в XXI веке. Поэтому теория капиталократии и глобального империализма рассматривается автором как часть теоретической системы Ноосферизма, к глубокой разработке которой автор приступил в 2000 году [8].

Ю.М. Осипов в «Опыте философии хозяйства» (1990) писал: «Будущее – за будущим. И если будущее за социализмом, то за будущим социализмом. Не будем гадать, каким может стать в XXI в. социализм..., а лучше отметим, что нужно сделать социализму сейчас, чтобы не упустить своего исторического шанса – воспринять XXI век, а затем и самое ноосферу. Воспринять – это вовсе не принять готовое. Если б это было так! XXI век и ноосферу еще надо создать, а создать их можно только создавая себя. А создать себя для будущего можно, лишь пересоздав себя сегодня» [7, с.335, 356].

По вине человека, его разума, ослепленного онтологической ложью, кажимостью бытия капитализма, он, человек, оказался в состоянии падения в пропасть возможной экологической гибели в XXI веке. По воле, способности, по силам и разуму человека выйти ему, человеку, из этой пропасти.

И основания преодоления первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы в нем самом – в человеке.

Развитие этих оснований и ведут к правде Истории, к онтологической правде бытия человека как ноосферного человека, принимающего метафизический коммунизм бытия мироздания, как свое бытие, т.е. преодолевающего отчуждение его от самого себя и от Природы.

Возвращение человека к самому себе, к своей человечности и есть ноосферный человек. Это есть человек труда. Жизнеобеспечивающий труд в XXI веке не может не быть ноосферным, т.е. гармонизирующим социобиосферные – ноосферные – отношения в процессе хозяйственного природопотребления.

В.Г. Комаров прав, когда он отмечает: «В самодвижении социальной формы материи посредством жизнеобеспечивающего труда заключены природная, культурно-историческая и разумная необходимости генерализации жизнеобеспечивающей деятельности, минимизации и, в конце концов, полного устранения жизнепоглощающей и жизнеотнимающей деятельности» [6, с.374, 375].

Время исторической лжи капитализма, строя капиталократии исчерпано. Важно, чтобы эта историческая ложь не стала ложью истории человечества, к чему стремится Капитал-Фетиши и, следовательно, капиталократия, – именно в силу логики отрицания Капиталом-Фетишем жизни Человека и жизни Природы.

Борьба за онтологическую правду предстает как борьба за Ноосферный Социализм, за будущее человечества – и России в его составе – в XXI веке.

Теория капиталократии и теория глобального империализма имеет непосредственное отношение к переживаемой нами кризиса в России и выстраивании стратегии развития России в XXI веке, к катастрофе на Украине в форме гражданской войны между бандеро-фашистской хунтой в Киеве и Донецкой и Луганской республиками, за которой стоит стратегии империализма США на уничтожение России как своего геополитического противника.

Происшедшая в России капиталистическая контрреволюция под видом рыночных реформ, борьбы против коммунизма (о которой вслух объявил первый президент России, когда он, будучи с визитом в США и облетев вокруг статуи Свободы, дал обещание, что он искоренит коммунизм в России) явилась частью войны глобального империализма, мировой финансовой капиталократии против СССР. И одержанная временная победа связана была с предательством «верхов» Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) во главе с М.С. Горбачевым, Б.Н. Ельциным, А.Н. Яковлевым и многими другими «перерожденцами».

Сам по себе факт перерождения представителей из руководящей элиты КПСС и движения диссидентов-шестидесятников в части интеллигенции – явление, требующее глубокого анализа. *Подчеркну только одно основание – все, кто предал советский социализм, советскую историю, провозгласил идеалом человеческого счастья западный капитализм, не были создателями, они, как правило, не прошли школу труда, школу созидательного творчества. Их идеалом стало потребление, обогащение. Произошла капитализация их души и интеллекта. Это подтверждается и таким фактом, что в мире науки наибольший удельный вес ученых, сохранивших верность социалистическому идеалу, – среди представителей технической науки и естествознания. В то же время наибольшее количество ученых, кто предал идеал социализма, мы видим среда представителей экономической, юридической, философской наук.*

Социализм/коммунизм в России – не есть явление западное, как пытаются расценивать нынешние патриоты-антикоммунисты, а именно – явление цивилизационно-российское, находящееся в исторической логике развития оснований российской цивилизации. Таким образом,

восклицание В. Максимова, а потом А.А. Зиновьева: «Целили в коммунизм, а попали в Россию!», – отражает сущностные основания взаимосвязи судеб России и судеб коммунизма/социализма.

Россия – цивилизация, ценностный геном которой в своем ядре есть ценностный или цивилизационный социализм [9]. Именно он определил революцию 1917 года как революцию не только социалистическую, но и антикапиталистическую: в ней проявился антикапиталистический характер России как общинной цивилизации, в том числе и основания «христианского социализма», который является ядром ценностного архетипа Русского православия, на что обратил внимание С.Н. Булгаков, – и частично Н.А. Бердяев в книге «Русский коммунизм».

Поэтому российская капиталократия, как только появилась на свет в 1992-1994гг., сразу же развернула войну против не только советской власти, сохраняющихся социалистических оснований, но и против России. Российская капиталократия – часть, причем подчиненная, мировой финансовой капиталократии. Будучи космополитичной по идеологии, она осознает, что её сохранность определяется не сохранностью России, а зависит от того, насколько она будет реализовывать стратегию мировой финансовой капиталократии по колонизации России, превращению ее в сырьевой придаток метрополии глобального империализма.

Адмирал В.П. Комоедов выступая на «Круглом столе», проведенном фракцией КПрФ в Государственной Думе 21 апреля 2009 года, подчеркивал: «Царь Александр III в свое время метко заметил: «У России нет друзей, а есть только два верных союзника – ее армия и флот». Этих верных друзей нынешнее руководство РФ отбрасывает, развернув разгромную реформу Вооруженных сил под предлогом «обновления их облика». Между тем военные угрозы для России становятся все более ощутимыми. США разработали «Стратегию модернизации армии», где утверждается, что ближайшие 50 лет – это годы постоянных военных конфликтов: человечество будет воевать за природные ресурсы. Главным объектом воздействия янки обозначили Китай, Индию, Бразилию и Россию. Только с океанских направлений на нас готовы обрушиться 2,5 тысяч ракет морского базирования, способные поразить до 80% территории России и до 65% ее военно-промышленного потенциала» [10].

Сама установка мировой финансовой капиталократии на установление своего мирового господства с помощью военной силы на ближайшие 50 лет на фоне первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы указывает на ее «безумие», порожденное ее отчуждением, диктуемым Капитал-сатаной.

При этом, на самом деле в ряду врагов мировой финансовой капиталократии Россия стоит на первом месте, потому что вне установления её господства над российской, северной Евразией, невозможно установить господство над миром. И интеллектуальные «верхи» в США, в целом в англо-американском мире, сосредоточенные на пирамиде иерархии мировой капиталократии, это хорошо понимают.

Поэтому борьба против глобального империализма и есть борьба за будущее России и всего человечества.

Россия, давшая пример всему человечеству – пример прорыва к новым, социалистическим основам человеческого бытия в XX веке, призвана стать Духовным Водителем человечества в его стратегии выхода из Экологического Тупика рыночно-капиталистической истории через строительство Ноосферного Социализма, переход к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Т.С. Грачева представляет эту борьбу как борьбу светлых сил России в виде Святой Руси против «Невидимой Хазарии» [11], которая на самом деле, если придерживаться последовательно теории капиталократии, олицетворяет собой мировую финансовую капиталократию. Т.С. Грачева

делает ставку на мистическое зло, которое несет мировая закулиса и сионизм, не понимая, что за этим мистическим злом стоит его препохабие Капитал, стоит отчужденная сила Капитала-Фетиша, направленная не только против Труда, на эксплуатацию человека человеком, но и против Человека вообще, против Жизни вообще, – сила, приобретающая не только античеловеческий, но и антиприродный, антиэкологический, антиноосферный характер.

Сейчас в печати много появилось аналитических работ, в которых дается диагностика происходящего на Украине, оценка расстановки геополитических сил в мире, *критикуется «Антикризисный план» правительства, который* (на фоне развязанной «Западом», т.е. глобальным империализмом, де-факто экономической войны против России, когда «Запад», готовясь к «горячей войне» против нее, усиливает расходы на разные виды высокоточного оружия и новые виды оружия массового поражения) *остается либерально-рыночным, направленным против возрождения производительной экономики и высокотехнологичной промышленности.*

Перед Россией стоит императив выживаемости и противостояния глобальному империализму, в первую очередь империализму США, что требует смены внутренней политики, отказа от либеральной аксиоматики в области разработки экономических стратегий, национализации энергетического и железнодорожного и воздушного транспортного комплексов страны и предприятий оборонного комплекса, перехода к мобилизационной экономике, возрождения института планирования, т.е. перехода к планово-рыночной смешанной экономике, с принятием идеологии ноосферного социализма. Автор уверен – и так будет, потому что это диктует Правда Истории!

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1993. – 544 с.
2. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума / В.Г. Комаров ; под ред. В.Я. Ельмеева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 556 с.
3. Ленинская теория империализма и современная глобализация (Коллективная монография) : в 2 кн. / под науч. ред. А.И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2003. – Кн. 1. – 756 с.
4. Бузгалин А. Глобальный капитал / А. Бузгалин, А. Колганов. – М. : Едиториал УРСС, 2014. – 512 с.
5. Субетто А.И. Гуманизация российского общества / А.И. Субетто. – М. : Исследоват. центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 1992. – 156 с.
6. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М. : Наука, 1990. – 412 с.
7. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства : хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система / Ю.М. Осипов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 382 с.
8. Субетто А.И. Сочинения : в 13 т. / А.И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2001. – Т. 1 : Ноосферизм. – 538 с.
9. Субетто А.И. Современный мир и пути решения проблем России на этапе движения к устойчивому развитию / А. И. Субетто ; Декларация Петровской академии наук и искусств. – СПб. : ПАНИ, 2005. – 58 с.
10. Смысл реформы – разоружение армии (За «круглым столом» фракции КПрФ в Госдуме – военспецы и депутаты) // Советская Россия. – 2009. – 23 апреля. – С. 2.

11. Грачева Т.С. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайной мировой закулисы / Т. С. Грачева. – Рязань : Зерна, 2009. – 400 с.
12. Субетто А.И. Научно-образовательное общество как основа стратегии развития России в XXI веке / А.И. Субетто ; под науч. ред. В.В. Лукоянова. – СПб. : Астерион, 2015. – 190 с.
13. Субетто А.И. Методологические основания ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке : (научный доклад) / А.И. Субетто ; под науч. ред. В.Н. Бобкова. – СПб. : Астерион, 2013. – 48 с.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГИБРИДА

Котляров Иван Дмитриевич

кандидат экономических наук, доцент. ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет - Высшая школа экономики», департамент финансов
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ существующей модели формирования гибридного предприятия. Показано, что наличие сетевой (отношенческой) составляющей важно для устойчивости гибрида в долгосрочной перспективе. Однако гибрид может функционировать и без сетевой составляющей. Приведены примеры ситуаций, когда сочетание рыночного и иерархического механизмов регулирования не сопровождается возникновением сетевых отношений. Предложена новая схема формирования гибрида.

Ключевые слова: иерархия; рынок; сетевая координация; гибрид; долгосрочная устойчивость; оппортунистическое поведение

Код УДК: 330.88

Annotation. Present article contains an analysis of the current model of formation of hybrids. It is being demonstrated that relational coordination is important for hybrid long-term stability. However, a hybrid can function without network coordination. Examples of situations when combination of market and hierarchy mechanisms is not accompanied by network coordination are given. A new approach towards formation of hybrid is described.

Keywords: hierarchy; market; network coordination; hybrid; long-term stability; opportunism

В настоящее время можно говорить о пристальном внимании исследователей к проблемам функционирования гибридов и их различных разновидностей, что объясняется как их широким распространением в современной хозяйственной практике, так и значительными отличиями (и, следовательно, большим потенциалом научной новизны) по сравнению с традиционными объектами изучения экономической науки – рынками и фирмами. Сегодня существует значительное число публикаций (начиная с фундаментальной статьи Уильямсона [24]) по широкому спектру вопросов, связанных с функционированием гибридных структур (к числу работ, представляющим наибольший интерес на русском языке, можно, по нашему мнению, отнести [3, 4, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 18, 20]). Это справедливо и для такого важного вопроса, как механизм формирования гибрида, т. е. процесса возникновения гибридной структуры на основе либо группы независимых фирм, взаимодействующих по рыночной модели, либо отдельной фирмы, выстроенной по иерархическому принципу. Можно утверждать, что в настоящее время в исследовательском сообществе сложился консенсус по поводу этого механизма, получивший свое выражение в обобщающем труде М.Ю. Шерешевой [20].

В данной статье мы выполним анализ предложенной Шерешевой модели формирования гибридной структуры [20, с. 65], сопоставив ее с природой гибридов (рис. 1).

Несмотря на то, что предпринимаются попытки разграничить эти термины [4, с. 36], в российских экономических публикациях термин «сеть» фактически выступает в качестве полного синонима термина «гибрид» – достаточно сравнить описание гибрида у Клода Менара [23, р. 347] и

сети у О.А. Третьяк [16, с. 28] (хотя при этом специалисты прекрасно отдают себе отчет в том, что эти термины далеко не равнозначны, – в этой связи можно привести цитату «широко распространенное в наши дни понимание сети как *оптимальной*¹ (курсив наш – И.К.) гибридной формы, занимающей некоторую промежуточную позицию между рынком и иерархией») [16, с. 29]; М.Ю. Шерешева также разграничивает гибриды и сети [20]). Вероятно, можно говорить о двух разных терминологических традициях – в России большее распространение получил термин «сетевая структура» (или «сетевое предприятие», или просто «сеть», что, повторимся, на наш взгляд является не вполне корректным), тогда как в иностранной литературе чаще (на наш субъективный взгляд) применяется термин «гибрид» (или «гибридное предприятие»), который в русскоязычной литературе, напротив, крайне редок. В предлагаемой статье мы будем использовать термин «гибрид», поскольку представляется нам более корректным (в силу его более общего, по сравнению с термином «сеть», характера).

Рис. 1. Возникновение гибридного типа организации

¹ Т. е. не единственно возможной формы гибрида.

Схема формирования гибридного предприятия, предложенная Шерешевой, показана на рис. 1. На этой схеме можно, по нашему мнению, увидеть одно очень важное противоречие. В соответствии с результатами, полученными рядом исследователей, гибрид, хотя и занимает промежуточное положение между рынком и иерархией, однако не является простым смешением элементов этих двух механизмов организации хозяйственного взаимодействия. В гибриде может быть представлен свой собственный механизм координации – сетевой (гибридный) или отношенческий (основанный на неявном отношенческом контракте, с чем согласна и сама Шерешева), хотя по его месту в общем системе координации взаимодействий внутри гибрида и по роли других механизмов регулирования (рыночного и иерархического) в этой системе единого мнения у исследователей не сложилось. В оригинальной работе Уильямсона речь идет о том, что гибридный механизм (представляющий собой не смешение рыночного и иерархического, но компромисс между ними²) при формировании сетевой структуры замещает собой как рынок, так и иерархию [24, р. 292]. Менар, в целом соглашаясь с Уильямсоном в том, что гибрид не является ни рынком, ни иерархией [23, р. 353], и утверждая, что в гибридных структурах мала роль ценовых сигналов и отсутствует единая собственность на активы [23, р. 348] (т.е. фактически что гибридная модель замещает рынок и иерархию для координации взаимодействий ее участников), говорит о том, что к гибридным структурам относятся образования самого разного рода, от рыхлых³ объединений предприятий, до практически интегрированных партнеров [23, р. 347], – что, в случае рыхлых объединений, позволяет говорить о присутствии рыночных инструментов, тогда как высокая степень интеграции позволяет предположить использование, наряду с сетевым, также и иерархического инструментария. Кроме того, Менар прямо указывает на то, что в гибридах может быть представлена иерархическая составляющая [23, р. 353]. Напротив, А.В. Большаков относит к гибридам те хозяйственные структуры, в которых присутствуют все три способа координации – рынок, иерархия и сеть [4, с. 36] (на этом основывается предлагаемое им разграничение между сетями и гибридами). Наконец, Грандори и Сода [22] говорят, что гибридные (сетевые) структуры могут формироваться как с возникновением принципиально нового (сетевого) механизма координации, так и без него.

Так или иначе, присутствие (или хотя бы возможность присутствия) в системе координации гибрида особого (сетевого) элемента признается большинством специалистов. Однако на рис. 1 эта сетевая составляющая в явном виде отсутствует – формирование гибридного предприятия, в соответствии с этой схемой, происходит либо путем внедрения элементов иерархии в рыночное взаимодействие, либо за счет включения элементов рыночных отношений в иерархический механизм регулирования (возможно, завуалированным указанием на возникновение сетевых отношений служит использование терминов «квази-интернализация» и «квази-экстернализация», однако напрямую об этом читателям труда М.Ю. Шерешевой не сообщается [20, с. 65]). Фактически на рис. 1 в неявной форме сетевая составляющая исключается из механизма координации гибрида (либо же, также в неявной форме, предполагается, что она автоматически возникает при движении от иерархии к рынку и наоборот). По нашему мнению, оба эти утверждения в общем случае неверны (справедливости ради следует указать, что М.Ю. Шерешева их не высказывает и не

² Это уточнение, по нашему мнению, имеет принципиальное значение. В отдельных источниках гибриды рассматриваются как формы организации хозяйственной деятельности, в которых механически сочетаются элементы рынка и иерархии [21], однако такой подход представляется избыточно упрощенным и обедняющим концепцию гибридов в том виде, в котором она была выдвинута Уильямсоном. В частности, О.А. Третьяк и М.Н. Румянцова указывают на то, что сетевым структурам (понимаемым, напомним, как оптимальная разновидность гибридов) присущи характеристики, несводимые к свойствам рынка и иерархии [16, с. 28].

³ Безусловно, определение «рыхлый» не может служить строгой оценкой степени интеграции хозяйствующих субъектов, входящих в состав гибрида. Однако сложность количественной оценки степени интеграции (в качестве примеров попыток сконструировать такую оценку можно упомянуть работы И.В. Кирьянова [11], [12]) объясняют использование таких достаточно размытых определений как в отечественной [1, с. 47], так и в зарубежной литературе [23, р. 347].

является их сторонницей, что парадоксальным образом противоречит предложенной ею на рис. 1 схеме).

Что касается возникновения сетевой координации при сочетании рыночного и иерархического механизмов, то можно легко привести пример взаимодействия фирм, основанного на сочетании рыночных и иерархических инструментов регулирования, но без сетевой составляющей. Примером внедрения элементов иерархии в рыночные отношения может служить организация взаимодействия российских нефтедобывающих компаний с отечественными нефтесервисными предприятиями, предлагающими услуги по геологоразведке, бурению и т. д. В мировой практике нефтяники и нефтесервисный бизнес сотрудничают на гибридной основе. Нефтедобывающая компания отбирает нефтесервисного партнера путем тендера по критерию максимальной выгоды (что предполагает использование рыночного механизма регулирования), а в дальнейшем нефтесервисное предприятие выполняет переданные ему функции и процессы в соответствии с технологическими предписаниями заказчика и по согласованному с ним графику работ, – что подразумевает наличие сильной административной (т.е. иерархической) составляющей в их отношениях. Сотрудничество строится на долгосрочной основе (при этом договоры нередко продлеваются и перезаключаются), благодаря чему нефтесервисное предприятие получает возможность адаптироваться к специфическим требованиям заказчика, выстроить с ним доверительные отношения и инвестировать в активы, необходимые для оптимального удовлетворения его запросов, – что ведет к наличию в отношениях заказчика и нефтесервисной компании сетевой составляющей. В перспективе ценовые сигналы (т.е. возможность минимизировать издержки на выполнение переданных нефтесервисной компании функции за счет привлечения другого аутсорсера) становятся для заказчика менее значимыми (в силу неуверенности в том, что новый аутсорсер сможет сразу же предоставлять услуги такого же качества и столь же неукоснительно соблюдать требования заказчика). Нефтесервисные предприятия при этом являются достаточно мощными фирмами с большим объемом компетенций, способными выполнить ряд функций в интересах заказчика и существенно повысить эффективность его деятельности (а также противостоять его переговорному давлению).

Однако в России их взаимодействие строится по другому принципу. Нефтяники не заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве с отечественным нефтесервисом, для них наибольшее значение имеет минимизация издержек. И хотя рыночная и иерархическая составляющая в их отношениях присутствует, однако сетевой составляющей не возникает, поскольку нефтяники стремятся к максимальному снижению затрат на выполнение соответствующих функций, а не к долгосрочному сотрудничеству. Из-за высокой зависимости нефтесервисных предприятий от нефтяников (которые для них являются единственным источником доходов) российский нефтесервис соглашается на достаточно невыгодные условия сотрудничества по срокам платежа и стоимости услуг [2, 5] (обусловленные тем, что нефтяники злоупотребляют своей переговорной силой). Кроме того, договоры заключаются на короткие сроки (и не обязательно будут продлены) в силу нежелания нефтяников брать на себя долгосрочные обязательства – нефтяным компаниям важно иметь возможность регулярно перезаключать контракты с целью обеспечения себе максимальной выгоды. Во многом это связано с тем, что российские нефтесервисные предприятия малы (т.е. выполняют узкий набор функций и не обладают сопоставимой с нефтяниками переговорной силой), используют устаревшее оборудование и не обладают современными технологиями, которые могли бы значительно повысить эффективность хозяйственной деятельности заказчика. При этом из-за невыгодных условий контракта российский нефтесервис не может нарастить свой потенциал – из-за длительных сроков оплаты и стремления нефтяников снизить цены накупаемые услуги нефтесервис не обладает достаточными ресурсами для инвестиций в специфические материальные и нематериальные активы, которые могли бы повысить его привлекательность для нефтяников и стали бы основой для

сетевого сотрудничества нефтесервиса и нефтедобычи, а высокие риски непродления контракта делают инвестиции в специфические активы бессмысленными. Речь идет о том типе гибридов, которые Уильямсон относит к силовым [17].

Отметим, что сотрудничество российских нефтедобывающих компаний с мировыми нефтесервисными предприятиями строится в соответствии с международной практикой, т. е. на сетевой основе (в силу взаимной заинтересованности в долгосрочном сотрудничестве, основанной на стабильной выручке, которую российские нефтяники способны приносить иностранному нефтесервису, и наличию у зарубежных аутсорсеров активов, компетенций и технологий, способных заметно повысить эффективность работы отечественных нефтедобывающих компаний). Российский нефтесервис при этом проигрывает соперничеству с иностранными конкурентами, лишается возможности для развития, вытесняется в низкорентабельные ниши или становится субподрядчиком для зарубежных нефтесервисных компаний. Сотрудничество между нефтяниками и отечественным нефтесервисом, несмотря на наличие в нем рыночной и иерархической составляющих, не имеет сетевой составляющей, хотя к гибриднему типу оно относится. Точнее будет сказать, что оно является сетевым (отношенческим) с одной стороны – со стороны нефтесервиса, стремящегося максимально добросовестно выполнять свои обязательства в надежде на продление договора и на возможность получить в будущем более льготные условия. Иными словами, вместо полноценного отношенческого контракта между нефтяниками и нефтесервисом можно говорить об односторонних неполных отношенческих обязательствах со стороны нефтесервиса. Их неполнота связана с тем, что в условиях отсутствия гарантии долгосрочного сотрудничества со стороны нефтедобывающих компаний нефтесервис оказывается вынужденным идти на проявления оппортунистического поведения для сохранения своего бизнеса (масштаб этих проявлений ограничивается опасением вызвать недовольство нефтяной компании с последующим разрывом контракта). Вероятно, такие структуры можно назвать гибридами второго рода, комбинирующими рыночные и иерархические инструменты регулирования, но не содержащими сетевой составляющей, представленной в гибридах первого рода.

Отказ нефтяников предоставлять гарантии долгосрочного сотрудничества объясняется отсутствием заинтересованности в нем со стороны нефтедобывающих компаний и злоупотреблением ими своей переговорной силой в отношениях с отечественными нефтесервисными предприятиями, тогда как со стороны нефтесервисных фирм заинтересованность в долгосрочном сотрудничестве присутствует⁴. Причиной этого может быть, в частности, тот факт, что их активы носят специфический характер (т.е. предназначены для обслуживания потребностей нефтяных компаний), а число заказчиков – ограничено (что позволяет им диктовать свои условия), и при этом характер активов нефтесервисного бизнеса, если можно так выразиться, недостаточно специфичен, с точки зрения нефтяников. Иначе говоря, эти активы являются стандартными, не адаптированными к специфике конкретной нефтяной компании и к тому же нередко устаревшими и не способными обеспечить значимый прирост эффективности для нефтяников. В этой ситуации нефтяники фактически лишены условий для максимизации долгосрочного эффекта на основе выстраивания сетевых отношений, и поэтому они максимизируют текущую экономию на издержках (для чего важно иметь инструмент давления на подрядчика в виде малых сроков контракта) и чувствительны к рыночным (ценовым) сигналам (малые сроки контракта позволяют регулярно

⁴ Слово «злоупотребление» в данном контексте нуждается в пояснении. Мы далеки от мысли, что сотрудничество партнеров в рамках «правильных» (если таковые существуют) гибридных структур представляют собой идиллию, при которой участники отказываются от всяких мер воздействия на партнера – это, разумеется, не так, что подтверждается специалистами [9, с. 134], и поэтому активное применение своей переговорной силы представляет собой нормальную практику. Скорее, «злоупотреблением» можно назвать такое поведение, при котором вторая сторона контракта вынуждена соглашаться на поставленные ей условия, забывая о своей выгоде и заботясь только о своем выживании (такое типично для ситуации, когда тот партнер, чьи интересы пренебрегают, не способен предоставить долгосрочных выгод, и поэтому участник с большей переговорной силой максимизирует свою текущую выгоду).

пересматривать цены). По этой причине такое сотрудничество по своей сути носит характер эксплуатации подрядчика заказчиком. Возможно, если бы в России существовали мелкие нефтедобывающие компании (как это имеет место в США и Канаде), то они могли бы выстроить долгосрочные сетевые отношения с российским нефтесервисным бизнесом (и в итоге дать ему стимул для развития). В современных условиях возможности слабого российского нефтесервиса не соответствуют запросам крупных отечественных нефтедобывающих компаний, из-за чего сетевое сотрудничество между ними слабо формируется, а нефтесервисные предприятия сталкиваются с трудностями в своем развитии.

Здесь важно сделать еще одно замечание – нередко российские нефтяники все же перезаключают контракт с отечественными нефтесервисными предприятиями, иначе говоря, сотрудничество между ними может быть длительным и не ограничиваться сроком действия одного договора. Однако, несмотря на то, что долгосрочный характер сотрудничества является одним из признаков гибридов [23, р. 348, 19], говорить о сетевой модели взаимодействия российского нефтедобывающего и нефтесервисного бизнеса неправомерно, – ввиду упоминавшегося выше отсутствия в этом взаимодействии отношенческой составляющей. В рассматриваемой ситуации долгосрочный характер сотрудничества обуславливается зависимостью нефтесервисных компаний от заказов нефтяников и их способностью предложить наилучшую цену на свои услуги (с учетом риска недостаточно качественного выполнения заказа альтернативными провайдерами). Иными словами, это сотрудничество обуславливается рыночными и иерархическими, но не отношенческими факторами.

Это позволяет сделать важное заключение – долгосрочный характер сотрудничества между участниками хозяйственной деятельности не означает, что это сотрудничество имеет сетевую (отношенческую) природу. С другой стороны, хорошо известно, что не все сетевые структуры функционируют на долгосрочной основе (классический пример – виртуальные предприятия, создаваемые на короткий срок под конкретный проект). Таким образом, длительный срок существования хозяйствующей структуры не может использоваться в качестве одного из критериев отнесения ее к сетевым структурам. В качестве такого критерия корректнее, по нашему мнению, использовать долгосрочный потенциал сотрудничества, когда хозяйствующие субъекты способны функционировать независимо, однако если возникает потребность в привлечении внешнего партнера (эта потребность может быть краткосрочной, как в случае виртуального предприятия, и долгосрочной, как при аутсорсинге), они предпочитают привлекать друг друга, основываясь на отношенческом факторе. Иначе говоря, отношенческий контракт может реализовываться как в постоянной форме, так и в форме «револьверной» (этот термин мы используем по аналогии с револьверным кредитом или аккредитивом), т.е. связанные с ним неявные обязательства выполняются эпизодически, по мере возникновения потребности. Примером револьверной формы реализации отношенческого контракта может быть периодическая организация виртуальных предприятий одними и теми же партнерами (эту модель можно также трактовать как более или менее регулярный переход сети в сетевое предприятие).

Подводя итог наших рассуждений, мы можем констатировать, что простое внедрение элементов рыночного механизма в иерархию, как и элементов иерархии в рыночное взаимодействие, не способно стать источником возникновения сетевой составляющей в механизме регулирования отношений внутри гибрида. Это соответствует уже упоминавшемуся выше хорошо известному тезису о том, что механизм регулирования хозяйственных отношений внутри сетевой структуры не сводится к простой комбинации иерархических и рыночных инструментов. Кроме того, структуры, формируемые на основе простой комбинации рыночных и иерархических механизмов регулирования, не всегда будут эффективными в долгосрочном плане. В частности, попытки двигаться от рынка к иерархии без использования отношенческого контракта на начальном этапе (при малой роли иерархического механизма) столкнутся с проблемой нехватки

управленческих ресурсов для обеспечения администрирования взаимодействия участников структуры в общих интересах. При этом из-за сохраняющейся высокой роли рынка велик риск того, что участники такой структуры будут действовать с целью максимизации своей индивидуальной выгоды, не думая об интересах своих партнеров по структуре, т.е. риск оппортунистического поведения. Стимулы к ограничению стремления к индивидуальной максимальной выгоде у участников структуры будут крайне низки – так как при таком самоограничении выгоду они недополучат, но при этом у них нет гарантии, что аналогичные ограничения наложат на себя их партнеры по структуре, иначе говоря, отказываясь от оппортунистического поведения, они не могут быть уверены, что от него откажутся их партнеры по структуре, а административные инструменты устранения такого риска, как было сказано выше, не будут работать из-за слабости иерархического механизма. Таким образом, в условиях отсутствия защиты от риска оппортунистического поведения партнеров участникам структуры нет смысла самим отказываться от оппортунистического поведения, что не позволит сформировать гибрид. В такой ситуации данная структура либо достаточно быстро развалится (а ее участники вернуться к чисто рыночному взаимодействию), либо будет эволюционировать по пути усиления иерархической составляющей.

Однако и в этом случае могут возникнуть проблемы. Чрезмерное применение иерархического инструментария может привести либо к полноценной интеграции сотрудничающих фирм в единую иерархическую структуру, либо к развалу партнерства из-за недовольства его участников избыточным иерархическим давлением (даже в том случае, если это давление оказывалось для достижения общих целей). Не стоит забывать и о том, что наличие у одного из участников партнерства инструментов иерархического принуждения (при отсутствии контроля над их применением со стороны других участников) создает соблазн использовать этот инструментарий для того, чтобы заставить остальных участников партнерства действовать в его частных интересах (т.е. тоже создает риски оппортунистического поведения) – примером такой модели служит рассмотренная выше ситуация российского нефтесервиса. В обоих случаях такая структура, выстроенная как комбинация иерархической и рыночной моделей, будет неустойчивой, и сетевая составляющая в ней не возникнет.

Напротив, при движении от иерархии к рынку без внедрения отношенческого контракта эффективность фирмы на начальном этапе может возрасти за счет более гибкого реагирования на рыночные сигналы и улучшения мотивации ее подразделений. Однако сработает это тогда, когда фирма продолжит оставаться единой структурой, управляемой из одного центра, и при этом центр будет жестко пресекать попытки подразделений действовать в целях своей индивидуальной выгоды, иначе говоря, фирма не станет сетевой структурой.

При усилении рыночной составляющей и ослаблении роли иерархического регулирования, не сопровождаемых возникновением отношенческого элемента, подразделения некогда единой фирмы станут все активнее действовать в своих индивидуальных интересах. Это либо побудит центр вернуться к иерархической модели управления (в том случае, если у него остаются достаточно сильные рычаги иерархического регулирования), либо приведет к распаду фирмы на отдельные независимые подразделения, взаимодействующие друг с другом по рыночной модели. Гибрид в этом случае также не возникнет.

Таким образом, для возникновения и устойчивого функционирования сетевой структуры желательно дополнение элементов иерархии и рынка отношенческим контрактом. Отметим, что аналогичной позиции придерживается и М.Ю. Шерешева, – в частности, в своей работе она указывает, что при движении от рынка к иерархии сетевая структура возникает за счет того, что сотрудничающие стороны для повышения эффективности своей кооперации и снижения риска оппортунистического поведения вводят в свои отношения элементы сетевой координации (к сожалению, в схеме на рис. 1 это не отражено). Это означает, что схема, представленная на рис. 1, нуждается в корректировке за счет включения в нее сетевой составляющей.

В настоящее время существует значительное число публикаций, посвященных анализу отличительных особенностей сетевых структур по сравнению с традиционными иерархическими организациями, а также исследованию условий формирования сетевых структур и факторов обеспечения их стабильности. По нашему мнению, важнейшими условиями формирования сетевой структуры являются стремление сохранить независимость (благодаря ему кооперация не примет форму полной интеграции) и взаимная заинтересованность (основанная, как правило, на взаимной зависимости [14, с. 159-160]) в долгосрочном сотрудничестве (которое ведет к возникновению отношенческой составляющей в целях обеспечения эффективности кооперации и минимизации риска оппортунистического поведения).

Факторами обеспечения устойчивого функционирования гибридной структуры служат отказ от злоупотребления (в приведенном выше смысле) переговорной силой и наличие справедливого механизма распределения рисков и выгод. Под устойчивостью мы понимаем как долгосрочное сохранение отношений между ее участниками, так и устойчивое развитие ее участников (в приведенном выше примере с нефтесервисом).

Уточненная схема формирования гибридной структуры показана на рис. 2. Рисунок соответствует ситуации возникновения гибридного предприятия на базе независимых фирм, взаимодействующих по рыночной модели (т.е. движению от рынка к иерархии, что схематически показано стрелкой). В том случае, когда гибрид формируется на основе иерархической фирмы, предпринимательская структура будет эволюционировать в противоположном направлении, от иерархии к рынку, и тогда роль рыночного механизма регулирования будет непрерывно нарастать, а роль иерархического механизма – постоянно снижаться. Мотивом для возникновения сетевой структуры на месте иерархической фирмы будет стремление сохранить единство в сочетании с желанием повысить независимость подразделений и увеличить гибкость организации.

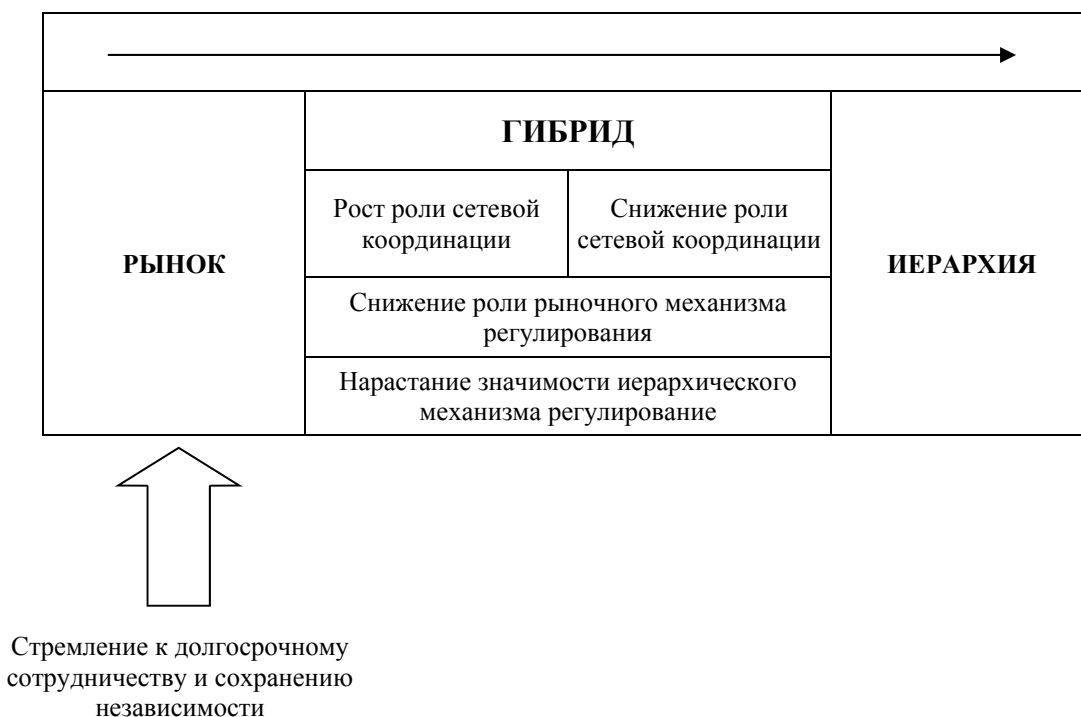

Рис. 2. Механизм формирования гибрида

Но и в ситуации движения от иерархии к рынку динамика роли сетевой координации будет иметь тот же характер, что и при движении от рынка к иерархии – сначала она будет расти, а затем – уменьшаться. Это связано с тем, что как иерархическое регулирование, так и сетевая координация направлены на минимизацию риска оппортунистического поведения сотрудничающих участников экономической деятельности (при иерархии – за счет административного регулирования, ограничивающего свободу поведения, при сетевой модели – благодаря добровольной отношенческой координации). При начале движения от рынка к иерархии иерархический инструментарий предупреждения оппортунистического поведения слишком слаб, и нуждается в подкреплении сетевой координацией. Однако за счет высокой роли рыночных стимулов на этом этапе оба механизма регулирования (сетевой и иерархический) все еще слабы, и сетевое партнерство носит достаточно рыхлый характер. При продолжении движения к иерархии эффективность иерархического регулирования нарастает, но не настолько, чтобы обойтись без подкрепления сетевой координацией, эффективность которой также продолжает нарастать, что ведет к укреплению сетевого партнерства, увеличению согласованности действий его участников и росту его экономической эффективности. При дальнейшем движении к иерархии эффективность иерархического инструментария вырастает настолько, что значение отношенческой координации для поддержания единства структуры начнет снижаться (иначе говоря, потребность иерархии в дополнении сетевой координацией будет уменьшаться). В пределе это приведет к отказу от сетевой координации и формированию чисто иерархической структуры.

При движении от иерархии к рынку ситуация носит противоположный характер. Ослабление иерархического регулирования может повлечь риск оппортунистического поведения новых квазинезависимых подразделений, если оно не будет компенсировано сетевой координацией. До определенного момента такая компенсация имеет место (снижение эффективности иерархического регулирования возмещается ростом значимости сетевой координации), что ведет к трансформации иерархического предприятия в достаточно плотно координируемую гибридную структуру. Однако при дальнейшем движении к рынку ослабление роли иерархии будет сопровождаться и ослаблением роли сетевой координации и постепенным переходом подразделений к чисто рыночному взаимодействию. Фактически это означает, что с целью предупреждения оппортунистического поведения партнеры будут использовать сетевое и иерархическое регулирование своей деятельности. Вероятно, не будет ошибкой и обратное утверждение – если участники хозяйственной деятельности минимизируют риски оппортунистического поведения, то с высокой степенью вероятности можно говорить о наличии в их отношениях элементов иерархического регулирования и/или сетевой координации.

Однако – и это надо подчеркнуть специально – возникновение сетевой составляющей внутри гибрида не является обязательным (это показывает как рассмотренный выше пример рынка нефтесервиса, так и теоретический анализ, выполненный в работе [22]). Оно желательно для обеспечения устойчивости гибрида в долгосрочной перспективе, но не более того. Таким образом, на рис. 2 представлены все возможные составляющие формирования гибрида, часть которых, однако, в реальном гибриде может отсутствовать.

Хорошо известно, что дополнение рыночного или иерархического регулирования сетевой координацией способно повысить эффективность работы взаимодействующих партнеров (путем устранения провалов рынка или провалов фирмы). Однако мы полагаем, что было бы правомерно расширить этот тезис – дополнение механизма регулирования отношений между партнерами элементами другого механизма позволяет повысить качество сотрудничества. Разумеется, это справедливо при условии, что это дополнение происходит с учетом интересов всех сотрудничающих предприятий, а не только одного из них – иначе сочетание механизмов регулирования взаимодействий приведет лишь к упрощению эксплуатации доминируемых участников организацией-доминантом, как это произошло в рассмотренном выше примере с

отечественным нефтесервисом. Иначе говоря, рынок устраняет провалы сети и иерархии, иерархия может помочь устранить провалы сети и рынка, а сеть сглаживает провалы рынка и иерархии. Такой подход позволяет понять большую распространенность гибридных структур по сравнению с «чистыми» формами организации предпринимательской деятельности (по мнению Уильямсона, большая часть транзакций относится к промежуточному типу), а также дает возможность ввести понятие «провал сети» (т. е. ситуации, в которых сеть оказывается менее эффективной по сравнению с фирмой или рынком). При этом универсального сочетания характеристик сети, рынка и иерархии, которое было бы оптимальным для всех ситуаций, вероятно, не существует. Такое сочетание необходимо подбирать отдельно для каждой ситуации. Более того, можно ввести понятие «провал гибрида» – для ситуаций, когда гибридное (сочетающее в себе различные механизмы регулирования и координации) оказывается менее эффективным, чем «чистая» (основанная только на сетевых, только рыночных или только иерархических отношениях) форма организации хозяйственной деятельности.

Можно утверждать, что современная фирма будет стремиться к максимизации своей эффективности за счет выбора оптимальной модели взаимодействия со своими партнерами (или, что равнозначно, в структуре фирмы, – которую, вероятно, правильнее называть метафирмой, – будут представлены подразделения, взаимодействующие по разным моделям как с точки зрения механизма координации, так и с точки зрения схемы организации сотрудничества). Ядро фирмы, объединяющее в себе ключевые подразделения и основные компетенции, будет работать по иерархической модели. Отношения с остальными подразделениями будут характеризоваться разными пропорциями сетевого, рыночного и иерархического инструментария регулирования (в зависимости от значимости ядра и подразделений друг для друга). При этом фирма будет встраиваться в разнообразные «чистые» сети. Кроме того, будет варьироваться продолжительность сотрудничества – в зависимости от потребностей фирмы, она будет формировать как виртуальные предприятия, так и бессрочные партнерства. Наконец, фирма может прибегать к территориальному сетевому партнерству, входя своим ядром или одним из своих сетевых подразделений в разнообразные кластеры.

Вероятно, в этой связи можно говорить о том, что известный тезис, согласно которому фирмы трансформируются в сети, не совсем верно отражает ситуацию. Скорее фирмы используют все существующее многообразие инструментов координации и моделей организации предпринимательской деятельности для максимального наращивания своей эффективности и повышения гибкости реагирования на изменения внешней среды.

Следовательно, можно говорить о трех направлениях эволюции отношений между участниками хозяйственной деятельности:

- иерархизация – усиление роли иерархического регулирования (обратный процесс можно назвать деиерархизацией);
- ретизация – нарастание значимости сетевого механизма координации (для обозначения ослабления сетевой составляющей в отношениях между участниками хозяйственной деятельности можно предложить термин «деретизация»);
- меркатизация – усиление роли рыночного механизма (ослабление этой роли можно назвать демеркатизацией).

При этом не следует думать, что существует какая-то заданная последовательность реализации этих трех процессов при формировании сетевой структуры на месте фирм, взаимодействующих по рыночной модели (или на основе иерархически организованного предприятия). Иначе говоря, в случае возникновения гибридной структуры на месте независимых фирм вполне возможно как первоначальное внедрение иерархических инструментов, влекущее за

собой сетевые отношения, так и возникновение сетевой координации, следствием которой становится появление во взаимодействии фирм элементов иерархии.

Таким образом, можно утверждать, что возникновение сетевых отношений не является естественным следствием включения элементов рынка в иерархический механизм регулирования (или элементов иерархии – в рыночный механизм). Точно так же можно утверждать, что долгосрочные отношения не являются синонимом сетевых. Для формирования сетевых отношений нужны дополнительные условия, которые далеко не всегда выполняются как в ситуации взаимопроникновения рыночного и иерархического механизмов регулирования, так и в ситуации долгосрочных контрактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметжанов Б. О разнице в прибыли при вертикально-интегрированной и дезинтегрированной форме воспроизводства / Б. Ахметжанов, М. Шохор // *Экономист*. – 2014. – № 7. – С. 46-52.
2. Бабаев А. Одна из главных проблем российского нефтесервиса – система отложенных платежей / А. Бабаев // *Нефтегазовое оборудование*. – 28 февраля 2014. Режим доступа: <http://ngo.slant.ru/interview/id67/>
3. Байбакова Е.Ю. Экономические аспекты формирования сетевых организационных структур в российской наукоемкой промышленности / Е.Ю. Байбакова, В.В. Клочков // *Управление большими системами: сборник трудов*. – 2010. – № 30-1. – С. 697-721.
4. Большаков А.В. Генезис и структура деловых сетей в контексте теории постиндустриальной экономики / А.В. Большаков // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2012. – № 10. – С. 35-40.
5. Буренина И.В. Проблемы рынка нефтесервисных услуг / И.В. Буренина, Г.В. Хасанова, С.В. Эрмиш // *Интернет-журнал «Наукоедение»*. – 2013. – № 6. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/71EVN613.pdf>
6. Долженко Р.А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий / Долженко Р.А. // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. – 2014. – № 1. – С. 168-173.
7. Егорова Н.Е. Сетевой способ организации межфирменной экономической деятельности / Н.Е. Егорова, Б.А. Ерзнкян, С.Р. Хачатрян, Е.В. Акинфеева // *Экономическая наука современной России*. – 2007. – № 1. – С. 68-81.
8. Ерзнкян Б.А. Сетевая природа кластерной системы и основные направления формирования кластерной стратегии мезоэкономического развития России / Б.А. Ерзнкян, В.А. Агафонов // *Экономическая наука современной России*. – 2011. – № 1. – С. 39-48.
9. Зипкин П. Отклик на статью О. Уильямсона «Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепями поставок» / П. Зипкин // *Российский журнал менеджмента*. – 2010. – Т. 8. – № 2. – С. 131-136.
10. Катенев В.И. Перспективы развития сетевой экономики в условиях экономики знаний / В.П. Катенев // *Проблемы современной экономики*. – 2007. – № 2. – С. 90-95.
11. Кирьянов И.В. Моделирование финансов высоко-интегрированных структур: формализация задачи / И.В. Кирьянов // *Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики*. – 2014. – № 6. – С. 194-208.

12. Кирьянов И.В. Моделирование высоко-интегрированных корпораций: от неоклассики к неоинституционализму / И.В. Кирьянов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 4. – С. 171-187.
13. Ключков В.В. Формирование сетевых структур в российской промышленности: социальные и поселенческие аспекты / В.В. Ключков, Е.Ю. Байбакова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 44. – С. 34-45.
14. Куш С.П. Маркетинг отношений на промышленных рынках / С. П. Куш. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та., 2008. – 272 с.
15. Пожидаев Р.Г. Стратегическое управление межфирменными сетями: концепции и направления исследований / Р.Г. Пожидаев // Вестник Воронежского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 120-128.
16. Третьяк О.А. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена / О.А. Третьяк, М.Н. Румянцева // Российский журнал менеджмента. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 25-50.
17. Уильямсон О.И. Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепями поставок / О.И. Уильямсон // Российский журнал менеджмента. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 71-92.
18. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. Организационное строение крупных корпораций как фактор стимулирования (сдерживания) их инновационного развития / Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, А.Г. Петров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 32. – С. 10-32.
19. Хмелькова Н.В. От конкуренции к со-конкуренции: новая логика конкурентного сотрудничества / Н.В. Хмелькова // Журнал экономической теории. – 2010. – № 1. – С. 18.
20. Шерешева М.Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний / М.Ю. Шерешева. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 339 с.
21. Campbell D. The «Hybrid Contract» and the Merging of the Public and Private Law of the Allocation of Economic Goods / D. Campbell // Promoting Participation: Law or Politics? / Ed. by Professor N. Douglas Lewis, Professor David Campbell. London: Cavendish Publishing Limited, 1999. – P. 45-74.
22. Grandori A. Inter-firm networks: Antecedents, mechanisms and forms / A. Grandori, G. Soda // Organization Science. – 1995. – V. 16. – No 2. – P. 183-214.
23. Ménard C. The Economics of Hybrid Organizations / C. Ménard // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 2004. – V. 160. – P. 345-376.
24. Williamson Oliver E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives / Oliver E. Williamson // Administrative Science Quarterly. – 1991. – V. 36. – No. 2. – P. 269-296.

СПЕЦИФИЧНОСТЬ АКТИВОВ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Сысоев Сергей Александрович

соискатель степени кандидата экономических наук. Белорусский государственный университет,
кафедра теоретической и институциональной экономики
г. Минск, Беларусь. E-mail: a900450@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль социального капитала в обеспечении эффективности инвестиций в малоспециализированные и высокоспециализированные активы. При этом социальный капитал формализуется в контрактах неоклассического и «отношенческого» типа, а институциональный механизм принуждения к исполнению контрактов такого типа не может полностью заместить социальный капитал.

Ключевые слова: социальный капитал; контракт; актив; инвестиции; компания; человеческий капитал

Код УДК: 330.142

Annotation. The article discusses the role of social capital in ensuring the effectiveness of investments in low-specialized and highly-specialized assets. At the same time, social capital is formalized in contracts of neoclassical and «relational» type, and the institutional enforcement mechanisms of contracts of this type can not completely replace social capital.

Keywords: social capital; contract; asset; investments; company; human capital

В экономике сферы деятельности компаний разнообразны. Одна небольшая частная компания может производить пиломатериалы, другая, более крупная – работать в пищевой отрасли, выпуская мясные продукты, третья, транснациональная корпорация – заниматься спутниковой связью. Предположим, что каждая из компаний решила расширить производство или увеличить объем предоставляемых услуг. Для этого первой компании потребуется закупить несколько новых деревообрабатывающих станков, второй компании – приобрести новую технологическую линию, третьей – создать более совершенные алгоритмы обработки данных или запустить новый спутник.

Наименьшие издержки при реализации своего инвестиционного проекта будет нести первая компания. Это связано с тем, что на локальном рынке, как правило, существует несколько производителей технологически простого оборудования для деревообработки. Обратившись к любому из них, она приобретет необходимое оборудование. Расширяя производство, вторая компания столкнется с тем, что на локальном рынке, как и в первом случае, может существовать несколько производителей необходимого оборудования. Однако такое оборудование изготавливается под заказ с учетом потребностей заказчика исходя из качества поступающего сырья, объемов производства и ассортимента готовой продукции. Поэтому для его изготовления потребуются дополнительные инженерные расчеты, а само изготовление займет время. В случае с третьей компанией на всем мировом рынке может существовать только две-три компании, которые могут помочь ей в осуществлении инвестиционного проекта.

С позиции институциональной экономики каждая из трех компаний при реализации своих инвестиционных проектов осуществляет инвестиции в различные типы активов: неспециализированные, малоспециализированные и высокоспециализированные [1, с. 133]. К неспециализированным активам относится стандартизированное оборудование, технические характеристики которого покупатель может сравнить за короткое время и выбрать наиболее подходящее [1, с. 135]. При этом поставка, как правило, будет осуществляться со склада производителя. Если покупатель по каким-либо причинам откажется от приобретения оборудования, компания-производитель без существенных затрат найдет на рынке другого покупателя. В свою очередь, сложное технологическое оборудование, которое изготавливается с учетом требований заказчика, относится к малоспециализированным активам. При инвестициях в такие активы заказчику требуются время и компетентные специалисты, чтобы сравнить предлагаемые варианты. Кроме того, при изготовлении оборудования, относящегося к малоспециализированным активам, заказчик и изготовитель должны будут координировать свои действия, чтобы при необходимости своевременно внести изменения в проектную документацию, ход монтажа и т.д. Если заказчик откажется от приобретения изготовленного по его заказу оборудования, производителю будет сложно продать его другому покупателю без существенных доработок [1, с. 139]. При инвестициях в высокоспециализированные активы может потребоваться проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), предсказать успешность которых заранее нельзя. Если компания, занятая в сфере космической связи, планирует запуск нового спутника, то полностью проверить его работоспособность можно будет только на космической орбите, когда исправить допущенные ошибки будет невозможно. Поэтому при осуществлении инвестиций в высокоспециализированные активы и заказчик, и изготовитель оборудования несут серьезные риски и должны тесно координировать свою работу. Другими словами, успешность инвестиций в малоспециализированные и высокоспециализированные активы будет зависеть от способности компании-заказчика и компании-производителя формировать в своих отношениях социальный капитал, т.е. идти на взаимные уступки, принимать взаимовыгодные решения, доверять друг другу и т.д.

Отношения между компаниями-заказчиками и компаниями-изготовителями оборудования, которое относится к активам различной специфичности, регулируются контрактами нескольких типов. Институционалист О. Уильямсон отмечает, что при сделках с неспециализированными активами компания может использовать контракты классического типа. В таких контрактах учитываются все обстоятельства будущей сделки [1, с. 128]. В свою очередь, при сделках с малоспециализированными и высокоспециализированными активами из-за сложности изготовления оборудования, не все ситуации могут быть заранее прописаны в контракте. Возникает необходимость в более гибких типах контрактации – неоклассической и «отношенческой» [1, с. 129-132]. Контракты такого типа могут дополняться различными пунктами по мере реализации проекта, что требует от сторон взаимопонимания и сотрудничества. Таким образом, социальный капитал формализуется в контрактах неоклассического и «отношенческого» типа.

Социальный капитал является важнейшим фактором, обеспечивающим успешность инвестиций в малоспециализированные и высокоспециализированные активы. Однако, из-за разных ценностных установок, деловой культуры и других особенностей заказчика и компании-изготовителя социальный капитал при их взаимодействии может не формироваться. В этом случае компании могут использовать «дублирующий» социальный капитал институциональный механизм гарантий и принуждения к исполнению заключенных контрактов. Компонентами такого механизма являются: аккредитивная форма расчетов, страхование рисков, связанных с НИОКР и производством сложного технологического оборудования, защита прав в суде. Но если аккредитивная форма расчетов и страхование рисков в целом могут существенно снизить потери от невыполнения контракта, то защита прав в суде будет сопровождаться значительными

материальными издержками и потерями времени (суд будет привлекать различных специалистов для проведения экспертизы, стороны могут затягивать разбирательство, оспаривать вынесенные судом решения и т.д.). Поэтому институциональный механизм принуждения к исполнению контрактов неоклассического и «отношенческого» типа не может полностью заместить социальный капитал.

Большинство белорусских частных компаний при инвестициях в малоспециализированные и высокоспециализированные активы всесторонне анализируют информацию о контрагентах, включая информацию о наличии у них необходимой технологической базы и квалифицированного персонала, учитывающих их репутацию, которая выступает одной из форм социального капитала, страхуют возможные риски.

Противоположная ситуация в ряде случаев складывается, когда инвестиции осуществляют государственные предприятия или компании с долей государства в уставном фонде. Такие инвестиции регулируются законодательством о государственных закупках. С одной стороны, при выборе того или иного производителя оборудования оно позволяет учитывать не только цену, но и его репутацию, наличие технологической базы и другие характеристики контрагентов. Также законодательство при заключении контракта позволяет учитывать возможное увеличение цены и сроков поставки оборудования, если это вызвано объективными факторами, которые нельзя было предвидеть заранее. Кроме того, компания-изготовитель или поставщик оборудования при нарушении условий договора, поставке некачественной продукции по заявлению заказчика попадают в список недобросовестных поставщиков и на 12 месяцев лишаются права на участие в госзакупках. Таким образом, компании, плохо зарекомендовавшие себя на рынке, исключаются из участия в госзакупках [2]. Другими словами, белорусское законодательство в области госзакупок в целом позволяет сторонам защищать свои интересы и формировать социальный капитал при инвестициях в малоспециализированные и высокоспециализированные активы.

Однако, существующие процедуры госзакупок не являются универсальными для всех ситуаций. Например, если модернизация производства проводится в несколько этапов, то заказчик на каждом этапе обязан проводить новую процедуру госзакупки, а значит, в ряде случаев приобретать технологические линии у различных производителей. В такой ситуации компании-производители не имеют полного представления о ходе модернизации и могут принимать неверные технические решения. Кроме того, в законодательстве не закреплена степень влияния репутации компании-изготовителя оборудования на решение заказчика [2]. Это позволяет недобросовестным членам тендерных комиссий проводить различные манипуляции данными. Также не на всех госпредприятиях есть квалифицированные специалисты, которые могут грамотно составить техническое задание для закупки оборудования и оценить поступившие предложения¹.

Для решения существующих проблем при инвестициях госпредприятий в малоспециализированные и высокоспециализированные активы, необходимо, во-первых, чтобы локальные документы, регламентирующие государственные закупки на уровне предприятия, учитывали репутацию компании-производителя, как одну из форм социального капитала. Во-вторых, для защиты своих интересов госпредприятиям необходимо более активно применять аккредитивную форму расчетов и различные виды страхования технологических рисков, а в некоторых случаях – сделать такие процедуры обязательными. В-третьих, на уровне вышестоящих органов, например, концернов, необходимо сформировать специальные отделы по долгосрочным инвестициям, специалисты которых будут оказывать консультации заинтересованным государственным предприятиям по поиску производителей того или иного оборудования, а также

¹ Подобные нарушения на практике приводят к значительным потерям государственных средств. Например, после проведения процедуры госзакупки на поставку станции обезжелезивания для одного из водозаборов г. Минска, победителем было признано предприятие, не имеющее опыта в реализации подобных проектов. В результате 9,2 млрд. белорусских рублей было потрачено на оборудование, не отвечающее необходимым техническим характеристикам [3].

анализировать поступающие от них предложения. В-четвертых, в перспективе возможна разработка специальных нормативных актов, регламентирующих закупку госпредприятиями малоспециализированных и высокоспециализированных активов.

Различная степень специфичности активов обуславливает и требования к уровню квалификации персонала. Например, компании, выпускающей пиломатериалы, для работы на закупленных деревообрабатывающих станках потребуется персонал с невысокой квалификацией, обучение которого простейшим операциям может быть организовано на рабочем месте. При увольнении кого-либо из таких работников, компания без существенных затрат времени и ресурсов найдет им замену на рынке труда. Компании, функционирующей в пищевой отрасли, для организации работы новой линии потребуется квалифицированная рабочая сила – инженеры, технологи и т.д. В этом случае предприятие не только организует обучение персонала в компании-изготовителе оборудования, но и инвестирует средства в постоянное повышение его квалификации. Постепенно у работников формируются специфические знания, касающиеся работы на том или ином оборудовании. Формирование у сотрудников специфических знаний и инвестиции в них со стороны компании приводят к тому, что для компании каждый квалифицированный сотрудник представляет существенную ценность. В свою очередь, для работы с высокоспециализированными активами, например, технологиями спутниковой связи, требуются специалисты высшей квалификации, которые, как правило, в дефиците на рынке труда. Если компания лишается хотя бы нескольких ведущих специалистов, то это может поставить осуществляемые проекты под угрозу срыва.

Компании заинтересованы в эффективной работе персонала. При этом собственники капитала не могут заставить трудиться высококвалифицированный персонал с отдачей административными мерами. Прежде всего, это связано с асимметрией информации – сотрудник может знать несколько вариантов решения поставленной задачи, однако из-за неудовлетворительных, по его мнению, условий труда, он способен выбрать заведомо неоптимальный вариант. Только рассматривая высококвалифицированный персонал в качестве партнера, строя отношения с ним на основе доверия и учета взаимных интересов, т.е. активно формируя социальный капитал, собственники капитала могут стимулировать персонал проявлять инициативу, решать нестандартные задачи.

Важную роль в этом процессе играют материальные денежные и неденежные стимулы (в их состав включают, например, базовую и переменную части заработной платы, которые зависят от результатов трудовой деятельности, оплату питания и т.д.), моральные поощрения (благодарность, знаки отличия), организационные стимулы (например, максимальную автономию в работе), участие в управлении (участие наемного персонала в принятии решений, прибыли, капитале) [4, с. 185].

Выбор того или иного стимула зависит от задач и финансовых возможностей компании или бюджетной организации. Например, в Беларуси в 2013 г. номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, занятых в сфере науки и обслуживания, т.е. в сфере, требующей специалистов высокой квалификации, была на 35% выше, чем в среднем по экономике, и составила 6 830,7 тыс. белорусских рублей [5, с. 13; 6, с. 14]. Более значительными возможностями при поощрении квалифицированных сотрудников в Беларуси располагают компании, работающие в сфере информационных технологий. Например, белорусская компания «Gurtam», осуществляющая свою деятельность в сфере спутникового мониторинга транспорта, приглашая на работу высококвалифицированных программистов, гарантирует им не только высокую заработную плату на уровне 2 500 – 3 000 долл. США, но и профессиональное обучение за счет компании, медицинскую страховку, курсы английского языка [7]. В свою очередь, белорусский офис компании «Сбербанк-Технологии» предлагает своим сотрудникам возможность сертификации за счет компании, оплату комплексного медицинского обследования и добровольного медицинского страхования [8].

Другими словами, между собственниками капитала и наемным высококвалифицированным персоналом происходит трансформация отношений. Если в концепции К. Маркса собственники капитала были заинтересованы в максимальном присвоении доходов, в том числе, в ущерб заработной плате работников, то в настоящее время особенности работы с малоспециализированными и высокоспециализированными активами толкают собственников капитала к установлению партнерских долгосрочных отношений с высококвалифицированным персоналом и повышению уровня оплаты труда.

Ряд компаний стремится формировать социальный капитал не только в отношениях с высококвалифицированным персоналом, но и со всеми работниками, независимо от их квалификации. Например, в 2012 г. ООО «Белорусский металлургический завод» направило 38% полученной прибыли на социальную сферу и нужды коллектива [9, с. 62]. При аттестации на соответствие занимаемой должности на предприятии широко применяется метод «360 градусов», который среди прочих параметров учитывает оценку сотрудника руководителем и клиентами. [9, с. 93].

Таким образом, социальный капитал, содействуя перераспределению части доходов компаний в пользу наемного персонала (финансирование расходов на социальную политику компании, участие работников в прибыли), позволяет преодолевать основные противоречия между «трудом» и «капиталом». Следствием этого является повышение производительности труда, выручки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация : [пер. с англ.] / Оливер И. Уильямсон ; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катькало ; пер. с англ. Ю. Е. Благова [и др.]. – СПб. : Лениздат : CEV Press, 1996. – 702 с.
2. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 419-З – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11200419>. – Дата доступа: 03.04.2014.
3. Гладкая Л. Упрощенная процедура сложного результата [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sb.by/obshchestvo/article/uproshchennaya-protsedura-slozhnogo-rezultata.html> – Дата доступа: 03.04.2014
4. Лобанова Т.Н. Мотивационные стратегии в управлении персоналом / Т. Н. Лобанова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 1 – С. 179–200.
5. Труд и занятость в Республике Беларусь, [2009–2013] : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; [редкол.: В. И. Зиновский (пред.) и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – 320 с.
6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб., [2009–2013] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; [редкол.: В. И. Зиновский (пред.) и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – 120 с.
7. JavaScript Developer (Front-end) Вакансия. Gurtam. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jobs.tut.by/vacancy/8198681?query=> – Дата доступа: 02.08.2013
8. Ведущий Java программист. Вакансия. Сбербанк-Технологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jobs.tut.by/vacancy/8160322?query=> – Дата доступа: 02.08.2013
9. Отчет в области социальной ответственности и корпоративной устойчивости ОАО «БМЗ за 2012 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belsteel.com> – Дата доступа: 05.04.2014

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОВЕДЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФИНАНСОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор. ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кафедра «Макроэкономика», действительный член Академии философии хозяйства
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: morskaya67@bk.ru

04 марта 2015 года в Финансовом университете состоялась II-я Международная научная конференция «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания». Инициатором и организатором этого мероприятия выступила кафедра «Экономическая теория». Главной **проблемой**, предлагаемой к обсуждению выступала следующая гипотеза. Экономика современной России начиная с 2000-х годов адаптировалась в рамках глобальной социально-экономической системы, главной идеологемой которой и до настоящего времени выступает специфическая вариация пути развития человечества – «постиндустриализм». Экономические санкции Запада и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели – реалии современного положения дел настоящей России. Без научно-практического решения вопроса о новых источниках развития – источниках индустриальных, стабильных, фундаментальных и долгосрочных – немыслимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны. **Целью** конференции стало широкое междисциплинарное обсуждение ключевых проблем современной России в меняющемся мире и выявление идей, моделей и механизмов переориентации национальной экономической политики в сторону новой индустриализации на основе приоритетного развития высокотехнологичного производства, интегрированного с передовыми достижениями науки и образования.

В качестве соучредителей конференции выступили ведущие высшие учебные заведения России, такие как МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, федеральные государственные университеты Калининграда, Казани, Ростова-на-Дону, Красноярска, другие государственные университеты Твери, Тамбова, Ставрополя, Краснодар, Волгограда, Иваново, Махачкалы, Институт экономических стратегий Отделения общественных наук РАН (ИНЭС), Всероссийский центр уровня жизни, региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани», фракция «Справедливая Россия» Государственной Думы VI-го созыва РФ и др. Международный статус конференции подтверждён участием в качестве соучредителей государственной университеты Армении, Белоруссии, Университет «Туран-Астана» из Казахстана, международная ассоциация институциональных исследований, международная политэкономическая ассоциация, и в качестве участников – гостей из Армении, Белоруссии, Германии, Франции, Украины, Молдавской республики Приднестровье, Словакии, Казахстана. В адрес конференции поступило приветственное письмо участникам конференции из Академии образования Великобритании (г. Лондон).

Пленарное заседание началось с научной панельной дискуссии о российской экономической системе, анатомии её развития и путях её обновления. Основной доклад представили профессора МГУ им. М.В. Ломоносова **А.В. Бузгалин** и **А.И. Колганов**. Им качестве оппонентов выступили проректор Финансового университета, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор **Д.Е. Сорокин**, заведующий кафедрой экономической теории Финансового университета д.э.н., профессор **Р.М. Нуреев**, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ, д.э.н., профессор **В.Т. Рязанов**. По представленному докладу развернулась живая, интересная, жёсткая, но в то же время доброжелательная и красивая дискуссия, поддержанная актуальными вопросами из зала.

Далее пленарное заседание продолжилось классическими докладами: директора Центра общественных наук, зав. лабораторией философии хозяйства, президента Академии философии хозяйства, д.э.н., профессора **Ю.М. Осипова**; президента Фонда экономических исследований Михаила Хазина, действительного государственного советника РФ в отставке **М.Л. Хазина**; генерального директора Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН, д.э.н., профессора **А.И. Агеева**; профессора Международного университета в Москве, д.э.н., профессора **Г.Н. Цаголова**; профессора Университета Париж-12, вице-президента Международного союза экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева» (г. Париж, Франция) **Ж.-Л. Трюэля**; главного редактора журнала «Экономист», профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., **С.С. Губанова**; генерального директора ОАО «ВЦУЖ», зав. кафедрой экономики труда и управления персоналом РЭУ им. Г.В. Плеханова, д.э.н., профессора **В.Н. Бобкова**.

Пленарное заседание конференции продолжилось работой *девяти* секций, обсудивших проблемы экономического роста и неоиндустриализации России, кризиса «экономикс» и проблем модернизации современной экономической теории, системных факторов экономического развития, трансформации современной воспроизводственной картины мира и вызовов дальнейшего развития, формирования инновационных кластеров в регионах России в условиях экономических санкций Запада, теории и практики взаимодействия власти, бизнеса и общества, финансовых рынков в системе воспроизводства современной экономики, бюджетно-финансовых последствий пенсионной реформы, а также Налогового стимулирования импортозамещения в промышленности и сельском хозяйстве как нового источника развития в странах Евразийского экономического союза.

По итогам работы II-й Международной научной конференции «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания» были выявлены идеи и мнения, найдены и обозначены научно-практические решения вопроса о новых источниках развития – источниках индустриальных, прочных, фундаментальных и долгосрочных, без которых немислимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны. Также были раскрыты наиболее талантливые и перспективные авторы с целью поддержки их научного потенциала. Все присланные доклады были размещены в материалах, опубликованных к началу конференции: «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания»: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нурева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 624 – 632. Номер государственной регистрации 0321500661.

Справка: количество и состав участников: общее количество участников – 250 чел.; в том числе: гости – 28 чел.; иностранные гости – Армения – 4 чел.; Германия – 1 чел.; Казахстан – 1 чел.; Молдавская Республика – 1 чел.; Республика Беларусь – 2 чел.; Словакия – 1 чел.; Украина – 8 чел.; Франция – 1 чел.; научно-педагогический состав – 203 чел.; студенты, аспиранты – 45 чел.

ПРОБЛЕМЫ И УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА ЭКОНОМИКИ РОССИИ К НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Эпштейн Давид Беркович

доктор экономических наук, профессор. Северо-Западный Научно-исследовательский Институт экономики сельского хозяйства РАСХН

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: epsteindb@gmail.com

Аннотация. В данной работе анализируются причины того, почему в России не осуществлен переход к новой индустриализации. Показано, что это обусловлено рядом особенностей экономики России. На ряде известных примеров показана роль «первотолчка» в реформах СССР, КНР, Японии, Южной Кореи и Германии. Этот «первотолчок», осуществляемый руководством страны, позволяет преодолевать тормозящие особенности и превратить их в конкурентные преимущества. Предложены элементы экономической политики, которые могут сыграть роль «первотолчка» для экономики России. Среди них особенно важны отказ от праволиберального экономического курса и сохранение низкого валютного курса рубля.

Ключевые слова: экономическая политика; особенности экономики России; валютный курс; экономические реформы; праволиберальная экономическая парадигма; возможности

Код УДК: 330.34

Annotation. The reasons why Russia has not made the transition to the new industrialization are analyzed in present work. The reason for it is grounded by a number of peculiarities of the Russian economy. The role of «first push» in the economic reforms of the USSR, China, Japan, South Korea and Germany is shown. This «first push» implemented by the leadership of the country, allows to overcome the inhibitory features and turn them into competitive advantages. Few elements of economic policy which can play the role of «first push» for the Russian economy are proposed. Among them particularly important are the refusal from the right-wing liberal economic course and keeping low exchange rate of Rouble.

Keywords: economic policy; peculiarities of the Russian economy; exchange rate; economic reforms; right-wing liberal economic paradigm; opportunity

Необходимости перехода экономики России к новой индустриализации посвящено немало работ [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Но, анализируя ситуацию, сложившуюся в экономике России к концу 2014 года, и призывы к реиндустриализации и модернизации, а также предлагаемые меры для их осуществления, мы не можем не замечать определенного противоречия. Оно состоит в том, что большинство из предлагаемых рецептов в той или иной степени были уже задействованы, но существенного результата они пока не дали. В самом деле, предлагается, в основном, за счет государственных капиталовложений, с использованием средств накопленных резервных фондов, сделать упор на... (далее приводится перечень отраслей или комплексов отраслей):

- развитие военно-промышленного комплекса,
- развитие энергетики,

- развитие самолетостроения,
- увеличение производства и экспорта зерна,
- воспроизводство человека (модернизации медицины, образования, науки).

Между тем, все это в определенной степени делается, как минимум, с послекризисного 2010 года – по указанным выше направлениям наращиваются государственные капиталовложения, имеются определенные успехи, но ситуация в экономике продолжает ухудшаться, темпы роста снизились до отрицательных, рентабельность промышленности и сельского хозяйства падает, импорт растет.

Падение темпов развития России задолго до второй половины 2014 года, когда произошло падение цен на нефть и задолго до введения экономических санкций против нашей страны, причем на фоне достаточно высоких темпов роста мировой экономики, показывает, что проблема не во внешних обстоятельствах, а в самой российской экономической системе и в неадекватности принимаемых государством мер.

Это значит, что, несмотря на все принимаемые меры, наша экономика проигрывает конкурентам из других стран, и некоторые успехи в одних отраслях нивелируются потерями в других. В чем причина такого явления? Может быть, есть некие особенности сегодняшнего положения в нашей экономике, которые препятствуют в условиях ее открытости наращиванию конкурентоспособности на мировых рынках?

На наш взгляд, такие особенности есть. И эти особенности являются серьезным препятствием на пути новой индустриализации. Не учтя, не понимая их, мы и далее, считаем, не добьемся успеха. Перечислим наиболее значимые из них.

Во-первых, новая индустриализация означает новые отрасли производства, которых сейчас нет или их масштаб крайне мал. Это порождает проблему «успешного начала с нуля». Имеется в виду то, что для новых отраслей у нас пока нет ни своего оборудования, ни кадров для их построения. В условиях закрытости от внешнего рынка можно было строить такие отрасли по принципу «главное начать», то есть, закупить готовые предприятия, выстроить их, пригласить иностранных инженеров и частично рабочих и предложить им работать на этих новых предприятиях, выходя на передовой уровень. Но в условиях конкуренции на внешних рынках такой подход приведет к большим убыткам и, соответственно, к большим потерям бюджета. И продадут ли нам самые передовые предприятия, способные выйти на мировой уровень, тем более, в условиях санкций?

Вторая особенность текущей ситуации состоит в том, что для развития новых отраслей нужны большие средства. Частный бизнес в обрабатывающей промышленности (не включая нефтепереработку) имеет рентабельность 3-5% и менее, причем она снижалась последние годы. Процент за кредит для нового бизнеса у нас составляет 20-25%, а сроки возврата от вложений в новые отрасли, как правило, весьма велики. Кто, кроме государства, сможет финансировать такие проекты? Но у нас и работающие отрасли, необходимые для ежедневного существования населения, даже сельское хозяйство, государство держит на голодном пайке, так как накопленные им резервы начали с 2014 года быстро таять. Налоги, обеспечивающие приток средств государству, уже и так на предельно или даже на запредельно высоком уровне, а организовать эмиссионное финансирование государство не в состоянии уже 25 лет, так как опасается, что это увеличит инфляцию.

Конечно, успешно развиваясь, новые отрасли способны сами генерировать прибыль, залоги, кредиты и т.д. Но для этого они должны сначала хотя бы появиться в минимально-необходимом объеме и стабильно функционировать. Недоступность средств для предпринимателей и

предприятий, многократно усиленная декабрьскими решениями Центрального банка 2014 года о скачкообразном повышении ключевой ставки – **это третья особенность текущей ситуации.**

Четвертая особенность – низкая доля работников, работающих в производственных организациях и занятых на регулярной основе. Так, в 2012 году из 92,8 млн. чел. трудовых ресурсов, трудились в таких организациях 45,9 млн. чел., то есть менее 50%. Всего же в сфере, производящей продукцию или услуги по рыночным ценам, было занято (в пересчете на полный рабочий день) лишь 61 млн. чел., из которых более 16 млн. – работники сельского хозяйства, охоты и рыболовства [9]. Без этого сектора, где занятость, очевидно, неполная, в рыночной экономике заняты все те же 45-46 млн. чел. Где же занята оставшаяся половина людей трудоспособного возраста? Примерно поровну заняты в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица и в сфере производства продукции для собственных нужд, то есть, в личных подсобных хозяйствах и/или в криминально-теневом секторе.

Такая структура экономически активного населения означает, что половина населения трудится в режиме, который далек от режима работы на предприятиях и в организациях реального сектора, то есть теряет навыки ежедневного участия в общественном производстве, где трудятся коллективно. А именно этот сектор в первую очередь должен получить развитие в ходе новой индустриализации. Иначе говоря, на большинство из указанных 45 млн. чел. вряд ли можно рассчитывать как на потенциальную рабочую силу для новой индустриализации.

Указанное обстоятельство создает еще одну, **пятую особенность** сегодняшней ситуации – в стране нет существенных резервов рабочей силы, которые могли бы быть задействованы без больших дополнительных капиталовложений на создание рабочих мест. Сельское население, занятое в личных подсобных хозяйствах, смогло бы прийти на предприятия новых или старых отраслей промышленности, если бы индустриальные предприятия строились в сельской местности или в небольших городах. Но этого, как правило, не происходит из-за недостаточной развитости инфраструктуры. Между тем, наличие резервов рабочей силы было существенным фактором ускоренного экономического развития почти во всех случаях: в СССР 30-60х годов, в Южной Корее и Японии после Второй мировой войны, в Китае с начала реформ и т.д.

Уточним: резервы дешевой рабочей силы в России, безусловно, есть, но для того, чтобы они могли быть высвобождены и задействованы, должны произойти коренные изменения в характере нашего экономического развития, то есть, во-первых, должны стать инвестиционно привлекательными новые секторы новой экономики, во-вторых, они должны «прийти к дому» той части рабочей силы, которая вынужденно (из-за отсутствия доступных предприятий) не занята в общественном производстве. В-третьих, эти новые секторы должны обеспечить достаточно высокий (для России) уровень заработной платы, чтобы привлечь те слои, которые пока предпочитают заниматься индивидуальным производством или нерегулярную занятость. Конечно, успешно развиваясь, новые отрасли способны сами генерировать прибыль, залоговые кредиты и т.д. Но для этого они должны сначала хотя бы появиться в минимально-необходимом объеме и стабильно функционировать. Недоступность средств для предпринимателей и предприятий, многократно усиленная декабрьскими решениями Центрального банка 2014 года о скачкообразном повышении ключевой ставки – **это третья особенность текущей ситуации.**

Четвертая особенность – низкая доля работников, работающих в производственных организациях и занятых на регулярной основе. Так, в 2012 году из 92,8 млн. чел. трудовых ресурсов, трудились в таких организациях 45,9 млн. чел., то есть менее 50%. Всего же в сфере, производящей продукцию или услуги по рыночным ценам, было занято (в пересчете на полный рабочий день) лишь 61 млн. чел., из которых более 16 млн. – работники сельского хозяйства, охоты и рыболовства [9]. Без этого сектора, где занятость, очевидно, неполная, в рыночной экономике заняты все те же 45-46 млн. чел. Где же занята оставшаяся половина людей трудоспособного

возраста? Примерно поровну заняты в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица и в сфере производства продукции для собственных нужд, то есть, в личных подсобных хозяйствах и/или в криминально-теневом секторе.

Такая структура экономически активного населения означает, что половина населения трудится в режиме, который далек от режима работы на предприятиях и в организациях реального сектора, то есть теряет навыки ежедневного участия в общественном производстве, где трудятся коллективно. А именно этот сектор в первую очередь должен получить развитие в ходе новой индустриализации. Иначе говоря, на большинство из указанных 45 млн. чел. вряд ли можно рассчитывать как на потенциальную рабочую силу для новой индустриализации.

Указанное обстоятельство создает еще одну, **пятую особенность** сегодняшней ситуации – в стране нет существенных резервов рабочей силы, которые могли бы быть задействованы без больших дополнительных капиталовложений на создание рабочих мест. Сельское население, занятое в личных подсобных хозяйствах, смогло бы прийти на предприятия новых или старых отраслей промышленности, если бы индустриальные предприятия строились в сельской местности или в небольших городах. Но этого, как правило, не происходит из-за недостаточной развитости инфраструктуры. Между тем, наличие резервов рабочей силы было существенным фактором ускоренного экономического развития почти во всех случаях: в СССР 30-60х годов, в Южной Корее и Японии после Второй мировой войны, в Китае с начала реформ и т.д.

Уточним: резервы дешевой рабочей силы в России, безусловно, есть, но для того, чтобы они могли быть высвобождены и задействованы, должны произойти коренные изменения в характере нашего экономического развития, то есть, во-первых, должны стать инвестиционно привлекательными новые секторы новой экономики, во-вторых, они должны «прийти к дому» той части рабочей силы, которая вынужденно (из-за отсутствия доступных предприятий) не занята в общественном производстве. В-третьих, эти новые секторы должны обеспечить достаточно высокий (для России) уровень заработной платы, чтобы привлечь те слои, которые пока предпочитают заниматься индивидуальным производством или нерегулярную занятость.

Шестая особенность сегодняшней ситуации экономики России состоит в том, что заработная плата в ней существенно превышает заработную плату в развивающихся странах Азии, что снижает наши возможности притока иностранного капитала.

Но откуда взялись, как сложились все эти особенности, почему не были приняты государством необходимые меры для того, чтобы индустриальный потенциал советского периода не был потерян? Ответ на этот вопрос, в целом, известен – в стране, в силу избранного радикально-капиталистического пути трансформации, сложилась особая экспортно-сырьевая модель экономики, для которой характерны олигополистическая структура рынков, олигархия владельцев нескольких десятков крупных и крупнейших компаний, прежде всего, в ресурсо-добывающих отраслях и финансовой сфере. Эти олигархические структуры, с одной стороны, влияют на основополагающие государственные решения в направлении сохранения и увеличения получаемой ими ресурсной, административной и иной ренты, а, с другой стороны, они получают разнообразную поддержку от государства как, якобы, «столпы» российской экономики. Происходит определенный дележ «рентного пирога» между государством и олигархическими структурами и их тесное взаимодействие. В силу этого государство в своей экономической политике руководствуется принципом «не навреди» по отношению к сложившейся институциональной системе, что проявляется в экономической политике как «праволиберальная парадигма», состоящая, кратко говоря, в том, что действия государства в экономике – это, якобы, «вмешательство», а вмешательство государства в экономику, де, заведомо неэффективно. Государство должно лишь создавать «инвестиционный климат» для отечественных и, особенно, иностранных инвесторов, совершенствовать институты рынка, а рынок сам определит перспективные отрасли и направления

развития. Таким образом, сложившаяся ситуация – есть результат воплощения праволиберальной парадигмы и не может быть преодолена без отказа от нее. Этот факт может рассматриваться **как седьмая, основополагающая особенность ситуации**. Между тем, опыт коренных модернизационных реформ в различных странах показывает, что эта парадигма глубоко ошибочна, повсеместно такие реформы осуществлялись по инициативе государства, которое самым непосредственным образом нарушало сложившуюся институциональную систему (имеется в виду система производственно-распределительных отношений) и отсталую производственную структуру, создавая приоритетные условия для развития определенных отраслей, способствующих росту и развитию на новой технологической основе.

Усложняющие обстоятельства предшествовали любому экономическому рывку, но каждый раз лидеры и власти той или иной страны отбрасывали идеи невмешательства государства в экономику и находили нестандартные решения, иногда очень жесткие, которые позволяли начать процесс экономического роста в достаточно большом масштабе, чтобы он далее сам начал генерировать доходы и привлекать инвестиции. Власти же должны были при этом умело поддерживать расширяющиеся масштабы зон экономического роста. Так, проведение коллективизации, сопряженной с немалыми жертвами, позволило в СССР сосредоточить в руках государства существенные объемы зерна и других ресурсов для экспорта, достаточные в условиях Великой депрессии 1930-х годов для закупки по сниженным ценам передовых проектов и оборудования для большого числа предприятий за рубежом. В послевоенной Германии таким первоначальным послужила денежная реформа, проведенная вопреки позиции американской администрации.

В Южной Корее старт бурному экономическому росту дал в 1962 году президент Пак Чон Хи, который стал внедрять пятилетние государственные планы развития экономики, в первую очередь, развития экспортных отраслей, сделав упор на государственные капиталовложения в промышленность, а также на иностранные инвестиции. Часть отраслей промышленности и банковский сектор были национализированы, в частном секторе поощрялась вертикальная интеграция в виде крупных многоотраслевых комплексов – чеболей. Государством были определены приоритетные отрасли – автомобилестроение, электронная промышленность, кораблестроение. Благодаря наличию избыточной рабочей силы в сельской местности темпы роста южнокорейской экономики в отдельные периоды достигали 25-40% в год. В этом рывке определенную роль сыграл тот факт, что в конце 50-х годов было выстроено «впрок» высокочастотное многополосное шоссе с севера на юг, хотя до середины 60-х годов оно использовалось с низкой эффективностью.

В Японии была хорошо развитая экономика и перед Второй мировой войной, но она оказалась практически полностью разрушенной в результате войны. Толчком к мощному экономическому росту на новой основе явилась политика государства, взявшего под жесткий контроль сферу внешней торговли, введя фиксируемый валютный курс йены, высокие пошлины на импорт, за исключением современных технологий. Большую роль сыграли поддержка мелкого предпринимательства и системы пожизненного найма, массовая скупка западных патентов и научно-технической информации их быстрое применение для повышения эффективности производства, приоритет на развитие не капиталоемких, а, в первую очередь, трудоемких отраслей экономики.

В Китае первоначально в конце 1970-х годов после длительного периода кризисных лет, последовавших за «большим скачком», был выбран путь, прямо противоположный СССР, то есть, деколлективизация, роспуск «народных коммун», предоставление широких экономических свобод для развития рынка, причем не только для производства сельскохозяйственной продукции. Высвобожденные производительные возможности позволили не только быстро нарастить производство зерна, но и начать создавать небольшие предприятия по производству промышленных

товаров непосредственно в сельской местности, где рабочая сила недорогая и имелся ее огромный избыток. При этом «командные высоты», то есть крупные государственные предприятия и необходимые для их функционирования средства производства, собственность на землю, а также многие инструменты экономического регулирования оставались в руках государства. КНР очень существенно и неуклонно, использовала фиксируемый заниженный курс юаня для поддержания высокой конкурентоспособности своей продукции внутри страны и на мировом рынке, несмотря на все попытки США заставить ее повысить курс или перейти к рыночному курсу.

Разумеется, реформы в приведенных примерах производились в странах с разным социально-экономическим строем и в разных ситуациях, они имели различное содержание и различные экономические механизмы реализации. Но тем важнее увидеть в этих примерах «экономических чудес», то, что во всех случаях именно государство, и в первую очередь, его лидеры играли ключевую роль как в организации «первотолчка», так и в последующем выборе приоритетов и регулировании экономики.

Необходимость, в результате обострения геостратегической обстановки, формирования долговременного экономического механизма импортозамещения может рассматриваться как один из долговременных стимулов для осуществления государством первотолчка преобразований.

Попытаемся в связи с этим назвать те элементы правительственной политики, которые, на наш взгляд, могут сыграть роль указанного первотолчка и послужить основой для действительно высоких темпов роста России. В связи с ограниченным размером статьи большинство этих элементов мы просто перечислим, остановившись лишь на наиболее существенных, выделив группы

Политические меры:

1. необходим принципиальный отказ от праволиберальной парадигмы, от идеи, что действия государства в экономике – это «вмешательство», а вмешательство государства заведомо неэффективно, что, якобы, государство неэффективно и как предприниматель, и как собственник; все это многократно опровергнуто и реальным опытом экономического развития, и в теории;
2. отказ от праволиберальной парадигмы должен выражаться в демонстративно объявленном переходе от преимущественно праволиберальной экономической политики, делающей упор лишь на совершенствовании институтов, то есть, «правил игры», к активной социально-ориентированной политике экономического роста и развития на новой технологической базе; демонстративность этого отказа должна означать замену ключевых фигур правительства, сторонников праволиберального «невмешательства» на активных и известных обществу, высококвалифицированных и авторитетных сторонников альтернативной линии – на сторонников и стратегов новой индустриализации;
3. должна быть усилена социальная и антикоррупционная составляющие экономической политики, в том числе, путем введения прогрессивного налогообложения, принятия законов о конфискации имущества чиновников и госслужащих, размер и происхождение которого не соответствуют декларируемым доходам, реальной деофшоризации экономики.

Финансовые и антиинфляционные меры:

1. необходим переход к удержанию курса рубля на низком уровне, даже и в случае повышения цен на нефть и другие экспортируемые ресурсы, и дальнейшее плавное снижение курса до уровня, гарантирующего высокую конкурентоспособность отечественной экономики, как добывающего, так и обрабатывающего сектора, а также сельского хозяйства; этот элемент экономической политики гарантированно создает

фоновые условия повышения и сохранения конкурентоспособности уже существующих отраслей отечественной экономики и поэтому играет ключевую роль, на чем мы остановимся подробнее после перечисления других мер;

2. аккумуляция сырьевой ренты в руках государства в существенно больших объемах, чем в настоящее время, в том числе, за счет повышения налогообложения сырьевых отраслей;
3. государственный контроль и полная прозрачность издержек и цен в сырьевом секторе, регулирование цен на нефть, газ, основные виды горючего и топлива, а также на продукцию отраслей – естественных монополий по принципу издержки плюс минимально-необходимая прибыль;

Меры инновационной политики:

1. создание Государственного комитета по науке и инновациям как единого органа для организации инновационного процесса, то есть, создания и массового трансфера преимущественно отечественных инноваций на основе взаимодействия государства, бизнеса, имеющих звеньев инновационной инфраструктуры, прикладной и фундаментальной науки;
2. переход от политики «экономии на науке» и ее «реструктуризации», «оптимизации» и т.п. к повышению престижа фундаментальной науки и ее работоспособности с помощью резкого увеличения заработной платы в ней и к таким объемам финансирования фундаментальной и прикладной науки, которые создают условия для быстрого сокращения отставания от стран-конкурентов в сфере создания научных заделов для инноваций, то есть, в объемах, примерно в два раза опережающих средний уровень финансирования науки в ОЭСР (1,8% ВВП).

Меры структурной политики:

1. использование государственных капиталовложений и государственных субсидий и льгот для обеспечения опережающего роста капиталовложений в высокотехнологичные секторы, где мы имеем шансы обгонять конкурентов, не догоняя, например, в
 - производство медицинского оборудования на новых принципах;
 - производство новых материалов;
 - освоение космоса;
 - развитие образования и науки;
 - развитие медицины и др.;
2. одним из приоритетов государственной политики обязательно должно стать универсальное машиностроение, производящее станки, роботизированные и автоматизированные комплексы, их электронную базу, а также программное обеспечение, используемые для производства машинного оборудования в специализированных отраслях; именно эта сфера является ключевой для реального повышения производительности труда на отечественной машинной базе.

Центральную роль в указанном перечне имеют отказ от праволиберальной парадигмы и удержание относительно низкого курса рубля. Чтобы пояснить роль сохранения валютного курса на уровне, обеспечивающем конкурентоспособность российской экономики, обратимся к существующей экономической ситуации, мягко говоря, не самой благоприятной. Рост экономики практически остановился, наоборот, имеет место ее падение. Увеличивается инфляция. И это не

случайное явление этого года, и не только результат падения цены на нефть или даже экономических санкций – это результат длительного процесса, который, по сути дела, шел с середины 2000-х годов. На него, к сожалению, наше руководство обращало мало внимания. Точнее, внимание обращало и даже немало правильных слов говорило, документы принимало, но нужных усилий для преодоления ситуации не предпринимало.

Сегодняшние проблемы – это результат недостаточно активной экономической политики в предыдущие десятилетия. В частности, основную негативную роль играл избыток сырьевого экспорта, который приводил к избытку долларов и экономически неоправданному их удешевлению. Это не беспокоило руководство, видимо, потому, что немного помогало снижать инфляцию. Доллар как стоил в начале 2000 года около 30 руб., так и продержался примерно на этом уровне до 2013 года, хотя в России была очень высокая инфляция, в разы превосходящая рост цен в большинстве стран – конкурентов. Что это значит? Что российские товары дорожали ежегодно на 10-15% (такова была инфляция), а цены на импортные товары оставались почти на том же уровне, снижались или росли в цене не более 1-3% в год. Поэтому они вполне успешно теснили на рынках, выдавливали с рынков товары российского производства во многих отраслях. В 2000 году наш импорт был 45 млрд. долл., в 2005 уже 125 млрд. долл., а в 2013 году уже около 350 млрд. долл. В основном этот 8-кратный рост импорта означал вытеснение наших производителей. В результате рентабельность производства из года в год снижалась. Если в 2005 году она составляла (по всей экономике) 13,5%, то в 2012 году – уже лишь 8,6%, а в 2013 году – около 6,5%. А если учесть более высокую рентабельность ресурсодобывающих отраслей, а она в три раза выше средней, то рентабельность оставшейся части реальной экономики будет почти нулевой.

Лишь в 2014 году, когда снижение нашей экономики и цен на нефть стало явным, курс доллара стал расти, и это усилило инфляцию. Но пугаться скачка в цене доллара было бы неверно, так как именно это резко повысило конкурентоспособность нашей продукции, хотя и ценой роста инфляции. Механизм вполне очевиден: импорт из-за удорожания доллара дорожает, цены на российские товары тоже начинают расти, но все же не так быстро, а зарплата не растет или растет намного медленнее роста цен. Спрос на импорт падает, растет спрос на российские товары. В результате быстро начинает расти прибыль российских производителей, появляется существенная «подушка рентабельности», которая позволяет вкладывать в производство и стимулирует вложения. И оно начинает расти, хотя дифференциация финансового состояния предприятий при этом остается высокой. Именно таким был механизм роста с 1998 года, когда, после скачка цены доллара в 4 раза, начался быстрый рост российской экономики. Этот подъем несколько выправил положение после неадекватных институциональных реформ [10]. Только власти, видимо, не поняли тогда, почему. А рост цен на нефть, а также расширение вертикальной интеграции существенно помогли нашему росту [11, 12]¹. Но сегодня, в 2014 году, девальвация уже дала толчок росту ряда отраслей промышленности, она показывает рост на фоне снижения ВВП.

Конечно, девальвация временно снижает покупательную способность населения. Но это вынужденная плата за многолетнее неприятие необходимых мер в экономике.

Правда, позитивное действие девальвации рубля может быть легко заторможено и даже торпедировано в случае отсутствия адекватных действий правительства, например, если оно не помогает продолжить или завершить уже начатые проекты переоборудования предприятий на базе импортного оборудования. Для такой помощи не всегда нужны деньги, вполне достаточно гарантий правительства для получения крупными компаниями валютного кредита. Но в условиях снижения цен на нефть и антироссийских санкций для ряда проектов могут потребоваться субсидии. И на это стоит идти, если речь идет о проектах, гарантирующих импортозамещение и достаточно высокий

¹ Влияние вертикальной интеграции в АПК проявилось в образовании агрохолдингов, которые позволили сделать существенный шаг в развитии сельского хозяйства от хозяйств потребительского типа к крупным, высокотоварным хозяйствам.

спрос на производимую продукцию.

Борьба со спекулянтами на валютном рынке не должна превращаться в борьбу с собственной экономикой, то есть, стремясь ограничить доступ спекулянтов на валютный рынок, нельзя существенно увеличивать процентную ставку, поскольку это оказывает резко тормозящее действие на всю экономику и не только не уменьшает, а, наоборот, разгоняет инфляцию. Дело в том, что, не имея доступа к краткосрочным кредитам, предприятия будут вынуждены поднимать цены.

Для борьбы с валютной спекуляцией целесообразно найти нестандартные способы, например, требование продажи фиксированной доли валютной выручки, продажу валюты лишь тем покупателям, кому она нужна для оплаты реальных закупок по импорту, подтверждаемых контрактами, или для погашения долгов. А добившись таким путем стабилизации валютного курса, необходимо создать условия для резкого удешевления кредитов под проекты увеличения производства, вплоть до использования эмиссионного финансирования отраслей и предприятий, дающих достаточно быструю и надежную отдачу. Разумеется, все это возможно лишь при отказе от праволиберального курса и переходе к активной социально-ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост нашей экономики.

Может быть задан вопрос, не станет ли новая индустриализация, рост доли обрабатывающей промышленности в ВВП шагом назад по сравнению с пребыванием в постиндустриальной экономике. Это, якобы, объединяет Россию с развитыми странами мира. Но ведь само понятие «постиндустриального общества», «постиндустриальной экономики» нуждается в более серьезном экономическом анализе и обосновании, чем обычно называемые его характеристики: доминирование в структуре ВВП сектора услуг, быстрый рост информационного сектора, развитие науки и инноваций и т.д. Все это частные, слабо увязанные и чрезмерно оптимистично оцениваемые «срезы» действительности. Разумеется, опережающий рост производительности труда в промышленности по сравнению с ростом спроса на материальные блага создает условия для повышения доли сектора услуг в ВВП. Но, во-первых, материальное производство, и, прежде всего, промышленность остается основой успешного развития всех других секторов экономики и социальной сферы, ибо без производительного, автоматизированного, экологичного и экономичного оборудования не могут развиваться ни медицина, ни образование, ни наука, ни ЖКХ, ни домашнее хозяйство, ни сфера культуры. Во-вторых, доминирование сферы услуг в России во многом базируется на неэквивалентно высокой заработной плате во многих отраслях сферы услуг в силу известной информационной асимметрии и слабой конкурентной позиции потребителя. В-третьих, большинство авторов говорит об услугах (в отличие от работ) как о деятельности, продукт которой носит нематериальный характер, но пользуется при этом обычной статистикой, которая таких «услуг», увы, не выделяет. Российская статистика к услугам, судя по всему, относит все отрасли, кроме: сельского и лесного хозяйства, охоты и лесного хозяйства, рыболовства, рыбоводства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, строительства. Тем самым к услугам относятся в нашей статистике и розничная торговля, ремонт в индивидуальной сфере, транспорт, общественное питание, которые, по существу есть продолжение сферы товародвижения и доработки продукции материального производства. Если эти отрасли отнести к сфере материального производства, то именно эта сфера станет доминировать в России. Но в любом случае экономические реформы должны исходить из реальных потребностей страны и всех слоев ее населения, а не из той или иной доктринерской схемы. А эти потребности настоятельно требуют немедленных практических действий по новой индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С.С. Губанов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27.
2. Губанов С.С. Неоиндустриальная перспектива и нищета ее либеральной критики/ С.С. Губанов // Экономист. – 2014. – №4. – С.3–32.
3. Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – №2(40). – С. 5–16.
4. Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Социс. – 2014. – №1. – С. 80–94.
5. Бузгалин А.В. Преобразование экономической системы России / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, Д.Е. Сорокин // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3(41). – С. 46–48.
6. Хубиев К.А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности / К.А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3(41). – С. 49–53.
7. Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» / А.В. Бузгалин // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3(41). – С. 53–55.
8. Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация? / В.М. Кульков // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3(41). – С. 56–59.
9. Российский статистический ежегодник. – 2013. М.: Роскомстат
- 10.Эпштейн Д.Б. Эволюционный подход к институциональным реформам в сельском хозяйстве/ Д.Б. Эпштейн //Международный сельскохозяйственный журнал. – 2004. – №6. – С. 25–29.
- 11.Эпштейн Д.Б. Агрохолдинги – форма вертикальной интеграции/ Д.Б. Эпштейн //АПК: экономика, управление. – 2008. – №9. –С.60–66.
- 12.Эпштейн Д.Б. К характеристике хозяйств потребительского типа/ Д.Б. Эпштейн, П. Тиллак // АПК: экономика, управление. – 2002. – №3. – С. 53-60.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РУСЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Гордеев Артем Анатольевич

соискатель ученой степени кандидата экономических наук. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: gordeev89@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена характеристике методологических основ изучения индустриализации. Авторы показывают, что с точки зрения теоретической экономики надо изучать индустриализацию в русле полиметодологического подхода в единстве её содержания и формы. Для изучения содержательного аспекта необходима, прежде всего, методология классической политэкономии. А для изучения формы проявления может быть использована с определенными допущениями неоклассическая методология, а также неоинституциональная теория.

Ключевые слова: методологические основы; индустриализация как экономическая категория; методология классической политэкономии; неоклассическая методология; теория; развитие

Код УДК: 330.342.2

Annotation. This article is devoted to methodological base of research of industrialization. Authors show the necessity of studying an industrialization as unity of its contents and form according to the theoretical economy. It is necessary to use the classical economy for research of contents of industrialization. Methods of neoclassical and newinstitutional theory can be used for research of reflection of this category.

Keywords: methodological base; industrialization as economic category; methodology of classical political economy; neoclassical and newinstitutional methodology; theory; development

Как уже приходилось докладывать одному из нас на Международной конференции в Финиунiversитете при Правительстве РФ в марте прошлого года [1], концепция теоретической экономики, которая разрабатывается нашей научной школой и отражается её рупором – электронным научно-экономическим журналом «Теоретическая экономика» [2], – исходит из полиметодологического подхода к исследованию экономических категорий, использования принципа дополнительности.

В общем-то сама история экономической мысли в целом, как убедительно, по нашему мнению, показал это профессор МГУ А.Г. Худокормов [3], и история развития взглядов на Журнал «Теоретическая экономика» №3, 2015

исследование той или иной экономической категории [см., например, наше исследование актуальности для РФ уроков истории советской индустриализации: 4; 5; 6; 7], убеждают, что неправомерно, непродуктивно абсолютизировать значимость, первостепенность какой-то методологической основы в ущерб другим.

А такая абсолютизация получилась, к сожалению, в последние два десятилетия с засильем в нашей стране *mainstream* неоклассики с её верой в саморегулируемость рынка как панацею от сегодняшних бед. Несмотря на то, что её позавчерашность, неадекватность к отражению современных экономических реалий убедительно показали ещё Джон Мейнард Кейнс и институционалисты различных разновидностей. Они резонно обосновали положение о том, что рыночное саморегулирование и совершенная, свободная конкуренция по Адаму Смиту – это удел домонополистического капитализма, относительно мелкого, несконцентрированного производства. Они логично сделали вывод, что для XX века неоклассические представления – это архаика, им просто уже не должно быть места, что теперь рынок может насаморегулировать до гибели социума и его экономики. Потому Кейнсом и выдвинуто требование государственного регулирования современной экономики. Потому и институционализм утверждает, что двигателем современной экономики является никакой не рынок, а совокупность таких, например, институтов, как государство, корпорации.

Правда, с позиции теоретической экономики, которая считает недостаточной адекватность в отражении экономических реалий всеми из существовавших и существующих научных школ, но при этом не отбрасывает их, а вбирает в себя, (конечно, к такому «вбиранию» не сводится суть новой концепции, иначе сомнительна была бы её новизна, но раскрытие соответствующего дополнения находится за пределами данной статьи), – неоклассика тоже не должна быть отброшена совсем, а просто определена на свое место. Например, ей с её принципом функциональных взаимозависимостей экономических величин просто не место, ей нечего делать в рассмотрении сущностно-содержательной стороны той или иной категории. А вот форму проявления, как показали, например, наши исследования, она в определенном смысле может отразить.

Конечно, в парах философских диалектических категорий: содержание и форма, сущность и явление – вовсе не форме и явлению принадлежит приоритет. Но категория-то должна в конечном итоге рассматриваться целостно, в единстве содержания и формы, сущности и явления. И тут на первое место, с позиции теоретической экономики, приоритет должен быть отдан методологии классической политэкономии и особенно её высшему проявлению в лице марксистской политэкономии с её принципом причинно-следственных связей, с выявлением объективных экономических закономерностей. Собственно, именно здесь, прежде всего здесь в полной мере может быть проявлена возможность главного метода экономической теории – метода научной абстракции.

Классическая политэкономия выступает методологической основой для исследования сущностно-содержательной стороны рассматриваемой категории. И при этом «вбирание» теоретической экономией различных методологических оснований, разумеется, по нашему представлению, не должно приводить к эклектике, к соединению несоединимого. Важно разнести различные методологические основания «по полочкам». Например, на главное место, на первую полочку поставить классическую политэкономия, как помощницу в раскрытии сущностно-содержательной стороны рассматриваемой категории. Например, наша попытка целостного исследования категории с приоритетом сущностно-содержательного аспекта в русле классической политэкономии сделана при рассмотрении столь актуальной и практически значимой темы, как осуществление новой индустриализации в РФ, возможность при этом использования опыта индустриализации в СССР в 1930-х годах [8]. Здесь исследование базируется на использовании методологии классической политэкономии для эндотерического изучения индустриализации

и методологии неоклассики и институционализма применительно к характеристике формы проявления рассматриваемой категории.

В результате установлены, обоснованы и применены следующие основные принципы исследования индустриализации: 1) детерминизм; 2) политэкономический взгляд на индустриализацию как конкретно-историческую форму развития производительных сил, вызывающего качественное изменение производственных отношений при смене общественно-экономических формаций и переходе от аграрной или аграрно-промышленной к промышленной или промышленно-аграрной экономике; 3) включение неоклассического взгляда на индустриализацию как на процесс формирования и развития рыночной экономической системы (применительно к западным странам периода промышленного переворота) или отступления от неё назад, перехода к административно-командной системе (в СССР); 4) признание институциональной точки зрения о том, что индустриализация является совокупностью действий соответствующих институтов, прежде всего государства и владельцев предприятий по превращению экономики в индустриальную; 5) признание наличия целого пучка функций индустриализации, отражающих её с разных сторон, и взаимосвязи между ними [8, с. 23-59].

В ходе и результате нашего исследования обосновано, что индустриализация выступает механизмом реализации объективных экономических законов, осуществляя следующие функции: 1) вызывает у субъектов стремление к участию в осуществлении индустриализации для реализации вполне осознаваемых ими целей; 2) стимулирует усиление эксплуатации (капиталистическая индустриализация) и трудовой состязательности (социалистическая индустриализация); 3) стимулирует владельцев предприятий к снижению издержек производства и повышению его эффективности; 4) обеспечивает достижение качественно нового, более высокого уровня развития производительных сил и производственных отношений; 5) повышает качество рабочей силы (при капиталистической индустриализации – в той мере, в какой способствует увеличению нормы прибыли владельцев предприятий), осуществляя целую культурную революцию (социалистическая индустриализация); 6) способствует укрупнению, концентрации производства, кооперации и сотрудничества, развитию планомерности.

Из проведенного системного анализа индустриализации как экономической категории вытекает вывод о недостаточности многих и даже большинства предложений, касающихся осуществления новой индустриализации РФ и имеющих в современной научно-экономической литературе: практически речь в них идет об улучшении лишь в рамках той же самой социально-экономической системы, тогда как системное, в первую очередь политэкономическое понимание индустриализации предполагает переход к качественно иной системе. Такой переход, считаем, должен характеризовать и новую индустриализацию РФ.

Таким образом, использование в русле теоретической экономики полиметодологического подхода, принципа дополнительности обеспечивает целостное рассмотрение категории индустриализации с выдвиганием на первое место классической политической экономики как методологической основы для исследования сущностно-содержательной стороны изучаемого объекта.

Как мы уже отмечали ранее [8, с. 23], если обратиться за определением содержания рассматриваемой категории к самому обстоятельному источнику советского периода – Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), – то там индустриализация (от лат. *industria* – усердие, деятельность) характеризуется как процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства и особенно в промышленности [9, с. 266]. При этом БСЭ подчеркивает, что индустриализация обеспечивает преобладание в экономике страны производства промышленной продукции, превращение аграрной или аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную или индустриальную [там же]. Сразу видно, отметим, что это определение

безукоризненно соответствует реалиям советской индустриализации 1930-х годов и плохо подходит к ситуации предстоящей новой индустриализации РФ, по крайней мере, требует серьезных оговорок, уточнений, а может, и вообще другой по своей сути формулировки.

Как мы отмечали ранее [8, с. 31], важным элементом определения, данного БСЭ, является различие капиталистической и социалистической индустриализации, остающееся актуальным и сегодня для характеристики их проведения в развитых странах Запада (капиталистическая индустриализация) и в СССР (социалистическая индустриализация). Правда, ни та, ни другая не подходят для характеристики новой индустриализации в РФ, поскольку к моменту издания БСЭ практически просто не было исторических, а тем более современных прецедентов деиндустриализации и, таким образом, необходимости затем осуществления новой индустриализации на основе прежде всего восстановления индустриального состояния, как получилось в РФ, то есть, как признается теперь даже представителями властных структур, реиндустриализации [см., например: 10, с. 3]. Справедливо, на наш взгляд, и учеными, например, ведущим научным сотрудником Института экономики РАН О. Сухаревым, предлагается в развитие парадигмы неоиндустриализации выделить в её рамках особый этап – этап реиндустриализации, который «явился бы мостиком, ведущим от нынешнего состояния деиндустриализации отечественной экономики к разворачиванию полноценной неоиндустриальной революции» [11, с. 6].

Когда же мы обращаемся к справочной литературе последних двух с половиной десятилетий [8, с. 31-33], то здесь уже не видим той обстоятельности в раскрытии категории «индустриализация», как в БСЭ. Так, в «Экономической энциклопедии» под редакцией Л.И. Абалкина [12] вообще нет специальной статьи «Индустриализация». Правда, на с. 494 данной энциклопедии имеется определение категории «общество индустриальное». Оно здесь характеризуется как стадия общественного развития, сформировавшаяся на базе так называемого промышленного переворота конца 18-го – начала 19-го века и воплощавшая тенденции технологического, экономического и социального прогресса вплоть до 60-х годов 20-го века. При этом в данном источнике общество индустриальное (или индустриальная цивилизация) противопоставляется как доиндустриальному, так и постиндустриальному обществу. Основа такого рода классификации исторического процесса, подчеркивают авторы энциклопедии, – это характер и уровень развития производительных сил, степень накопления знаний. Эволюция общества индустриального обусловлена, по мнению авторов, прежде всего развитием технологий. Становление индустриальной цивилизации, отмечается в данной энциклопедии, органически связано с утверждением капитализма, однако в дальнейшем она охватывала модели не только с разнообразной национальной, региональной и политической спецификой, но с различным социально-экономическим устройством. Следовательно, приведенное определение индустриального общества в «абалкинской» энциклопедии, в общем-то, на наш взгляд, не противоречит определению индустриализации в БСЭ ни в целом, ни в частности, только при этом абстрагируясь от излишней, по мнению авторов, идеологизированности.

Возьмем далее, к примеру, «Большую экономическую энциклопедию», изданную в «Эксмо» в 2007 году [13]. Здесь, как и в указанной ранее энциклопедии под редакцией академика Л.И. Абалкина, тоже не содержится специальной статьи «Индустриализация». Правда, на с. 247 этого издания дается определение категории «Индустриализация в развивающихся странах». Последняя характеризуется здесь авторами как явление постепенного перехода от аграрного к индустриальному обществу, другими словами, процесс образования крупного машинного производства с помощью новейших технологий. Источники средств для развития индустриализации, указывается в данной энциклопедии, – и внутренние ресурсы, и инвестиции капиталов из более развитых стран, кредиты. Авторы отмечают, что сроки и темпы развития в различных странах разные. Например, Великобритания превратилась в индустриальную страну в середине XIX века, Франция пополнила ряды индустриально развитых стран в начале 1920-х годов.

Весьма интересны идущие далее два предложения в рассматриваемом тексте, касающиеся нашей страны. Во-первых, констатируется: история России, по мнению авторов, доказывает, что здесь индустриализация успешно развивалась с конца XIX – начала XX века. Во-вторых, утверждается, что с конца 1920-х годов (после Октябрьской революции) в нашей стране процесс индустриализации осуществлялся в условиях тоталитарного режима насильственными методами, путем резкого сокращения уровня жизни большей части населения в результате эксплуатации. Вот это последнее утверждение авторов энциклопедии, на наш взгляд, резко контрастирует с формулировками БСЭ и вместо ухода от излишней идеологизированности, как мы показывали ранее [8, с. 32-33], не только впадает в идеологизированность ещё большей степени, но и грешит против известных исторических фактов. А разве не насильственными методами уничтожались тысячи крестьян в процессе так называемого «огораживания» на заре капиталистической индустриализации в Великобритании? И какими же показателями доказывается успешность индустриализации в нашей стране именно до 1917 года и её неуспешность в сталинские пятилетки, а также резкое сокращение уровня жизни большей части населения в результате эксплуатации именно в советский период? Ведь гибель миллионов русских крестьян от голода в 1890-е годы не представляется убедительным доказательством повышения уровня жизни по сравнению с советским периодом. Да и современные публикации о том, что обитатели сталинского ГУЛАГа питались куда лучше сегодняшнего абсолютного большинства российского населения [см., например: 14, а также нашу характеристику социально-экономического положения обитателей ГУЛАГа, которое на поверку оказалось куда благоприятнее, чем у среднего россиянина сегодня, – 8, с. 33-35], – ставят под сомнение утверждение авторов энциклопедии о резком сокращении уровня жизни населения страны в ходе и результате советской индустриализации. К тому же и поражения царской России в крымской войне 1843-1846 годов и русско-японской войне 1904-1905 годов, как мы уже отмечали [8, с. 35], тоже не доказывают успешности индустриализации в нашей стране только до Октябрьской революции.

Если же теперь возьмем «Краткую экономическую энциклопедию» под редакцией Г.С. Вечканова, изданную в Санкт-Петербурге [15], то там мы не обнаруживаем определения индустриализации не только прямого, но и косвенного, – вообще никакого, ни в каком виде! Напрашивается, как нам представляется, предположение, что из 1998 года издания этой книги авторам даже не приходило в голову иное понятие индустриализации, кроме факта её проведения в проклятом и отрицаемом ими советском прошлом, к которому не будет возврата впредь даже в политических декларациях! Ну, разве не политико-идеологическая заданность, на 180 градусов отвернувшаяся от научной объективности и обусловленная обожествлением либеральных мифов и мейнстрима неоклассики, довлеет над формулировкой предпоследней и отсутствием формулировки в последней из рассмотренных книг?!

Как видим, в исследовании сущности индустриализации немало остается ещё небесспорного, налицо, наряду с существенными достижениями, и проявления поверхностности и односторонности, приоритета идеологического подхода вопреки объективно научному. Поэтому для предотвращения таких проявлений поверхностности и односторонности нам и потребовался системный подход, предполагающий выбор соответствующих критериев для анализа имеющегося материала и его упорядочивания, соответствующей совокупности методов, соответствующей методологии исследования. Разумеется, при этом нам нельзя было игнорировать установившиеся в науковедении и проверенные практикой научных исследований представления о принципах, содержании и основных направлениях реализации системного подхода. Например, необходимость осуществления системно-структурного и системно-функционального анализа исследуемого предмета [16, с. 106-124 и с. 131-149]. Такой подход уже был использован одним из нас при анализе другой экономической категории [17, с. 114-121, с. 160-200], и мы сочли правомерным воспользоваться примененной тогда методологией и в данном исследовании индустриализации.

Полученная нами характеристика категории «индустриализация» с позиции системного, то есть структурно-содержательного и функционального анализа, позволила обратиться и к определению такой её модификации, как новая индустриализация Российской Федерации [8, с. 55-58]. Здесь, на наш взгляд, можно согласиться с определениями последней Ю.М. Осиповым [18, с. 283-288], руководителем лаборатории философии хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, директором Центра общественных наук. Он справедливо обращает внимание на диалектическую противоречивость таких определений неоиндустриализации: «... это, с одной стороны, продолжение индустриализации, а с другой – её отрицание. Полагание с отрицанием вместе, причем не только в плане сохранения всего, или почти всего, или просто многого из индустриального – как базиса (полагание), но и в плане дополнения уже старого индустриального качественно новым индустриальным, которое уже и не совсем индустриальное – не металлическое, не машинное, не тяжелое, не весомое, не видимое, а именно – химическое, биологическое, микромирное, счетно-информационное, автоматическое, вневременное, внепространственное, неземное (космическое), мегамирное, во многом уже внечеловеческое (вместочеловеческое)» [18, с. 284].

Отметив, что в последней четверти XX века высокоразвитые индустриальные страны стали определенно переходить у неоиндустриализму, Ю.М. Осипов замечает, что СССР свою масштабную неоиндустриализацию явно проморгал [18, с. 284-285]. Мы согласны с такой оценкой послесталинского советского периода (настаиваем: именно только послесталинского!). «В итоге страна, – справедливо, на наш взгляд, констатирует Ю.М. Осипов, – осталась без необходимого ей самостоятельного неоиндустриализма, а потом, уже в результате «реформы» 1990-х, и без многого индустриализма – как умершего по «указивке» сверху, так и не выдержавшего конкуренции извне – из-за рубежа. И что сегодня? А сегодня как раз перед страной стоит проблема самостоятельного (своего) неоиндустриализма, хотя бы ради безопасности страны» [18, с. 285].

Мы считаем правомерным согласиться и с характеристикой Ю.М. Осиповым некоторых особенностей предстоящей неоиндустриализации: «Сейчас важно не так оснащение общества индустриальной базой, хотя её качественное совершенствование и предполагается, как оснащение общества новой техно-технологической системой, качественно изменяющей весь образ бытия не только в сторону его интеллектуально-операционного усложнения, но и в сторону его экономии относительно природы и самого человека. Не безграничное расходование природы и человека, а их всестороннее сбережение – с параллельным преданием бытию экзистенциальной ответственности, поведенческой скромности и витальной меры» [18, с. 286]. И, наверное, самое главное в характеристике неоиндустриализма Ю.М. Осиповым – его предупреждение, что данный процесс представляет собой не только благость, но и страшную, смертельную опасность для человека и человечества [18, с. 286-287]. Поэтому мы полностью разделяем убеждение Ю.М. Осипова, что «... Неоиндустриальная политика не может не включать в себя не только стимулирование неоиндустриализма, но и контроль над ним ... всесторонне целостное регулирование со стороны ответственного за выживание человека регулирующего центра» [18, с. 287].

Конечно, немало ценного содержится и в других определениях неоиндустриализации, имеющих у других авторов. Так, по нашему мнению, представляет интерес формулировка, сделанная профессором Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Р. Кучуковым: «Неоиндустриальная модернизация как преобразовательный феномен есть комплексный процесс структурной перестройки и создания интегрированной экономики, производящей конкурентоспособную продукцию высоких переделов, в том числе науко- и технотемкие готовые изделия и их компоненты» [19, с. 17]. Считаем необходимым обратиться и к формулировке, которую дает член-корреспондент РАН, заместитель директора Института проблем рынка РАН В. Цветков: «В обществе нет ненужных индустриальных производств как таковых. Вот почему ученые и специалисты говорят о необходимости индустриализации, или неоиндустриальной

модернизации России» [20, с. 18]. Мы не возражаем против того, что поместилось внутри приведенных определений Р. Кучукова и В. Цветкова. Мы просто считаем этого, вместившегося туда, просто недостаточно, как, впрочем, и в определениях Ю.М. Осипова, что практически речь здесь идет об улучшении лишь в рамках той же самой социально-экономической системы, тогда как приведенное нами ранее политэкономическое понимание индустриализации предполагает переход к качественно иной системе. Такой переход, по нашему мнению, должен характеризовать и новую индустриализацию РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Классическая политэкономия как методология сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономии // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы Международной научной конференции / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2014. – 456с. – С. 23-25.
2. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как журнал и научное направление [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
3. Худокормов А. Г. Существуют ли законы истории экономической мысли? / А. Г. Худокормов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2005. – № 1. – С. 82 – 95.
4. Гордеев, В. А. Может ли «новая индустриализация» стать «вырывом к развитию»? / В. А. Гордеев // Постреформизм и развитие : монография / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М., 2013. – С. 81–86.
5. Гордеев, В. А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов? / В. А. Гордеев, А. А. Гордеев // Труды Вольного экономического общества России / науч. ред. Г. Попов ; отв. ред. М. Зеленова ; сост. И. Рожков. – М., 2012. – Т. 163. – С. 194–208.
6. Гордеев В.А. Модернизация хозяйства Российской Федерации: экономико-теоретический аспект [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
7. Гордеев В.А. Состязательная основа переориентации российского социума на мобилизационное развитие национальной экономики // Инновационное развитие экономики России: роль университетов: Третья международная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет; 21-24 апреля 2010 г. Сборник статей: Том 2 / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2010. – 480с. – С.35-39.
8. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: Монография / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231с.
9. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская Энциклопедия, 1972. – Т. 10 : Ива – Италики. – 592 с. : ил.
10. Матвиенко В. О новой индустриализации России/ В. Матвиенко / Экономист. – 2013. – №7. – С. 3-5.
11. Сухарев О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения/ О. Сухарев // Экономист. – 2013. – №3. – С. 6-12.
12. Экономическая энциклопедия / науч.-ред. совет изд-ва «Экономика», Ин-т экономики РАН ; [Е. И. Александрова и др.] ; гл. ред. Л. И. Абалкин [и др.]. – М. : Экономика, 1999. – 1055 с. :

13. Большая экономическая энциклопедия : БЭЭ : самое полное современное издание : более 7000 экономических терминов и понятий / [Т. П. Варламова и др.]. – М. : Эксмо, 2007. – 815 с. : ил., портр.
14. Жизнь заключенных в ГУЛАГе // Золотое кольцо. – 2013. – 21 августа. – С. 5.
15. Вечканов, Г. С. Краткая экономическая энциклопедия / Г. С. Вечканов, Г. Р. Вечканова, В. Т. Пуляев. – СПб. : Петрополис, 1998. – 508 с.
16. Афанасьев, В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1980. – 368 с.
17. Гордеев В.А. Конкуренция и её развитие: монография / В.А. Гордеев – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299с.
18. Осипов Ю.М. Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации/ Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2013. – №3. – 304с. – С. 283-288.
19. Кучуков Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора / Р. Кучуков // Экономист. – 2013. – №6. – С. 16-25.
20. Цветков В. Об отправной точке неоиндустриальной модернизации/ В. Цветков // Экономист. – 2010. – № 11. – С. 16-26.

МОДИФИКАЦИЯ КОНКУРЕНЦИИ В РФ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКОЙ ОТРАСЛИ)

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Кладова Анна Анатольевна

соискатель степени кандидата экономических наук. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: kladova.aa@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе политэкономической концепции конкуренции и ее развития рассматриваются сущность, субъектный состав банковской конкуренции в России и направления ее модификации в условиях экономических санкций зарубежных государств. Авторы делают вывод о том, что государство в лице подконтрольных ему банков, не состоящих между собой в антагонистических, конкурентных отношениях, выступает в качестве основного субъекта конкуренции в отечественном банковском секторе.

Ключевые слова: конкуренция; политэкономическая концепция конкуренции; банковский сектор; экономические санкции; подконтрольные государству банки

Код УДК: 339.137.2

Annotation. The article covers the essence, subjects and the trends of modification of bank competition in Russia and directions of its modifications under the economical sanctions of foreign countries. Authors come to the conclusion that the state, represented by the banks under its control, which are not antagonistically competitive with one another, is the major subject of competition in the banking sector of Russia. Authors conclude that bank competition's extinction is one of the trends of bank competition modification.

Keywords: competition; political economy concept of competition; banking sector; economical sanctions; state-controlled banks

Феномен конкуренции в течение многих веков был и по сей день остается предметом научного интереса представителей различных отраслей знания, ведущую роль среди которых, несомненно, играют посвященные данной тематике работы ученых-экономистов. При этом полнота взглядов на конкуренцию, глубина и всесторонность исследования ее как неотъемлемой части хозяйственной жизни росла и развивалась по мере расширения и усложнения самой конкуренции

и ее конкретно-исторических форм. Теория конкуренции прошла длинный путь от натурфилософских идей мыслителей Древней Греции и Древнего Рима о должных и недопустимых вариантах состязательности между рабовладельцами, а также о желательном и поощряемом соревновании между рабами [2], до постепенного расширения круга субъектов конкурентных отношений и включения конкуренции в состав рыночного механизма представителями классической политэкономии.

Колоссальный вклад в исследование конкуренции, не в последнюю очередь с точки зрения методологии, внесли основоположники марксистской политэкономии [15], несмотря на чрезмерный акцент их концепции на таких аспектах, как антагонистический характер конкуренции, ее исключительно ценовая форма и ряде иных. Формализованный и абстрактно-логический взгляд на конкуренцию и ее роль в рыночном механизме, а также на оказываемое ею влияние на издержки производства и на качество продукции предлагает неоклассическая теория [16], которая, впрочем, исключает учет конкретно-исторических форм проявления конкуренции, ее историчность и динамический характер.

Поистине незаменимой для современного понимания конкуренции, несмотря на абсолютизацию антагонизма классовых интересов и характера конкурентных отношений, является сформулированная в рамках ленинской теории материализма концепция диалектической взаимосвязи конкуренции и монополии в экономике, в рамках которой монополизм трактуется как закономерное следствие развития конкуренции.

В работах представителей кейнсианской и некейнсианской школ была обоснована необходимость включения конкуренции в спектр объектов государственного регулирования с целью сокращения масштабов свободной конкуренции в национальной экономике [9], что, однако, было сопряжено с выделением в основном отрицательных аспектов действия конкуренции в экономике и игнорированием ее положительных черт.

Сформулированная в 30-е гг. прошлого века ввиду серьезного несоответствия реально происходивших в экономике процессов существовавшим в науке того времени теоретическим построениям теория несовершенной конкуренции позволила в рамках дихотомии «конкуренция – монополия» выделить неценовые формы конкуренции, сформулировать понятие дифференциации товаров как фактора конкурентной борьбы и сместила угол зрения на несовершенный тип конкуренции как ее нормальное, естественное состояние [19]. Тем не менее, как и большинство прочих концепций конкуренции, теория несовершенной конкуренции игнорирует конкретно-исторический характер конкуренции и социальные аспекты данного явления как факторы его эволюции.

Исследования конкуренции в рамках относительно молодых по сравнению с прочими научными направлениями институционализма [4] и неоинституционализма [13], напротив, уделяют особое внимание единству исторического и логического в развитии конкуренции, отмечают «угасание» как тенденцию развития конкуренции в современной экономике, что, однако, сопряжено с довольно слабым уровнем формализации анализа и наделением крупных корпораций излишне значимой ролью в эволюции конкурентных отношений [5, с. 290-293].

Фундаментальной теорией, которой удалось, органично соединив в себе элементы политэкономического, неоклассического и институционального подходов, наиболее полно определить сущность, цели, субъекты, функции конкуренции, сформулировать ее соотношение с категориями «экономическое соревнование» и «трудовая состязательность», описать особенности эволюции конкуренции и обогатить экономическую теорию новым методологическим аппаратом исследования конкуренции и прогнозирования направлений ее эволюции, является созданная В.А. Гордеевым политэкономическая концепция конкуренции и ее развития. Указанная теория является

особенно значимой ввиду имеющих место в настоящее время стремительных перемен в мировом и национальном масштабах, неизбежно сказывающихся на состоянии и динамике конкурентных отношений как в экономике в целом, так и в отдельных ее секторах.

Один из секторов российской экономики, находящийся в данный момент под пристальным вниманием ученых-экономистов, как ввиду неоднозначной политики мегарегулятора отрасли, так и, в первую очередь, ввиду введенных в отношении данного сектора экономических санкций западных стран, – это сектор банковских услуг. Ядром ряда так называемых «пакетов» секторальных санкций в указанной сфере является обращенный, в первую очередь, к крупнейшим государственным банкам и их дочерним структурам запрет на средне- и долгосрочное привлечение нового долгового и акционерного капиталов, а также запрет для европейских и американских компаний на осуществление средне- и долгосрочных инвестиций в обязательства указанных банков. Очевидно, что столь резкое сокращение доступа к дешевой «длинной» ликвидности не может не сказаться на конкурентных качествах [1, с. 30] подвергнутых санкциям кредитных организаций и, следовательно, на состоянии конкуренции в российском банковском секторе в целом. В связи с этим исследование модификации банковской конкуренции в России в новых для отечественной экономики условиях представляется весьма актуальным.

Исследованию конкуренции на различных рынках банковских услуг в последние годы было посвящено значительное количество научных работ. Авторами большинства из них являются западные ученые, а объектами исследования – банковские отрасли развитых стран мира. Так, значительную научную ценность представляют работы Дж. Биккера [26], Х. Фернандеса де Гевары и Х. Маудоса [28], С. Клаессенса и Л. Левена [27] и ряда других ученых. Конкуренция на банковских рынках развивающихся стран и стран с переходной экономикой становится объектом внимания западных экономистов значительно реже. В частности, основными научными трудами по оценке банковской конкуренции в России являются исследование Д. Ансоатеги, М.-С. Мартинес-Перии и М. Мелецки [25], а также работы З. Фунгачовой, Л. Соланко и Л. Вейла [29].

Изучением сущности и особенностей конкуренции в банковском секторе России занимаются многие отечественные ученые, в том числе Г.Г. Коробова [12], С.Р. Моисеев [17], О.А. Рожкова [21], А.А. Хандруев [24], А.Ю. Роднина [20] и другие. Исследования А.В. Верникова затрагивают вопросы определения роли государственных банков в конкурентной борьбе на российском банковском рынке [5; 6]. Инструментальной оценке уровня конкуренции на российском рынке банковских услуг посвящены работы С. Дробышевского и С. Пащенко [8] и М.Е. Мамонова [14].

Опубликованные на данный момент исследования конкуренции в банковском секторе России, как правило, имеют неоклассическую теорию конкуренции в качестве своей методологической основы, отталкиваются от ряда весьма формализованных предпосылок (в частности, нахождения банковского сектора в состоянии устойчивого равновесия как условия допустимости оценивания конкуренции в нем) и фактически игнорируют конкретно-историческую специфику и особенности эволюции конкуренции в современной России. Последнее верно как для работ по оценке уровня банковской конкуренции в России на основе структурных показателей, так и для трудов на основе более сложных неструктурных моделей: конкретно-исторические и иные элементы «лица» отечественного банковского сектора чрезвычайно сложно подвергнуть формализации и включить в качестве переменной (даже фиктивной) в ту или иную производственную функцию. В этом смысле работы А.В. Верникова, исследующего банковскую конкуренцию на основе институционального подхода и уделяющего значительное внимание ее национально-исторической специфике, являются скорее исключением, нежели правилом.

Высоко оценивая вклад отечественных и зарубежных ученых в развитие данного направления исследования, отметим недостаточную проработанность рассматриваемой тематики на основе системного подхода, сочетающего в себе элементы политэкономической, неоклассической и

институциональной методологии и, тем самым, позволяющего наиболее полно определить сущность банковской конкуренции в России, ее субъектный состав и тенденции модификации.

Политэкономическая концепция конкуренции и ее развития рассматривает конкуренцию как производственное отношение, складывающееся в условиях рынка между хозяйствующими субъектами на основе их стремления к максимизации прибыли и проявляющееся в их преимущественно антагонистическом взаимодействии с целью занять наилучшее и устойчивое положение на рынке [7, с. 17]. Для того, чтобы на основе данного общего определения определить специфику банковской конкуренции в России, необходимо, во-первых, очертить круг ее субъектов.

Существующие в научной литературе взгляды на то, каких хозяйствующих субъектов следует относить к субъектам банковской конкуренции, можно разделить на два типа: узкий взгляд и широкий взгляд. Узкий взгляд на субъектов банковской конкуренции относит к ним оперирующие в рамках исследуемого сектора коммерческие банки, а саму конкуренцию, следовательно, считает исключительно межбанковской. Для широкого взгляда характерно в каком-то смысле межотраслевое видение банковской конкуренции, предполагающее отнесение к ее субъектам, помимо коммерческих банков, еще и иных финансовых институтов, оказывающих в той или степени сходные с банками услуги (микрофинансовых организаций, лизинговых компаний, небанковских кредитных организаций и т.д.). Полагаем, однако, что ни один из указанных взглядов не соответствует реальным конкурентным процессам, имеющим место в отечественном банковском секторе.

Многие ученые отмечают высокий уровень доли банков с государственным участием в совокупных активах банковского сектора России [20, с. 42]. Именно этот фактор должен быть, по нашему мнению, отправной точкой для осмысления сущности банковской конкуренции в России. Согласно оценке А.В. Верникова, к началу 2014 г. рыночная доля подконтрольных государству банков в активах российского банковского сектора приблизилась к 60% [5, с.14]. При этом к указанной категории банков ученый относит банки с прямым и косвенным участием государства в лице органов государственной власти и местного самоуправления или, иными словами, государственные банки и их дочерние и «внучатые» структуры (банки, чей капитал на 50% и более сформирован средствами государственного происхождения). Столь мощный масштаб присутствия государства в секторе, традиционно являющемся частным в развитых странах запада, вызван, в первую очередь, историческими причинами: сформированная в советское время на базе государственной монополии сеть банковских учреждений не могла одновременно преобразоваться в банковскую систему, представленную исключительно частным капиталом.

Отказ государства от монополии на банковскую деятельность и начало разгосударствления банковской системы в нашей стране произошли в 1988 г., когда по Закону «О кооперации в СССР» начали возникать банки, основанные частным капиталом. Вскоре появились и первые «коммерческие банки», преобразованные из региональных подразделений государственных спецбанков либо созданные на средства государственных предприятий, производственных объединений, отраслевых министерств и других организаций. На 1 апреля 1992 г. в России было 1414 банков, из которых 767 (55%) были созданы на базе бывших спецбанков. В тот период закон не позволял передать долю государственного имущества в банке в собственность частному лицу, поэтому метаморфозы происходили в рамках государственного сектора [6, с. 6].

Удельный вес государственного сектора, достигнув нижнего пика на уровне около 30% к 1998 году, после кризиса стал неуклонно возрастать. К началу 2006 года он составил примерно 44%, сравнявшись с долей частных банков, контролируемых национальным капиталом [6, с. 7]. Тем не менее, регулярно публикуемые мегарегулятором в течение многих лет официальные стратегические документы указывали и продолжают указывать снижение концентрации активов крупных банков, контролируемых государством, и повышение доли частных банков в качестве одного из параметров целевой модели развития банковского сектора [23].

В действительности же имеет место обратный процесс, что особенно явно проявилось в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Так, только с 2007 г. по 2010 г. доля контролируемых государством банков в совокупных активах сектора выросла на 10 п.п. [5, с. 14]. Логично предположить, что столь заметное изменение рыночной власти данной категории кредитных организаций в условиях объективного ухудшения макроэкономических параметров функционирования отечественной банковской отрасли должно иметь под собой серьезные основания. Полагаем, что систематический рост доли контролируемых государством банков на исследуемом рынке является фактическим отражением сущности банковской конкуренции в России и признаком направления ее дальнейшего развития.

В отличие от общего случая конкуренции, трактуемого политэкономической концепцией конкуренции как производственное отношение между хозяйствующими субъектами, конкуренция в банковском секторе России представляет собой производственное отношение между государством в лице контролируемых им банков, с одной стороны, и частными банками, контролируемыми национальным и/или иностранным капиталом, с другой стороны. При этом, по-нашему мнению, внутри «государственного блока» банков конкуренция, с точки зрения антагонистичности как ключевого ее признака, в принципе отсутствует. Наша позиция основывается, с одной стороны, на подходе, рассматривающем государство и его действия на банковском рынке через призму методологического индивидуализма и, следовательно, «в терминах индивидуального поведения» [10, с. 101]. С другой стороны, высказанная нами точка зрения находит формальное подтверждение в результатах оценки конкуренции внутри группы контролируемых государством банков, проведенной на основе неоклассической неструктурной методики Панзара-Росса [11, с. 190].

Если рассматривать блок контролируемых государством банков как олицетворение, воплощение государства на рынке банковских услуг, то становятся объяснимыми не только имеющие место процессы расширения его присутствия на данном рынке, но и мотивы такого расширения, а также круг инструментов обеспечения сохранения данного status quo. В частности, как и любому субъекту, государству присущ описанный еще Т. Вебленом инстинкт соперничества, лежащий, по мнению основоположника институционализма, в основе возникновения частной собственности и приобретающий, как правило, характер «денежного соперничества» [22, с. 132]. Движимое данным инстинктом государство стремится, с одной стороны, обеспечить максимизацию своей прибыли от присутствия на рынке банковских услуг (отметим, как на национальном, так и, в конечном счете, на международном), а с другой – добиться устойчивости своего положения на нем. Последняя цель приобретает особую актуальность в кризисные периоды, которые в последние годы происходят с завидной регулярностью.

Вполне естественно, таким образом, применение государством комплекса мер по оттеснению соперников от, в первую очередь, столь остро необходимых в последние годы дешевых ресурсов, а также по обеспечению максимально благоприятной конкурентной среды для контролируемых им банков. По нашему мнению, к мерам конкурентной борьбы государства на рынке банковских услуг может быть отнесено, в частности, следующее:

- госзаказы в форме привлечения банков к участию в национальных проектах и обслуживанию государственных организаций [5, с. 16];
- распределение в условиях кризиса направленной на поддержку банковского сектора ликвидности через контролируемые государством банки (в текущих планах государства – оказание «помощи» пострадавшим от экономических санкций 27 банкам, в том числе ВТБ, ВТБ24, Газпромбанку, Россельхозбанку, Банку Москвы и Промсвязьбанку, в размере 1 трлн. рублей);
- предоставление дешевого финансирования Банком России крупнейшим государственным

игрокам банковского рынка (так, по данным на 01.12.2014 г., 42,6% всех привлеченных банковским сектором от ЦБ РФ средств, или 9 трлн. рублей, приходится на Сбербанк России [18]);

- «зачистка» банковского сектора за пределами топ-20 банков, активно проводимая Банком России с лета 2013 г., которая не только привела к существенному уменьшению числа действующих в секторе кредитных организаций и, следовательно, росту уровня его концентрации, но и, что не менее важно, окончательно подорвала доверие населения к небольшим и средним частным банкам.

Безусловно, описанные выше меры – всего лишь часть комплекса действий государства по упрочению положения блока контролируемых им банков в текущей ситуации сжатия дешевой ликвидности. Следует отметить и немаловажный «побочный эффект» мер такого рода, проявляющийся в еще большем усилении веры населения, являющегося основным источником ресурсов российского банковского сектора в настоящее время, в надежность и незыблемость данной категории кредитных организаций. Указанная вера, пожалуй, является продолжением национальной особенности россиян – веры в «батюшку-царя» как одного из базовых институтов общества. Однако под влиянием целенаправленных действий государства по укреплению своего положения в банковском секторе значение наличия в структуре капитала того или иного банка доли государства достигло критического уровня: по состоянию на конец 2014 г. почти 70% потребителей главным критерием выбора банка для осуществления вклада называли наличие государственного участия [18]. Таким образом, в арсенале государства как субъекта банковской конкуренции не только и не столько ценовые методы конкурентной борьбы, сколько неценовой метод создания имиджа, «бренда» государственного банка как некоего знака качества, обуславливающего несомненную привлекательность соответствующего банка для потребителя.

Сформулированный нами ранее тезис об отсутствии внутри группы контролируемых государством банков конкуренции как таковой доказывается посредством разработанного в русле неоклассической теории неструктурного метода оценки уровня конкуренции, именуемого моделью Панзара-Росса. Определение типа рыночной структуры, которому соответствует фактическое состояние конкуренции в банковском секторе, в рамках описываемой модели осуществляется с помощью специального показателя – Н-статистики (N-statistic), представляющего собой сумму эластичностей банка по его трем индивидуальным факторным ценам: стоимости фондирования, стоимости труда и стоимости обеспечения деятельности банка. Расчет указанных эластичностей осуществляется путем оценки уравнения, выражающего функцию продукта (как правило, дохода) соответствующего банка. При этом отрицательные значения Н-статистики указывают на наличие на исследуемом рынке монополии или картеля, находящиеся в промежутке от нуля до единицы значения характеризуют структуру рынка как монополистическую конкуренцию, тогда как равный единице показатель указывает на совершенную конкуренцию либо естественную монополию, функционирующую на совершенно конкурентном рынке.

Эмпирическая оценка уровня банковской конкуренции методом Панзара-Росса, произведенная нами на основе выборки из двухсот банков, совокупные активы которых в 2013 г. составили 91,6% от активов российского банковского сектора, подтверждает наш тезис об отсутствии признака антагонистичности внутри государственного блока банков. Расчет Н-статистики для группы подконтрольных государству банков дал отрицательное значение данного показателя, равное -0,45 [11, с. 97]. Указанный результат позволяет охарактеризовать отношения между контролируемыми государством банками как форму монополистического соглашения – картель. Поскольку основной целью картеля является увеличение прибыли посредством устранения, ограничения и регламентации конкуренции внутри картельного объединения и подавления внешней конкуренции со стороны фирм, не участвующих в данном соглашении, речь о какой-либо антагонистичности в

производственных отношениях между рассматриваемыми банками идти не может. А значит, не может идти речь и о конкуренции в том значении, в котором ее понимает политэкономическая концепция конкуренции.

Таким образом, объединенные в рамках монополистического соглашения банки, контролируемые государством и его же усилиями включенные в данное соглашение, не конкурируют, а сотрудничают друг с другом, придерживаясь в целом единой политики и получая в большей или меньшей степени выгоду от описанных выше мер конкурентной борьбы государства на банковском рынке. И, следовательно, указанные банки могут рассматриваться в качестве воплощения государства как единого субъекта конкуренции, находящегося в антагонистических производственных отношениях по поводу максимизации прибыли и упрочения своей рыночной позиции с прочими субъектами банковской конкуренции.

К прочим субъектам банковской конкуренции в России по признаку собственника мы относим контролируемые национальным и иностранным частными капиталами кредитные организации, которые, с одной стороны, находятся в состоянии конкуренции с другими банками внутри своей категории, а с другой – конкурируют и с банками остальных категорий.

Изменения, фактически происходящие в отечественном банковском секторе в последние годы, отражают и выявленную политэкономической концепцией конкуренции особенность развития конкуренции в постиндустриальном обществе: диалектическое взаимодействие присущих ей тенденций угасания и обострения. Угасание конкуренции на рынке банковских услуг России наиболее явно проявляется в динамике числа действующих в стране кредитных организаций, а также в динамике показателей концентрации банковского рынка, к которым Банк России традиционно относит долю крупнейших пяти и двухсот банков в активах и капитале сектора (CR_5 и CR_{200}). График изменения количества банков в РФ в 2001-2014 гг., составленный авторами по данным Банка России [3], представлен на рис.1.

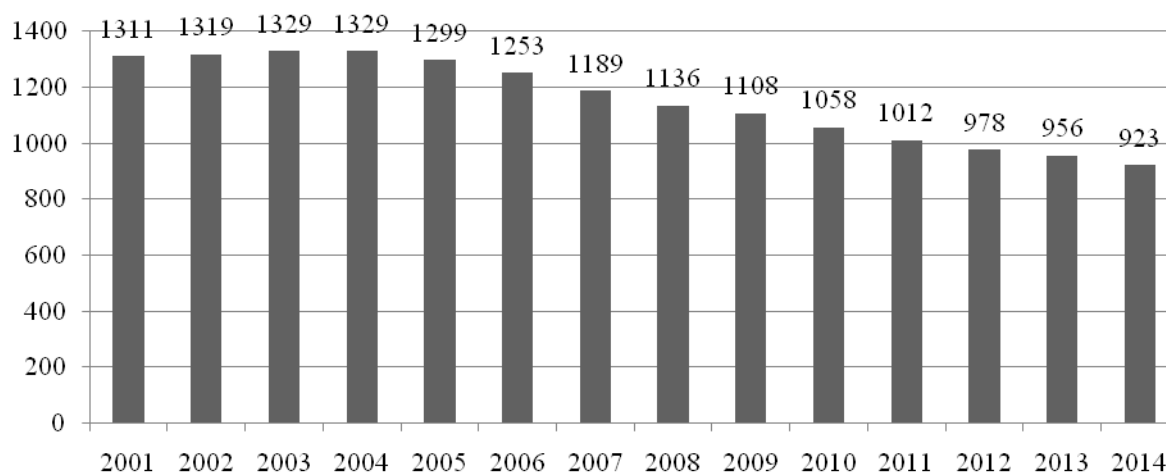

Рис. 1. Динамика числа действующих в России кредитных организаций в 2001-2014 гг.

Источник: данные Банка России [3]

Как следует из представленных на рис.1 данных, начиная с 2005 г. количество субъектов банковской конкуренции в России систематически снижается. Данный процесс естественным

образом связан с процессом нарастания концентрации исследуемого сектора. График изменения индексов CR₅ и CR₂₀₀ в 2003-2013 гг., составленный авторами на основе данных Банка России [3], приведен на рис. 2.

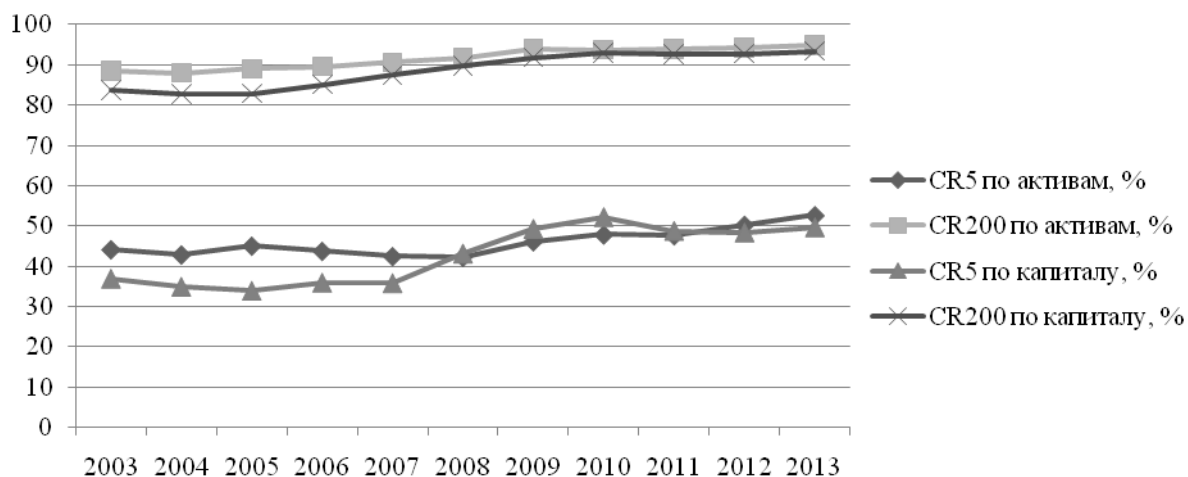

Рис. 2. Динамика числа действующих в России кредитных организаций в 2001-2014 гг.

Источник: данные Банка России [3]

Представленные на рис. 2 данные свидетельствуют о планомерном росте концентрации российского рынка банковских услуг как по активам, так и по капиталу в течение более чем десяти лет. При этом за указанный период уровень концентрации по капиталу вырос в большей степени, нежели по активам. По состоянию на 2014 г. пяти крупнейшим банкам страны, все из которых входят в «государственный блок», принадлежало 52,7% активов и 49,7% капитала отечественного банковского сектора. Двумстам крупнейшим банкам на ту же дату принадлежало 94,9% активов и 93,4% капитала сектора. Иными словами, на долю 79% всех действующих в стране кредитных организаций оставалось около 5% активов и капитала отрасли.

Совокупность не прекращающегося в течение уже полутора лет процесса «зачистки» сектора от ненадежных, с точки зрения мегарегулятора, банков, иных предпринимаемых государством мер по поддержке своего блока банков и сложности выживания не опекаемых государством банков в условиях чрезвычайно высокой волатильности и сжатия доступной ликвидности в еще большей степени обостряют антагонистическую состязательность пока еще остающихся на рынке иностранных и отечественных частных кредитных организаций. Именно это направление развития конкуренции на исследуемом рынке может быть истолковано как обострение на фоне общего ее угасания. Важно отметить, однако, что столь непростая ситуация в конечном итоге является скорее преимуществом для государства применительно к банковскому сектору, поскольку по итогам обостренной борьбы часть нынешних конкурентов будет вытеснена с рынка, обеспечив тем самым рост влияния на нем банков из государственного блока. Банковская конкуренция, таким образом, выйдет на новый виток спирали угасания.

Столь чрезвычайная концентрированность банковского сектора России, по нашему мнению, обязательно должна учитываться при исследовании сущности и уровня конкуренции в нем. На эту концентрированность должна «делаться поправка» при интерпретации численных значений структурных и неструктурных показателей конкуренции, шкалы оценки которых, во-первых, не

поставлены в зависимость от конкретно-исторических и институциональных особенностей оцениваемого рынка, а с другой – не отличаются отраслевой спецификой. Так, например, значение индекса CR_5 , равное 52,7%, с точки зрения неоклассической теории, указывает на монополистическую конкуренцию как структуру исследуемого рынка вне зависимости от того, какой именно рынок и в какой стране подвергается анализу. Полагаем, однако, что применительно к российскому банковскому сектору, отличающемуся изначально высокой концентрацией, рост которой продолжается, данный показатель указывает, как минимум, на слабую олигополию.

Заключительный аспект сущности банковской конкуренции в России, который следует осветить в настоящей статье, это ее цели, а если точнее, то цели участия государства в банковской конкуренции в качестве одного (главного) ее субъекта. Объяснение деятельности государства в сфере банковской конкуренции в нашей стране, как мы считаем, основывается на отмеченной еще Аристотелем закономерности, согласно которой некоторые государства, находясь в стесненном финансовом положении, заводят монополию на те или иные товары [7, с. 27]. Действительно, для экономики, превратившейся в сырьевой придаток, не имеющей ни собственной независимой финансовой базы, ни полноценного реального сектора, критически важно иметь надежный внутренний источник бесперебойного финансирования «кровеносной системы» экономических процессов – банковского сектора. Очевидно, что в реалиях второй половины 2000-х гг. и современной действительности государство просто не может себе позволить рисковать, во-первых, устойчивостью контролируемых им банков на национальном и международном финансовых рынках, а во-вторых – экономическим эффектом, который прямо или косвенно приносит власти участие в капитале данных банков.

Основной современной тенденцией модификации конкуренции в банковском секторе России является движение к монопольной структуре рынка. Монополистом на нем, однако, будет не один (пусть и самый крупный) государственный банк, а блок подконтрольных государству банков, выступающих как единый хозяйствующий субъект. Таким образом, налицо процесс формирования монополии вторым из описанных Ф. Энгельсом способов [7, с. 71]: ее формирование как результат государственного протекционизма, ограждающего ее как от иностранных, так и от национальных частных конкурентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев У.Ж. Понятийно-категориальный строй общей теории конкуренции [Текст] / У.Ж. Алиев, Ж.Е. Шимшиков // М74 Модификация современной конкуренции в зеркале теоретической экономики : Сборник статей международной научной конференции в ЯГТУ 24.10.2013 / Под научной редакцией В.А. Гордеева и др. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – С. 26 – 37.
2. Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса [Текст] / Андрей Владимирович Аникин. – М., Политиздат, 1975. – 384 с.
3. Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbr.ru>. – Дата доступа: 20.02.2015.
4. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Торстейн Веблен; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
5. Верников А. В. Структурно-институциональное сходство банковских систем России и Китая [Текст]: препринт WP1/2014/04 / Андрей Владимирович Верников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 53 с.

6. Верников А. В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе [Текст] : научный доклад / Андрей Владимирович Верников. – М., 2007. – 52 с.
7. Гордеев В.А. Конкуренция и ее развитие [Текст]: Монография / Валерий Александрович Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299 с.
8. Дробышевский С., Пашенко, С. Анализ конкуренции в российском банковском секторе [Текст] / Сергей Михайлович Дробышевский, Светлана Александровна Пашенко. – М.: ИЭПП, 2006. – 130 с.
9. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег [Текст]: пер. с англ. / Дж. М. Кейнс – М.: Прогресс, 1978. – 352 с.
10. Кирдина С.Г. Преодолевая ограничения методологического индивидуализма [Текст] / С.Г. Кирдина // Журнал экономической теории. – 2013. – №4. – С. 100-110.
11. Кладова А.А. Об особенностях неструктурной оценки банковской конкуренции в России [Текст] / А.А. Кладова // Маркетинг и финансы. – 2013. – №3(03). – С. 184-199.
12. Коробова Г.Г. Банковская культура как фактор развития банковской конкуренции [Текст] / Г.Г. Коробова // Банковские услуги. – 2012. – № 2. – С. 12–23.
13. Коуз Р. Фирма, рынок и право [Текст] / Рональд Коуз; пер. с англ. Б. Пинскера – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.
14. Мамонов М.Е. Неструктурный подход к оценке уровня конкуренции в российском банковском секторе [Текст] / М.Е. Мамонов // Банковское дело. – 2010. – №11. – С. 17-24.
15. Маркс К. Капитал [Текст] : критика полит. экономии / Карл Маркс. – М. : Политиздат, 1978 – Т. 2, кн. 2 : Процесс обращения капитала / ред. Ф. Энгельс. – 1978. – 648 с.
16. Маршалл А. Принципы экономической науки [Текст] / Альфред Маршалл; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 310 с.
17. Моисеев С.Р. Реалии монополистической конкуренции в российском банковском секторе [Текст] / С.Р. Моисеев // Отраслевая конкуренция: банковский сектор. – 2006. – №1 (1). – С. 94-108.
18. Мордорян Т. По сигналу от ЦБ [Текст] / Т. Мордорян. – Газета.ру. –2014. – 25 декабря.
19. Робинсон Дж. Б. Экономическая теория несовершенной конкуренции [Текст] / Дж. Б. Робинсон. – М.: Прогресс, 1986. –
20. Роднина А.Ю. Факторы конкуренции на российском рынке банковских услуг: региональный аспект [Текст] / А.Ю. Роднина // Теоретическая экономика. – 2014. – №1. – С. 40-47.
21. Рожкова О.А. Анализ показателей конкуренции банковского рынка Самарской области [Текст] / О.А. Рожкова // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. – 2012. – № 11 (97). – С. 91-96.
22. Розмаинский И.В. Институционализм [Текст] / И.В. Розмаинский // Журнал институциональных исследований. – 2010. – №4. – С. 130-144.
23. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/archive_ffms/ru/press/russia2020/strategy2020/index.html. – Дата доступа: 15.02.2015.
24. Хандруев А.А. Конкуренция в банковской отрасли: тенденции, проблемы, прогнозы [Текст] / А.А. Хандруев, А.А. Чумаченко // Банковское дело. – 2010. – № 11. – С. 6–12.

25. Anzoategui Diego; Martinez Peria, Maria Soledad; Melecky, Martin. Banking Sector Competition in Russia : Policy Research Working Paper №5449 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.worldbank.org/docserver/download/5449.pdf?expires=1320580588&id=id&accnaac=guest&checksum=45489DD76282B83C5649D28A299AA3AE>. – Дата доступа: 15.02.2015
26. Bikker Jacob A.; Naaf, Katharina. Measures of Competition and Concentration in the Banking Industry: A Review of the Literature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dnb.nl/en/binaries/Measures%20of%20Competition_tcm47-145799.pdf. – Дата доступа: 15.02.2015
27. Claessens Stijn; Laeven, Luc. What Drives Bank Competition? Some International Evidence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?Abstract_id=509605. – Дата доступа: 15.02.2015
28. Fernandez de Guevara, Juan; Maudos, Joaquin. Banking Competition and Economic Growth: Cross-Country Evidence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/15254/>. – Дата доступа: 15.02.2015
29. Fungáčová Zuzana; Solanko, Laura; Weill, Laurent. Market Power in the Russian Banking Industry: BOFIT Discussion Paper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1578247. – Дата доступа: 15.02.2015

ИССЛЕДОВАНИЕ РЫНКА КАК КУЛЬТУРЫ НА ОСНОВЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СОЦИОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ В РАМКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Мурзина Светлана Михайловна

кандидат педагогических наук, магистрант. Южный федеральный университет, кафедра экономической теории.
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: merciana@inbox.ru

Аннотация. Статья рассматривает культурологические и социологические аспекты трансформации социальных отношений культуры и рынка в начале XXI века. Исследование рынка осуществляется с точки зрения социологических и культурологических дискурсов. Анализируется рынок как культура на основе взаимного понимания, которое возникает из взаимодействия, а затем институционализируется. Рынок рассматривается как универсальный регулятор многих социальных процессов. Упорядочение осуществляется по средствам определенных норм и правил. Сфера культуры анализируется как трехуровневый потребитель информационного рынка. Используются следующие методологические подходы к исследованию перспективных форм взаимодействия социальных институтов в современном мире: полисистемный, маркетинговый, коэволюционный.

Ключевые слова: рынок; культура; культура бизнеса; акторы; диалог социальных институтов; отношения

Код УДК: 330.88

Annotation. Present article considers cultural social aspects of market relationship transformation in the XXI century. Market research is performed from the point of view of economic, social and cultural discourses. The market is being analyzed as a culture based on mutual understandings that arise from the interaction and then being institutionalized. The market is examined as a universal regulator of many social processes. The cultural sphere is analyzed as three-level consumer of informational market. It offers new methods of research approaches (marketing, polysystemic and coevolutional) as well as a dialog like a modern social interaction tool.

Keywords: market and culture; business culture; actor; dialogue of social institutes; relations

Современная мировая экономическая наука на основе междисциплинарности, философии хозяйства, информационно-матричных технологий и стратегирования, как сквозного культурно-философско-хозяйственно метода, совершенно справедливо определила, что социокультурно-экономические отношения выступают предметом экономического анализа. Не вдаваясь в тонкости определений сущности современного рынка и рыночных отношений, так как это не является предметом нашего исследования, мы исходим из общего положения о том, что рыночные отношения сегодня пронизывают все стороны жизни общества: сферы материального и нематериального производства, социальных отношений, сферу духовной жизни. В таком контексте культуру как отрасль профессиональной деятельности правомочно оценивать в рыночных категориях. Следует заметить, что не все авторы согласны рассматривать культуру с рыночных

позиций [3]. Продукты и услуги этой сферы приобретают статус товара, их производство регулируется спросом и предложением, возникает целая технологическая цепочка, сопровождающая жизненный цикл культурного продукта от возникновения идеи до ее рыночного воплощения, развиваются различные маркетинговые механизмы. С другой стороны, рынок, являясь частью социокультурного процесса общества, может рассматриваться как феномен культуры.

Мы исходим из определения культуры как сотворенной человеком материальной и духовной среды его обитания, как совокупности способов и результатов освоения и преобразования природы, общества и самого человека. Важным для нашего исследования представляется вывод В.И.Курбатова о необходимости выделения в культуре как процессе двух относительно самостоятельных пластов, выполняющих специфические функции в общей динамике культурной системы: институционального и не институционального [7].

Труды теоретиков институционализма позволяют нам сегодня изучать рынки, выходя за рамки строгой экономической теории, помогают понять механизмы взаимодействия субъектов современных российских рынков. Институционалист Дж.К. Гэлбрейт, нобелевский лауреат, утверждал, что динамику современной экономики определяет вовсе не рынок, а институты, что рынок остался в XIX веке. Т. Веблен в свое время обратил внимание на то, что общественное развитие происходит на основе смены социальных институтов. Каждый институт формируется, в данном случае речь о рынке, на основе обычаев, традиций и служит удовлетворению интересов определенной социальной группы. Д. Коммонс при анализе экономики делал акцент на коллективном характере действий институтов. Отсюда следует, что рынок представляет собой коллективное действие через обычаи, которые трансформируются в результате изменений экономических условий.

Сегодня экономические процессы можно рассматривать через фундаментальную дихотомию социальных трендов как уникального явления. С одной стороны, исследуется тенденция сглаживания социальных оппозиций в ходе инновационных цивилизационных трендов (глобализации экономики, глобализации культуры и т.д.). С другой, отмечается усиление кризисов, вследствие усложнения и углубления противоречий, что заключается во взаимном проникновении феноменов, несовместимых друг с другом в предыдущие периоды социального развития. Главным объектом изучения становятся правила, которыми руководствуются основные участники рынков.

В экономико-социологическом и культурологическом аспектах деятельность хозяйствующих субъектов разного уровня выглядит как форма устойчивого объединения людей, преследующих некие групповые цели и удовлетворяющих связанные с их коллективным или индивидуальным существованием интересы и потребности, что обеспечивается относительно стабильным уровнем упорядоченности в структурном построении, разделении функций и согласованности их действий. Такого рода упорядоченность в формах сосуществования и коллективной жизнедеятельности людей детерминируется не только сходством их социально значимых целей, интересов и потребностей прагматического характера, но и близостью (или единством) их наиболее важных ценностных установок, элементов социального опыта, миропредставлений, образов самоидентификации, идеологии.

Как справедливо отмечено в исследованиях В.А. Гордеева, В.И. Корнякова, Г.А. Родиной, Т.Н. Юдиной, социокультурные отношения сегодня стали предметом экономического анализа. Особую актуальность в контексте нашего исследования приобретает концептуальное обоснование В.А. Гордеевым объективного взаимодействия в динамике современной конкуренции двух противоположных сторон: соперничества и сотрудничества [5, 6].

Логическим дополнением к концепциям В.А. Гордеева выступает исследование Г.А. Родиной процессов трансформации современной экономики на основе информационно-коммуникационных

технологий, специфики отношений собственности, изменения традиционных и формирования новых факторов производства в условиях новой экономики [11]. Несомненный интерес представляет исследование Т.Н. Юдиной, основанное на сравнительном обобщении опыта социально-экономического развития России и Китая и ее вывод о знаковом влиянии культуры и идеологии как главных элементов «мягкой силы» (не только в политике, международных отношениях, но и в экономике) на долгосрочные экономические процессы, на модернизацию хозяйства и экономики [12].

В свою очередь, в культурологических дискурсах ведущие направления исследования рыночных отношений сосредоточены на традициях рыночных действий, потребительской культуре и разработки теории «общества потребления». Квинтэссенция основного массива исследований рынка в культурологических дискурсах наиболее ярко выражена в работах Т. Адорно и его последователей по франкфуртской школе, которые посвящены тлетворному влиянию рынка на культуру [4].

Рыночные отношения как феномены культуры – многоплановая, многоаспектная, междисциплинарная проблема, решение которой, на наш взгляд, возможно только при комплексном использовании инструментария экономической теории, социологии и культурологии.

Особое место в исследовании рынков в контексте культуры занимают труды М. Аболафии. Он определил основные области исследования рынков как культур. Это исследование конструктивных правил и ролей, локальной рациональности и динамики власти и изменений. Несмотря на этнографический аспект исследования, труд М. Аболафия дает базовое понимание сути рыночных взаимодействий как феноменов культуры. По его мнению, субъекты рынков социально укоренены в сетях важных общественных отношений и культурно укоренены в смысловой системе норм, правил и когнитивных сценариев [13]. Трансакция, по мнению М. Аболафии, в условиях рынка отражает, наряду с экономическими, социальные и культурные силы, которые ее формируют [1].

Как отметил в своих трудах В.В. Радаев, сегодня в экономической социологии наиболее продуктивно выглядят структурный и социокультурный подходы. Он же, опираясь на Д. Норта, выявил парадокс исследования современных рынков: рынок является одной из центральных категорий экономической теории, но при этом в ней ощущается явный дефицит субстантивного анализа реальных рынков [9].

Дискурс рыночных отношений в сфере культуры концентрируется на роли культуры как поставщика. Такой подход определяет следующие исследовательские проблемы: соотношение конъюнктурной и «подлинной» культуры, рыночные отношения в сфере культуры как фактор социальной дезинтеграции и социализационных барьеров, глобальный рынок как инструмент нивелирования национальных культур, снижение развивающего и социально-педагогического эффекта вследствие интеграции рыночных отношений в сферу культуры, «кризис культуры» как следствие коммерциализации сферы культуры и т.д. [10].

Основные цепочки, исследуемые в данном контексте, могут быть представлены следующим образом. Культура – это не только производство духовных ценностей. Важны социальные последствия культурных преобразований: в обществе меняются критерии и нравственные установки, система ценностей, позволяющих оценивать результаты деятельности в области культуры. Осознание этих перемен – важнейшая задача культурологов.

Российское общество за последние 20 лет эволюционировало в нравственных оценках от безоговорочного порицания богатства, капитала к поощрению стремления зарабатывать, ориентации на идеалы общества потребления, формированию среднего класса. Причем наши люди узнали на примере своей недавней истории, что идеализация западного образа жизни и представлений о капиталистическом обществе, как о «рае на земле», чрезвычайно опасна и

далека от реальности, а некоторые образцы западной жизни и вовсе неприемлемы для российской почвы. Иллюзии развеялись, но остался опыт, позволяющий оценивать «негатив» и «позитив», намечать новые точки роста, новые траектории взаимодействия культуры и рынка.

Анализ рынка как культуры предполагает наличие особенного взаимного понимания. Это понимание возникает из взаимодействия, а затем институционализируется [4]. Оно трансформируется в ресурсы, которые усиливают способность к действию участников рынка. Отсюда следует, что их действия являются олицетворением различных рыночных культур, подчиняющихся внутренним и внешним воздействиям. А сами участники построили универсальные модели социально-поведенческой идентичности.

Современный этап развития экономики отличается все большей субъективацией (подконтрольностью) стоимости, переходом от рынка реальных товаров к рынку прав и «смыслознаков». Становление внутреннего российского рынка связано с катализацией изменений в поведении экономических агентов и становлением новой национальной хозяйственной системы [8].

Исследование рынка как культуры также раскрывает различные правила и роли, при помощи которых участники проектируют свои рынки. Например, правило единой цены – когда на рынке устанавливается единая цена на одни и те же товары. Это считается справедливым, и осуждаются те рынки, где данное правило не действует. Правила и роли меняются, так как попытки доминирующих на данном рынке акторов сформировать и проконтролировать свою среду испытывают сопротивление со стороны рыночной культуры.

Рынок выступает универсальным регулятором многих социальных процессов, в том числе и процессов культурного развития. Однако амбивалентность стихийных рыночных процессов, проявляясь в нарушении равновесия ряда социокультурных систем и структур, предопределяет поиск культурных механизмов регулирования рынка, которые, с одной стороны, позволяют сохранять суверенность и свободу развития общества, а с другой – обеспечивать совместимость рынка с социальной миссией и функциями сферы культуры.

Одним из таких регуляторов выступает культура бизнеса. Культура современного российского бизнеса самобытна и в своем развитии прошла два этапа. Для первого этапа были характерны ориентация на традиции предпринимательства дореволюционной России и копирование зарубежных образцов. На втором этапе, когда Россия приобрела собственный опыт, начали формироваться самобытные представления, появились отечественные образцы для подражания, сложилась система ценностей и норм поведения – словом, то, что входит в понятие ментальности. Этот процесс базируется на критической оценке зарубежного опыта, инновациях, основанных на применении современных технологий, достижениях науки, а также учете российских особенностей [2].

Культура отечественного бизнеса неоднородна. Можно выделить несколько качественно различных сегментов: например, элитарная культура, культура среднего бизнеса, культура малого предпринимательства. Изучение особенностей этих сегментов имеет не только академический интерес, но и поле для практического применения (например, в государственном управлении, в бизнес-консалтинге, в подготовке кадров и т.д.).

Следует обратить особое внимание на эвристичность применения маркетингового подхода для анализа взаимодействия сферы культуры и рынка, что предполагает восхождение от прикладных, менеджериальных или коммерческих предпринимательских уровней маркетинга к его социологической и социально-экономической трактовке. Маркетинговый подход позволяет исследовать данное явление, базируясь на выявлении ролевых цепочек «поставщик – потребитель», которые выступают базовыми категориями маркетинга, и помогает выявить огромное разнообразие этих цепочек, содержания отношений и связей, ролевых ожиданий и ролевых конфликтов внутри них. Маркетинговый подход предполагает рассмотрение сферы культуры как потребителя

различных фрагментов рыночной среды, «поставляющей» ей широкий спектр «товаров»: от материальных феноменов до идеологии. Именно в этом русле – *реверсивности социально-ролевой цепочки «поставщик – потребитель»* – рассматривается взаимодействие сферы культуры и рынка.

Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что развитие современного российского капитализма происходит в условиях глобальной информатизации. В конце первого десятилетия XXI века характер и перспективы информатизации прослеживаются гораздо более отчетливо, что позволяет утверждать: онтологический статус информатизации – социальный. Информатизация – это не характеристика очередного этапа научно-технического прогресса, это даже не характеристика развития какой-либо сферы социальной практики (например, сферы культуры), анализом которой обосновывают новые качества информационного общества.

Информатизация – это процесс трансформации общества вследствие усиления социально преобразующей роли информационного комплекса, его фронтального проникновения на все уровни общества. На первый взгляд, сфера информационных технологий и сфера культуры по отношению друг другу – «чужеродные виды», а их взаимодействие в рамках единого фрагмента социального пространства может трактоваться как несвойственное для сферы культуры, искусственно имплантированное в современные социальные практики. Такое понимание служит основанием для формирования дискурса интервенции информационного рынка в сферу культуры, следствиями которой прогнозируются существенные изменения сложившихся структур и устоявшихся процессов культурного развития, а также разрушение разнообразия социокультурной феноменологии вследствие смены приоритетов и снижения социальной значимости ряда явлений.

Анализ современных теоретико-методологических исследований демонстрирует изобилие вариаций этих идей, которые объединяются единым подходом к информатизации культуры как социальной интродукции – подходом, существенно влияющим на теорию и практику. Информатизация культуры сегодня становится предметом как фундаментальных научных исследований в русле наук социально-информационного цикла, социологии и культурологии, так и проектных разработок, обмена опытом и программ государственного регулирования [14, 15].

Технико-технологические возможности позволяют передавать культурные концепты в виде информации всем членам общества в равной мере, практически преодолевая все мыслимые барьеры. Это делает общество равным в возможностях получения информации, но и равнозависимым от тех, кто располагает информацией. Информационная зависимость делает общество более управляемым и подверженным несанкционированному влиянию.

Исследования сегодняшних многоуровневых ориентиров информатизации культуры показывают, как информационный рынок выступает важнейшим институтом информатизации общества и, соответственно, информатизации культуры и формирования информационной культуры общества как одной из интереснейших культурных тенденций современного мира. Изучение диффузии новаций информационно-коммуникационных технологий в традиционные структуры сферы культуры предполагает необходимость обращения к полисистемному подходу. Рассмотрение информатизации культуры осуществляется через полисистемный подход, путем расчленения социальных систем на макро, мезо и микроуровни.

Сфера культуры как *трехуровневый потребитель* информационного рынка определяет:

- на макроуровне: взаимодействие культуры и информационного рынка как социальных институтов в условиях информатизации; телеологическую совместимость процессов информатизации и культурного развития; коэволюцию и когерентность глобального и национального информационных рынков в удовлетворении потребностей информатизации культуры; тенденцию к усилению зависимости информационного рынка (поставщика) от сферы культуры (потребителя) как фактора стратегических инициатив новой

направленности; формирование и формализацию «социального заказа» как специфического формата взаимодействия сферы культуры и информационного рынка; информационную культуру общества как основного фактора, влияющего на потребительское поведение на макроуровне; государственную культурную и информационную политику, концепцию «социального государства» как рыночных факторов; инертность культурологии и теории социально-культурной деятельности в формировании наукоемких технологий информатизации культуры;

- **на мезоуровне:** разнообразие IT стратегий учреждений культуры как моделей потребительской активности на информационном рынке; динамику цепочек поставки вследствие полиакторности инициатив и изменения роли государства; суверенизацию информационного менеджмента как специфической функции учреждений культуры; «развитие товара» как стратегии развития информационного рынка в сегменте сферы культуры; маркетинговый эффект консалтинговых и инжиниринговых технологий; усиление влияния конечного потребителя (потребителя микроуровня) на содержание взаимодействия потребителя и поставщика мезоуровня; интенсивность конкуренции поставщиков учреждений культуры; тенденцию к формализации механизмов выбора и поставки товаров и услуг для учреждений культуры государственного финансирования;
- **на микроуровне:** изменение стиля потребительского поведения в сфере культуры; виртуализацию социально-культурной деятельности как фактора логистических изменений; конвергенцию творческой инициативы, определяющей взаимодействия поставщика и потребителя; социальную инициативу и социальный альтруизм как факторов конкурентной среды; усиление позиций «домашнего» сектора информационного рынка в сфере культуры; тенденцию к снижению зависимости от поставщиков отдельных категорий информационных товаров и услуг; интеграцию педагогических технологий в маркетинговые коммуникации; появление барьеров взаимодействия с потребителями, которые обусловлены специфическими особенностями представительства в виртуальной среде.

В рамках этих уровней информатизация позволяет выявить огромное разнообразие этих цепочек, содержание отношений и связей, ролевых ожиданий и ролевых конфликтов внутри них. И это не просто упрощенный взгляд на поставщика как продавца технических средств; в роли поставщика новаций выступают и наука, и институты технического творчества, и деятельные социальные субъекты. Примеров таких цепочек огромное множество. Информационные технологии способствуют обогащению коммуникативного пространства многообразием смыслов.

Специфика маркетингового подхода к регулированию информатизации культуры заключается в «мягком» характере данного регулирования, который предполагает – в рамках социального маркетинга – цепочку от познавательных (когнитивных) изменений к изменениям конкретных действий, далее к изменению поведения и, наконец, к ценностным изменениям; и на уровне коммерческого маркетинга – производство и распределение конкретных новаций в социальном пространстве [12].

Посредством маркетинга информационных продуктов и услуг формируется глобальное понимание информатизации культуры, осуществляется маркетинг социокультурных тенденций. Потребителю предлагается не столько техника, технологии, сколько новые виды социокультурного взаимодействия, информационная свобода, иной способ выстраивания креативных импульсов, а также сохранение или восходящие изменения статусно-ролевых позиций, новые возможности социальной интеграции. Информационный маркетинг представляет качественно новый уровень управления информатизацией культуры в силу обеспечения симбиоза социальных и природных аспектов, выходящих за пределы сферы культуры, уровней информатизации.

Индивидуализация позиции человека как члена общества в новом коммуникационном режиме подготавливает основу для построения диалогических отношений общества и власти, обеспечение различных смысловых позиций, которое приводит к продуктивному взаимодействию; появление новых позиций, наличие полноценных участников; изначальное отсутствие монополии на истину.

Социальный диалог – функциональная характеристика общества. Он реализуется во всех формах межсубъектных взаимоотношений и взаимодействий как в явной, так и в неявной формах. Социальный диалог ведется между всеми субъектами общественных отношений. Он реализуется и в форме взаимодействия индивида и социальной группы, индивида и общества, индивида и государства, равно как и социальной группы и общества, социальной группы и государства. Спонтанная неупорядоченность и стихийность такой формы социализации как социальный диалог, соответствует стихийности и неуправляемости социальных отношений. Нам представляется важным следующий вывод: на тех же ступенях общественного развития, которые предполагают выбор оптимальных форм социальной организации, социальный диалог также должен быть организованным, целенаправленным, ориентированным на достижение индивидуально и социально значимых целей [7].

Диалог выступает как форма наиболее эффективного взаимодействия социальных институтов, бизнеса и государства, власти и общества, предпринимателя и человека, предлагающего свой труд. Возрастание роли сотрудничества в процессе современной конкуренции невозможно реализовать без включения диалоговых механизмов. В данном процессе диалог выступает как ключевой способ построения новых моделей конкурентной конвергирующей социальной среды. Диалог невозможен без согласования тем обсуждения, а для этого необходимо изучать реальную социокультурную ситуацию. В конечном итоге, диалог способствует построению гражданского общества.

Очень важной проблемой развития культуры в современном российском обществе является зависимость различных его слоев и сфер деятельности от государства, так называемый патернализм. От государства в нашей стране зависят все: от людей, не вписавшихся в систему отношений постсоветской экономики, до олигархов, создавших в этот период огромные состояния. Все ждут от государства различной помощи: от финансовой поддержки до изменений в законодательной системе. Кроме финансовой поддержки, патерналистская функция государства проявляется в контроле над всеми процессами.

Дискурс рыночных отношений в сфере культуры как социальном феномене концентрируется на роли культуры как поставщика и потребителя, вследствие чего можно выявить основные исследовательские проблемы:

- рыночные отношения в сфере культуры как фактор социальной дезинтеграции и социализационный барьер;
- поиск культурных механизмов регулирования рынков;
- глобальный рынок как инструмент нивелирования национальных культур;
- маркетинговый подход к анализу взаимодействия сферы культуры и рынков;
- «кризис культуры» как следствие коммерциализации сферы культуры;
- специфика социального маркетинга: возможности и риски регулирования культурных изменений в обществе;
- информационный рынок как основа создания новых видов социокультурного взаимодействия в обществе.

Таким образом, рынок выступает универсальным регулятором многих социальных процессов, в том числе и процессов культурного развития. Однако амбивалентность стихийных рыночных

процессов предопределяет поиск культурных механизмов регулирования рынка. Исследование взаимодействия сферы культуры и рынка следует, на наш взгляд, изучать в контексте коэволюции рынка как социального института и сферы культуры. Необходимо проводить многоаспектные исследования рынков как феноменов культуры на стыке социально-гуманитарного и экономического знания. Изучение рынка как культуры позволит рассмотреть принятые на рынке правила и роли через социальные образования. Перспективной выглядит проблема исследования потенциала маркетингового подхода к изучению сферы культуры как потребителя различных фрагментов рыночной среды. По нашему мнению, изучение вышеназванных и других аспектов этой чрезвычайно объемной проблемы позволит уточнить сущность, механизмы функционирования процессов социального конструирования рыночной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход [Текст]: сборник статей: / М. Аболафия; ред. и сост. Радаев В. В. // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 431- 444.
2. Аболафия М. Как вырабатывается понимание экономического спада: интерпретативная теория хозяйственного действия [Текст]: сборник статей: / М. Аболафия; под ред. Добряковой М. С., Радаева В.В. (отв. ред.) // Анализ рынков в современной экономической социологии. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. – С. 253–279.
3. Бузгалин А.В. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире /А.В. Бузгалин , А.И. Колганов – М., ТЕИС, 2003 с.656.
4. Вольчик В.В. Институциональная и эволюционная экономика [Текст]: учебное пособие / В.В. Вольчик. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011. – 228 с.
5. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: методологические основы исследования экономических категорий [Текст]: / В.А. Гордеев // Объект, предмет, метод экономической науки и реальность: монография / под ред.В. В. Кашицына. – Новороссийск, 2014. – С. 60–73.
6. Гордеев В.А. Рубрика главного редактора. / В.А.Гордеев // Теоретическая экономика. – 2011. – №1. С. 4-9.
7. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование [Текст]: учебное пособие / В.И.Курбатов, О.В.Курбатова. – Ростов н/Д, «Феникс», 2001. – 416 с. С.98-99.
8. Миргородская Е.О. Большие экономические структуры как феномен современной экономики (к постановке вопроса). [Текст]: / О.Е. Миргородская // Философия хозяйства. 2006. №4 (46). С. 120-129.
9. Радаев В.В. Экономическая социология: учебник [Текст]: / В.В. Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.
10. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. [Текст]: / В.В. Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2003. – 325 с.
11. Родина Г.А. Структура теоретической экономики: эволюция взглядов [Текст]: / Г.А. Родина // Теоретическая экономика. – 2012. – № 5.с.26-36.
12. Юдина Т.Н. Влияние культуры и идеологии (мягкой силы) на социально-экономическое развитие России и Китая [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info

13. Abolafia, M.Y. *Making Markets: Opportunism and Restraint an Wall Street*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. – 72 p.
14. Abolafia, M.Y. *Hyper-rational Gaming* // *Journal of Contemporary Ethnography* (July 1996). Vol. 25, No. 2. – Pp. 226-250.
15. Abolafia M. Y. 2010. *The Institutional Embeddedness of Market Failure: Why Speculative Bubbles Still Occur*. In: Lounsbury M., Hirsch P. M. (eds). *Markets on Trial. The Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley, UK: Emerald; 479–502.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ДМИТРИЕВА Ю.А., ИВАНИЦКОЙ А.Е., ШУСТРОВА Л.И. «МЕНЕДЖМЕНТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Авторы рецензируемой монографии – специалисты из Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Иваницкая Анна Евгеньевна – экономист Центра трансферта технологий Технопарка названного вуза. Недавно она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, по материалам которой и выполнена рецензируемая монография. Защита была у нас в Ярославле, где я как член диссертационного совета смог познакомиться и с защищаемой работой, и с рецензируемой книгой. А научным руководителем соискательницы выступил Дмитриев Юрий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, соавтор рассматриваемой монографии. Другой соавтор – Шустров Леонид Иванович, кандидат экономических наук.

Рецензируемая работа, по моему мнению, посвящена крайне актуальной и своевременной в современных условиях проблеме преодоления сохраняющейся инновационной инертности экономики страны. В монографии исследуется состояние и процессы развития инновационной деятельности на промышленных предприятиях. Основное внимание в книге уделяется формированию механизмов и методов повышения инновационной активности и восприимчивости к созданию и внедрению инноваций, развитию новых подходов к управлению инновационной деятельностью и поиску резервов повышения ее эффективности.

Структура рассматриваемой монографии, как представляется, в полной мере отражает взгляд авторов на исследуемую проблему. Рецензируемую работу отличает попытка комплексного анализа инновационной деятельности как многоаспектного процесса разработки и внедрения

¹ Дмитриева Ю.А. Менеджмент развития инновационной деятельности на предприятиях в условиях модернизации экономики: монография / Ю.А. Дмитриева, А.Е. Иваницкой, Л.И. Шустрова – Владимир: Владимирское книжное издательство «Собор», 2013. – 172 с.

технологических и нетехнологических инноваций. В реализации данного замысла авторами предлагается использовать функциональный подход, что, на наш взгляд, представляется целесообразным и интересным с научной точки зрения, поскольку позволяет глубже понять сущность процесса управления инновациями во взаимозависимости основных и специфических управленческих функций, и тем самым устранить фрагментарность видения ее проблем.

Первая глава [с. 10-66] посвящена исследованию сущности инновационной деятельности предприятия, определению роли инновационной идеологии в его миссии, месте и роли маркетинговой составляющей в инновационных процессах. Здесь анализируются как основополагающие труды в области инноватики (А.Г. Поршнева, Й. Шумпетера, Г.С. Гамидова, А.И. Пригожина), так и ряд новых интересных научных взглядов зарубежных и отечественных ученых О. Шенкара, Р. Кантер, А. Репьева, Ф. Шамрая. Авторами приведен опыт управления инновационными процессами ведущих стран с инновационной экономикой (США, Германии), нормативно-правовая база инновационной деятельности (Руководство Осло, базовые федеральные законы и распоряжения Правительства РФ).

Особое внимание в этой главе уделено проблеме оценки и управления инновационным и маркетинговым потенциалом предприятия. Авторами исследуются достаточно широко применяемые в этой области методические разработки научных коллективов В.И. Зинченко, Е.В. Попова, анализируются их преимущества и недостатки.

Во второй главе [с. 67-99] рецензируемой монографии авторами исследуется взаимосвязь микроуровня управления инновациями и мезоуровня. При этом обосновывается необходимость применения интегрированных инновационных систем (ИИС) и сквозного бизнес-планирования инновационной деятельности в рамках такой системы.

В третьей главе рецензируемой книги [с. 100-151] рассматриваются вопросы формирования и мониторинга функционалов информационного обеспечения, интеллекта и учета рисков инновационной деятельности в свете их наиболее значимых проблем – формате представления агрегированной информации о пространственно-временной организации инновационного процесса, методах стимулирования инновационной деятельности и мотивации ее участников, проблем риск-менеджмента.

Хотелось бы отметить ряд следующих новых, на наш взгляд, положений и выводов, представленных в монографии.

Во-первых, отталкиваясь от современного представления об основных и конкретных функциях менеджмента, а также основополагающего документа Организации по экономическому сотрудничеству и развитию в Европе (ОЭСР) – (Руководство Осло), авторами введено основополагающее понятие – функционал инновационного бизнеса. Справедливо полагая, что функциональная структура бизнеса может быть обозримой и реально используемой в практике управления инновационной деятельностью предприятий лишь после агрегирования множества конкретных функций по их целевой направленности, авторами монографии выделено семь базовых функций: информационного обеспечения, интеллекта, маркетинга, инноватики, учета рисков, учета общего и производственного. Определяя функционал инновационного бизнеса как систему, целенаправленно сформированную для реализации той или иной базовой функции инновационного бизнеса, авторы рецензируемой монографии выдвигают тезис, что управление инновационной деятельностью предприятий сводится к управлению функционалами инновационного бизнеса. В связи с этим авторами определяются основные характеристики функционалов и требования к их целевым подсистемам и выходам, а также их взаимосвязь на стадии формирования системы управления инновационной деятельностью предприятия. Привлекает наглядностью представление структуры ее управляемой подсистемы [с. 40].

Во-вторых, в рецензируемой монографии представлена модель формирования и взаимодействия базовых функционалов инновационного бизнеса в рамках первого цикла инновационной деятельности, а также ее последующих циклов. Определены наиболее проблемные блоки в рамках каждого из функционалов, требующие первоочередного внимания.

В-третьих, авторами рассматриваемой книги выявлен инвестиционный компонент в составе стоимостной оценки инновационного и маркетингового потенциалов предприятия, что акцентирует внимание на более эффективное управление функционалами инноватики и маркетинга. Выполненное в монографии сопоставление балльной оценки потенциалов с их стоимостной оценкой предопределяет роль последней как наиболее эффективной, с точки зрения экономии ресурсов при внедрении технологических инноваций.

В-четвертых, в рецензируемой книге предлагается клиенто-ориентированная модель расширенного инновационного процесса, использование которой на стадии составления бизнес-планов разработки и реализации технологических инноваций позволит повысить эффективность их коммерциализации. Справедливо, считаю, отмечено, что отсутствие покупательской компетенции при появлении на рынке радикальных инноваций требует опережающего выполнения маркетинговых исследований с целью формирования так называемых «продающих аспектов» в составе технического задания на проектирование инноваций.

В-пятых, авторами монографии определены основные факторы внешнего воздействия и наиболее значимые элементы подсистемы научного сопровождения системы управления инновационной деятельностью предприятий, использование которых в условиях функционального подхода должно повысить ее эффективность. Особая роль в этом отведена формированию интегрированных инновационных систем (ИИС) и сквозному бизнес-планированию взаимосвязанных между собой предприятий, отобранных, как правило, из состава одного кластера. Обращает внимание перспективное, с нашей точки зрения, предложение о том, что экспертиза разработанных бизнес-планов внедрения инновационных продуктов и процессов должна подтвердить наличие условий формирования и эффективной реализации базовых функционалов инновационного бизнеса.

В-шестых, развивая идею использования базовых функционалов инновационного бизнеса, авторы рецензируемой монографии предложили универсальный для всех участников инновационной деятельности формат представления агрегированной информации о пространственно-временной организации инновационного процесса. В книге выявляются резервы повышения эффективности использования функционала интеллекта, на основе чего определяется база фонда материального поощрения инноваторов. Авторами рассматриваемой монографии адаптируется методика FMEA–анализа для оценки основных рисков на разных стадиях инновационных процессов.

Хотелось бы отметить, что монография базируется на обстоятельном анализе современных научных трудов отечественных и зарубежных ученых в области управления инновациями [в списке литературы 148 названий – с. 155-167], инструментально-методических разработок научных коллективов, законодательных и нормативных документов государственных органов РФ. В качестве информационной базы идентификации и анализа проблем привлечены официальные статистические данные Росстата и Высшей школы экономики, материалы социологических опросов руководителей и главных специалистов промышленных предприятий, финансовая отчетность. Значительная часть информации получена авторами рецензируемой монографии по результатам хоздоговорных научно-исследовательских работ, выполненных при участии авторов по заказам крупных промышленных предприятий г. Владимира.

Привлекает использование в работе современных методик проектного менеджмента и

менеджмента качества, позволивших развить существующий инструментарий управления применительно к специфике исследуемой проблемной области.

Вместе с тем, ощущающаяся в работе междисциплинарность в некоторых аспектах, затронутых в работе, приводит, мне кажется, к недостаточной степени освещенности рассматриваемых проблем, которые, на наш взгляд, требуют более обстоятельного исследования и анализа, например, проблем реализации функционалов производства и учета как результирующих. Также представляются не совсем удачными использованные формулировки названий функционалов «Учета» и «Учета рисков», порождающие неоднозначность трактовки их сущности, а также некоторое несоответствие описанным в работе их структурам.

Не в полной мере, на наш взгляд, реализован стоимостной подход к оценке инновационного и маркетингового потенциалов предприятия. Явно усилил бы этот аспект проблемы показ механизма получения данных о расширенной стоимостной оценке потенциалов из бухгалтерской отчетности предприятия, что позволило бы определить направления решения проблемы существования и разграничения учетных и реальных инноваций в практике инновационной деятельности.

Ну, и, конечно, с позиции теоретической экономии, нельзя не заметить, что предлагаемые авторами монографии улучшения менеджмента предприятий осуществимы при существенном пересмотре промышленной политики государства. Сейчас немало публикаций, констатирующих, что благая идея о принятии закона о промышленной политике в РФ при её реализации оказалась в значительной степени «кастрированной». Новый закон во многом превратился в набор деклараций. Авторы рецензируемой монографии, к сожалению, обходят стороной проблему этого хоть и внешнего, но важнейшего для менеджмента предприятий фактора.

Отмеченные недостатки, однако, не перечёркивают в целом благоприятного впечатления от проведенного авторами исследования. Монография, безусловно, заслуживает внимания и положительной оценки. Ее положения и выводы вносят вклад в теорию и практику управления инновациями в условиях модернизации экономики. Вызывает уважение оригинальный авторский подход к решению рассматриваемых проблем. Представляется, что работа позволяет сформировать общее видение сущности инновационной деятельности и отразить необходимость комплексного осмысления ее проблем.

На наш взгляд, монография имеет теоретическую значимость и практическую ценность и будет интересна широкому кругу читателей – от студентов и аспирантов, изучающих проблемы инновационного менеджмента, до менеджеров, руководителей промышленных предприятий. Для удобства читателей нашего журнала мы сочли необходимым разместить рецензируемую монографию владимирских коллег на собственном сайте «Теоретической экономики».

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.Н. СВИРИДОВ, О.Н. ГРАБОВА, Н.П. ГИБАЛО, А.В. ХРАМИНА. «ПОТЕНЦИАЛ И РЕЗЕРВЫ ПРОВИНЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Мелиховский Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра информационных и сетевых технологий
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: melikhovsky@mail.ru

Коллектив авторов рецензируемой монографии смело, считаю, начал исследование мало изученной дискуссионной проблемы – провинциальной экономики. В начале 21 века в России на фоне общего экономического роста обозначились территории с недостаточной развитостью социальной и производственной инфраструктуры, бедностью населения, со снижением его ресурсного потенциала, а ведь это составляет примерно 50 процентов населения России. Часто эти регионы называют провинцией, подчеркивая тем самым их отсталость от центра и столичного уровня. Между тем на этих просторах живут творческие люди, которые обладают большими возможностями. Выявить потенциал и резервы этих территорий – такую задачу поставили перед собой исследователи – костромичи. Вопросов для анализа можно выделить достаточно много, но авторы выделили два блока: экономический и социальный. В области экономики они сосредоточились на следующих проблемах:

- теоретические и методологические основы развития провинций,
- теории равновесия и факторов производства в провинциальной экономике,
- общественно-экономические уклады и их развитие,
- промышленно- индустриальные кластеры и ресурсный потенциал провинции,
- аграрное развитие в провинциях.

Даже такой простой перечень проблем показывает широту исследования. По каждой из них авторы дают исторический экскурс и выявляют возможности использования научных достижений на практике. Они активно использовали исследования российских и зарубежных ученых, статистические материалы Костромской области и Российской Федерации.

Прежде всего, отмечу, что авторы дают свое определение социально-экономической категории «провинция». По мнению авторов, это комплекс признаков: определенные и не всегда

¹ Свиридов Н.Н. Потенциал и резервы провинции: теория и практика [Текст] / Н.Н. Свиридов и др. – Кострома: Изд. Костромского госуниверситета имени Н.А. Некрасова, 2014. – 411 с.

четко выраженные территориальные границы социума, затухающая экономика, замкнутость и снижающаяся интеграция с государством и регионами, сокращение финансовых потоков и капитала, незначительный обмен технологиями, снижение услуг и инвестиций, сокращение корпоративных, научно-исследовательских и информационных сетей [с. 11]. Как видно, данное определение сориентировано на модель затухающей социально-экономической системы. Поэтому оно, по моему мнению, применимо в ограниченных пределах. Весь сам стиль и содержательная направленность рецензируемой монографии противоречат ему, ибо имеют целью выявить пути и методы социального и экономического роста.

Главная особенность коллективной монографии – стремление выявить теоретические основы развития провинциальной экономики и обосновать пути и методы преодоления ее отсталости. В этом смысле работа становится одной из первых в ряду политэкономических разработок по поиску форм связи современной науки и практики. В связи с тем, что в России теория провинциальной экономики только начинает развиваться, авторы рассматривают некоторые выводы западных учений. Так, леворадикальные экономисты акцентируют внимание на усилении в настоящее время зависимости слаборазвитых стран и регионов от более сильных партнеров, на негативные последствия внешнего, а не внутреннего обмена. Латиноамериканские исследователи обращают внимание на рост антагонизма отношений между развитыми и развивающимися странами, на усиление асимметричной взаимозависимости стран и регионов [с. 25-27].

Все это нужно учитывать при выработке наших оценок развития регионов. Действительно, противоречия и асимметричность наблюдаются в процессе развития российских регионов и их структурных элементов, что сопровождается конфликтами и противоречиями между центром и периферией, между соседями по вопросам миграционной политики, использованию ресурсов и доходов от них. Но чтобы найти приемлемые выходы из трудностей, целесообразно сформировать такие механизмы, которые бы учитывали возможности использования выводов таких теорий, как институционализм, факторов производства, равновесия и обмена. Теория нового институционализма выступает в монографии как сквозная при анализе проблем. Так, для достижения устойчивости в многоуровневой региональной системе авторы выделяют три группы институциональных факторов: стабилизирующих, дестабилизирующих и нейтральных [с. 98]. В отношении индивидов к институциональным структурам по вопросу о влиянии экономических интересов важно учитывать несколько институциональных моделей поведения: консервативную, конформистскую и критическую [с. 110-111]. При формировании институционально-властных функций возможны следующие модели поведения ветвей управления в центре и на местах [с. 112-114]:

- социально-экономическое маневрирование, когда с помощью решений ветвей власти обеспечивается ослабление противоречий между ущемляемой частью общества и системой управления,

- политическое маневрирование, когда с помощью политических партий принимаются меры по сглаживанию разногласий между общественными организациями, представляющими разные интересы социальных групп,

- политическое манипулирование, когда с помощью средств массовой информации осуществляется необходимое воздействие на общественное сознание и поведение индивидумов и социальных групп,

- интеграция контрэлиты в многоуровневую экономическую систему для организации селекции кадров и преодоления общественного недовольства,

- силовое давление как способ регулирования общественных конфликтов.

В монографии много места уделено теории факторов производства, в том числе проблеме

взаимосвязи капитала и труда [с. 163-170]. Особенно, считаю, она применима к процессу функционирования малого бизнеса, который играет в регионах одну из ведущих ролей. Авторы подчеркивают, что в провинциальной экономике при развитии малого бизнеса нужно дополнительно учитывать ряд обстоятельств, в том числе: взаимосвязь этих форм между собою, между макроэкономической средой более высокого порядка (крупный бизнес, властные структуры). То есть развитие, по мнению авторов рецензируемой монографии, должно происходить комплексно, и только тогда будет достигнут желаемый эффект [с. 176-177].

Особенно много внимания в монографии уделено теории равновесия [параграф 2.2]. Данная теория трактуется в широком плане и включает следующие свойства:

- многоуровневый тип равновесия – от человека, семьи, провинции внутри административного района, внутри субъекта Федерации, от межрегионального до федерального уровня [с. 13],
- наличие в системе различных социально-экономических укладов, которые обуславливают сложную социальную структуру провинций [параграф 3.3, с. 186-204],
- многообразие различных видов равновесий – экономических, национальных, демографических, политических, социальных, религиозных и других, что требует согласования интересов разных социальных групп, комплексной оценки нестабильности [с. 100],
- перемены в системе, как правило, дискретны, скачкообразны, что объясняется цикличностью развития провинций в составе системы, воздействием внутренних и внешних факторов [с. 101],
- перемены в системе подвергаются модифицирующему воздействию целенаправленной властной воли, что предполагает особую роль субъективного фактора [с. 101],
- многоуровневая система не может функционировать, развиваться и решать свои проблемы только на своей собственной основе, на «закрытой институциональной базе», что предполагает тенденцию к открытости [с. 107].

Ведущей причиной провинциального или группового сплочения и дифференциации авторы называют экономические интересы [с. 103]. Но чтобы стать силой сцепления или разлада, они должны преобразоваться в форму национального поведения – активного или пассивного. В зависимости от этого могут осуществляться разные жизненные сценарии [с. 103]. Такая оценка особенно важна при распространении в мире идей «цветных революций». Авторы в связи с этим оценивают властное взаимодействие центра и провинций [с.112-116]. Для сохранения динамичности и одновременно устойчивости системы необходимы, по их мнению:

- максимальная ориентация на силы притяжения, скрепляющие систему,
- ослабление импульсов и вибраций, способных разрушить систему,
- выработка и принятие таких институциональных правил, которые обеспечат функционирование многоуровневой системы [с. 112].

Составной частью теории равновесия выступает теория эквивалентного обмена [параграф 1.3]. Опираясь на выводы классической политэкономии, авторы выделяют его ведущее свойство – эквивалентность, рассматривают формы обмена – экономические, социальные, политические [с. 94]. Авторы утверждают, что неэквивалентный обмен является главным тормозом социально-экономического развития России [с. 76]. Но системных доказательств такого утверждения, на мой взгляд, в рецензируемой монографии приведено недостаточно. Вместе с тем авторы предлагают свои рекомендации по совершенствованию отношений обмена, которые сводятся к следующим положениям:

- баланс между потреблением и накоплением должен обеспечивать экономический рост,

- регионы должны нести одинаковое бремя непроизводительных затрат,
- необходимы ресурсы для обновления капитала и обучения кадров,
- должен быть равный доступ к общественным благам всех слоев общества,
- государство обязано обеспечивать сильную институциональную защиту частной собственности как источника дохода и формирования блага,
- распределительная политика государства обязана учитывать интересы каждого члена общества и социальных групп [с. 90].

Конечно, в этих рекомендациях содержатся пожелания значительной части граждан страны, а применительно к провинциальной экономике они свидетельствуют о наличии больших социальных проблем.

Важное место в исследовании занимает проблема многоукладности провинциальной экономики [параграф 3.3]. Дается подробный экскурс развития взглядов исследователей на понятие уклада и делается вывод о том, что до сих пор многоукладность выступает как одно из ведущих свойств провинциальной экономики. Выделяются следующие уклады: корпорации, холдинги, средний и малый бизнес, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства [с. 190-191]. Однако в данном разделе работы нет характеристики этих форм и тенденций их развития в провинциальном разрезе, что, конечно, по моему мнению, снижает уровень исследования.

Этот недостаток частично нейтрализуется анализом аграрной экономики Костромского региона. Здесь, наоборот, вопросы развития сельского хозяйства рассматриваются многократно:

- с. 125 – структура продукции сельского хозяйства в России в 1980-2011 гг.,
- с. 127 – посевные площади и животноводство в России и Костромской, Тульской и Орловской областях в 1990 – 2011 гг.,
- с. 70-75 – меры по развитию семейно-трудовых хозяйств и модернизации аграрной экономики,
- с. 325-345 – история аграрной кооперации и развитие провинций.

Думаю, что редактору следовало бы объединить все эти исследования в одном месте, чтобы обосновать важную идею о том, что без подъема аграрного сектора нельзя обеспечить преодоление отсталости российских провинций.

К проблеме сельского хозяйства примыкает вопрос о промышленно-индустриальных кластерах в регионах. В Костромской области авторы выделяют следующие кластеры: ювелирный, лесной, льняной [с. 219]. С их помощью возможно успешное развитие не только всего региона, но и наиболее отсталых его частей, усиление роли отраслей. В связи с этим авторы приводят интересные показатели оценки значимости отрасли для экономики Костромского региона [с. 212]:

- коэффициент локализации по валовой продукции,
- коэффициент локализации по промышленно-производственному персоналу,
- коэффициент локализации по стоимости основных фондов,
- коэффициент душевого производства,
- коэффициент внутреннего спроса.

Успешность исследования такой многосторонней проблемы, как провинциальная экономика, во многом зависит от методологии. Авторы это понимали и в качестве основного принципа провозгласили идею полиметодологического подхода [см. параграф 1.2] Это – применение не одной

методологии, а целой группы – системность, комплексность оценок, связь теории и практики, множественность моделей, приоритетность социальных проблем, их включение в систему эквивалентного обмена. Такой подход позволил сформулировать новое методологическое понятие – аудит социально-экономического развития территорий, что очень важно при анализе противоречивых и многофакторных процессов [с. 27-35].

Важное место в монографии отведено социальным проблемам, в том числе:

- сословность и новая стратификация населения в РФ,
- социально-экономическое планирование провинциальных моногородов,
- бедность как фактор пролетаризации населения провинций,
- трудовые отношения,
- институт гражданского общества.

Следует отметить, что их рассмотрение различно по качеству. Самым удачным стал аудит социально-экономического развития моногорода Мантурово за 1989 – 2012 годы [глава 4, с. 222-310]. В нем в 2012 году проживало 17,1 тысячи человек, что меньше по сравнению с 1989 годом. Его доля по сравнению с областным центром г. Костромой в общей численности населения меньше в девять раз (соответственно 40,7 и 4,5%). Расстояние до областного центра по шоссе составляет 267 км. Градообразующим предприятием является фанерный комбинат, имеются предприятия малого бизнеса. Проведен SWOT – анализ с выделением сильных и слабых сторон внутренней среды города [с. 260]. Большой интерес представляют разработки стратегического прогноза развития на 2012 – 2030 годы [с. 269-303]. Приводятся многочисленные количественные показатели, но этого уже недостаточно для оценки качества жизни населения. Думаю, что нужно вводить еще такие показатели:

- сравнение уровня качества жизни населения города с областным центром, с аналогичными моногородами и со средними показателями по Центральному федеральному округу,
- сравнение временных сроков достижения уровней указанных показателей, что будет свидетельством общей социальной эффективности работы.

На хорошем уровне написан раздел о стратификации общества в провинциях [параграф 2.5, с. 146-162]. Авторы пытаются возродить понятие «сословность» как оценку социальных групп со своими общими занятиями, формой собственности, правами, обязанностями и доходами. Приводятся схемы сословно-иерархической структуры в дореволюционной России, в СССР и в современной России [с. 154, 157, 160]. Авторы утверждают, что в современной России на основе распада прежней классовой структуры советского общества формируются новые общественные группы, которые становятся сословными стратами и поддерживаются законодательно: повышенные размеры пенсий, выделение жилья, высокие зарплаты и т.д. [с. 155]. Однако авторы не сумели показать эти тенденции на провинциальном уровне из-за закрытости информации. Общая оценка сословий в монографии следующая:

- первый уровень: президент, правительство и их структуры, силовые ведомства, финансово-банковский капитал и монополии,
- второй уровень: представители субъекта федерации, военизированные структуры, монопольно-олигархический капитал на региональном уровне,
- третий уровень: органы власти муниципального уровня, военные разных форм, местный бизнес муниципального и районного уровня [с. 160].

При оценке преобразований в классовой структуре общества сталкиваются разные точки

зрения. Так и случилось в рамках данной монографии. С одной стороны, утверждается идея о распаде классов, а, с другой, – по-прежнему существует и продолжает модифицироваться рабочий класс [с. 131-145]. В основе этого процесса – бедность, низкие доходы, что и определяет пролетаризацию и люмпенизацию общества [с. 135]. Соответственно авторы выделяют следующие слои населения, которые можно отнести к пролетариату: низкооплачиваемые наемные рабочие, работники культуры, учителя, преподаватели средних и высших учебных заведений [с. 134]. Такая оценка нуждается в дополнительной аргументации. Думаю, что уровень дохода не является единственной причиной формирования низкодоходного слоя общества. Речь нужно вести также и о собственности на имущество и на рабочую силу. Человек может иметь низкий доход, но быть предпринимателем или фрилансером, что меняет его социальный статус.

Продолжением темы о бедности является раздел о трудовых отношениях в провинции [параграф 5.5, с. 372-390]. В работе верно подчеркивается рост интеллектуализации и информатизации труда. Соответственно растет спрос на высококвалифицированную рабочую силу и на ее справедливое вознаграждение. Авторы формулируют систему показателей социальной оценки качества трудовых отношений [с. 379-380]. Однако в очередной раз исследование ведется в отрыве от фактической ситуации в провинции.

На недостаточно высоком уровне исследован важный вопрос о месте и роли гражданского общества в системе экономических отношений [параграф 5.4, с. 369-371]. В нем также нет регионального подхода к оценке происходящих процессов в обществе.

В заключение нужно отметить, что, несмотря на отмеченные недостатки, монография является важным и нужным исследованием актуальной теоретической и практической проблемы. Она может быть рекомендована для изучения в системе повышения квалификации кадров для исполнительной и законодательной ветвей власти, в магистратуре по направлению «менеджмент». Вполне можно готовить ее второе издание с разработкой новых тенденций, в том числе с определением оптимального размера провинций с точки зрения их окупаемости, формирования среды с высоким качеством жизни, новой социальной структурой.